

ВЕНГЕРСКИЙ ИНСТИТУТ
РУСИСТИКИ

КОНЕЦ ЕЛЬЦИНЩИНЫ

Серия SZOVJET FÜZETEK

Конец перестройки?

Приватизация в СССР

Конец СССР?

ГУЛАГ: цифры и факты

Геноцид в СССР

Альтернативы экономической политики Ельцина

Краткая история Украины

1917 – революция в России

Смена строя в СССР

Серия POSZTSZOVJET FÜZETEK

История межэтнических конфликтов в закавказских республиках

Ельцинщина *(на русском языке)*

Краткая история Белоруссии

Межэтнические конфликты
на территории бывшего СССР

КОНЕЦ ЕЛЬЦИНЩИНЫ

БУДАПЕШТ 1999

Редактор серии:
Тамаш КРАУС

ISSN 1215–2560
ISBN 963 7730 23 0

Венгерский институт русистики, Будапешт
Ответственный издатель: *Дюла Свак*,
директор Венгерского института русистики

Содержание

Предисловие к читателю	5
Вместо предисловия: Президент Борис – Царь Борис (<i>Дюла Свак</i>)	7
Беда и катастрофа в России (<i>Акош Силади</i>)	12
Промышленность России: упадок и развал (<i>Петер Фаркаиш</i>)	41
Потерянное десятилетие России: От капитализма-1 к капитализму-2 (<i>Пал Тамаш</i>)	97
Ельцинизм на весах истории (<i>Тамаш Краус</i>)	127

Предисловие к читателю

В октябре 1993 г. утвердился режим, который в нашей предыдущей, выпущенной по свежим следам событий брошюре был назван „Ельцинщиной”. В октябре 1998 г. здесь, в Будапеште, в Центре русистики Будапештского университета мы решили издать еще одну книжечку на русском языке, поскольку мы считали, что августовские (финансовый крах) и октябрьские (всероссийские массовые демонстрации) события свидетельствуют об агонии режима 1993 года.

Брошюру, выпущенную нами в декабре 1993 г., ожидала завидная судьба в России, прежде всего, конечно, в Москве. Мы имеем в виду не только множество рецензий и дискуссий, но прежде всего то, что исследователям такой маленькой страны как Венгрия удалось „внедриться” на российский интеллектуально-политический рынок. Российско(советско)-венгерские культурные связи ныне практически ограничиваются случайными и стихийными инициативами, идущими из частной сферы, но в такие периоды времени могут сыграть свою роль и эти инициативы. Страны бывшего советского блока заняты ныне „присоединением к Европе”, а значение связей с Россией, по (ошибочным) расчетам правящей элиты, радикально девальвировалось. В данном случае речь идет не только об ограниченности, связанной с традиционной русофобией, но и о том, что эта элита неясно представляет себе исторические перспективы и возможности России. В свою очередь, в России во многом не понимают роль бывших

союзников в связи с перспективами „российской позиции“. Таким образом, наше издание, адресованное прежде всего широкому кругу читателей, интересующихся прошлым и настоящим России, имеет двойную цель.

С одной стороны, мы намерены продолжить анализ протекающих в России процессов, что указывает на поддержание как духовно-научных, так и культурно-политических связей между нашими странами под знаком свободного обмена мнениями. С другой стороны, быть может, небесполезно знать, как видят процессы развития России венгерские исследователи русской истории и культуры. Ведь Россия по-прежнему означает интеллектуальный вызов для всего мира. Мы попытаемся понять ее *умом*...

1 января 1999 г.

Редактор

Дюла Свак

Вместо предисловия

ПРЕЗИДЕНТ БОРИС – ЦАРЬ БОРИС

Второе издание „смутного времени”

Вскоре после кровавого ельцинского путча 1993 года Венгерский институт русистики издал небольшой сборник статей под названием „Ельцинщина”, авторы которого попытались определить характерные черты ельцинской системы, сознавая, что анализу подвергается новый период русской социально-политической истории. Тогда ещё нельзя было предвидеть, что этот период продлится всего лишь полдесятилетия, хотя у историков и политологов не было никаких оснований – в отличие от мнения западных СМИ и подавляющего большинства политиков – приветствовать в ельцинском эксперименте возможность прочного решения. Словом, перечитывая заново тот сборник, мы не чувствуем необходимости что-то опровергать или переоценивать в свете последующих событий. Тем не менее, если в первом сборнике мы предложили всего лишь свой прогноз, конечно, опираясь на широкие исторические взаимосвязи и тенденции, то теперь мы можем подвергнуть жесткому историко-политологическому анализу уроки уже завершившейся эпохи.

Сам я в 1993 году, прибегнув к средству исторической аналогии, пытался провести параллель между Петром I и Ельциным, признаю, достаточно шокирующим для русского человека образом. Однако это сравнение удивляет лишь в том случае, если мы безоговорочно причисляем Петра I к прогрессивным деятелям русской истории. Тогда как я разделяю мнение Ключевского, который считал, что интересы российской империи не совпадают с интересами её подданных, а зна-

чит, вовсе не обязательно, что человек, который так много сил потратил на создание великой военной державы, принес благо своему народу, и ещё меньше хорошего он сделал для последующих поколений. Однако я допускаю, что он сделал максимум того, что ему позволяли имевшиеся в его распоряжении средства и что он мог сделать в пределах своих возможностей. Нельзя порицать его за то, что он выполнил свою задачу: укрепил российское государство.

Чего не скажешь, естественно, о Ельцине. Параллель между ними верна лишь с точки зрения идущей сверху европеизации. Другое дело, что, на мой взгляд, это и есть ключ к „русскому вопросу“. Насильственно европеизировать невозможно, даже успешно модернизировать нельзя, потому что рано или поздно органическое развитие даст о себе знать и внесет свою историческую коррекцию. Прорубивший окно в Европу Петр на самом деле азиатизировал русское общество.

Бесспорно, и Ельцин хотел каким-то образом вестернизировать Россию, но если Петр делал это до мозга костей русским образом – от души и с плеча –, то Ельцин вел себя по-восточному, хитря, лавируя и нерешительно. Максимум, чего он этим добился – это то, что его политическая агония не опередила физическую, однако при этом он принес на алтарь личных властных амбиций судьбу реформ. Москва и впрямь стала более европейским городом, чем раньше, однако обо всей стране этого никак нельзя сказать.

И здесь окончательно расходятся пути этих двух, исторических личностей живших в столь далекие друг от друга эпохи. В эпоху Петра I проблемы империи нашли своеобразное русское решение, пусть даже предвосхищая – в исторической перспективе – позднейшие катаклизмы. В век глобализации вызывает сомнение, возможно ли оно вообще. Однако никаких сомнений нет в том, что Ельцин его не нашел. „Его правление“ куда больше напоминает „смутное время“ начала XVII века, чем петровскую европеизацию.

Давайте перелистнем исторические книги лет на четыреста

назад и взглянем на первое издание смуты. Страна только что пережила ужасы политики террора Ивана Грозного, Борис Годунов стремится к консолидации государства. Мы являемся свидетелями столь часто повторяющейся в русской истории сменяемости (цикличности): за „плохими” периодами следуют „хорошие”, период „затягивай!” сменяет период „распускай!”. Но у Бориса Годунова есть только одно средство для укрепления естественной социальной базы царской власти, служилого дворянства: это практика так называемых „заповедных лет”, то есть, запрещение свободного выхода крестьян. А это не что иное, как введение крепостного права, которое впервые поляризует на два противостоящие друг другу класса – землевладельцев и крепостных – все русское общество. „Революционная ситуация” налицо, нужна лишь идеология, которая выведет на поверхность противоречие, создающие напряжение в обществе.

Ею становится вера в самозванца. Кто-то утверждает, что он потомок последнего легитимного царя – Ивана IV – и этого оказывается достаточным для того, чтобы практически все отвернулись от Годунова. Даже „элита”, надеющаяся на перераспределение власти. Начинается примерно десятилетний период, когда в козачьих шатрах „рождается” целая вереница царей-самозванцев истинный правитель становится ложным, лжецарь – настоящим, бояре то одному, то другому присягают на верность, народ восстаёт и чинит страшные разрушения, да и иностранные державы не сидят сложа руки. Кончается все это тем, что Москву захватывают поляки, а Новгород – шведы. В конце концов страну спасает небывалое доселе в системе неограниченной царской власти, напоминающее примитивную демократию Киевской Руси всенародное движение, так называемое „народное ополчение”. Это была армия, состоявшая из непривилегированных масс служилых дворян, во главе которой стояли не особенно родовитый князь Пожарский и купец Минин. Законный царь находился в плену у поляков, управляющие страной бояре сговорились с поляками: и тут в судьбе России неожиданно возникла возможность для

демократического поворота. И свершилось. Народное единство сделало своё: Москва была освобождена.

И тогда в столице собрались выборные из широких слоев населения на собор и выбрали царя. На трон был возведен первый Романов, и все почувствовали облегчение. В массовом сознании конец „смутному времени” наступил тогда, когда управление страной – по крайней мере теоретически – снова взял в свои руки царь-батюшка. А дальше все идет своим чередом в колее неограниченной царской власти с тем, чтобы спустя пару десятилетий на историческую арену вышел самый радикальный самодержец в русской истории – Пётр I.

Ну, и что же поучительного во всем этом мы находим сегодня? Примитивные совпадения – какими заманчивыми бы они ни казались – спокойно отбросим. Соблазнительна, например, аналогия с лжецарем, ведь власть Ельцина начиная с 1993 года и в самом деле нелегитимна. Забавные параллели можно было бы провести между переходом на сторону новой власти бывшей партийной номенклатуры и поведением бояр, вплоть до того, что последние отдали страну в руки иностранцев.

Однако по-настоящему заставляют задуматься структурные сходства. И среди них наиболее существенным представляется изменение основных общественно-производственных отношений. Там речь идет о феодальных, здесь – о капиталистических отношениях, у первых, надо отметить, в конце XVI века уже были достаточно серьёзные предпосылки. Но когда царь Борис неожиданно, радикально и сверху вторгся в эти объективные процессы, общество отреагировало истерически. В случае президента Бориса мы имеем дело с тем же самым, с той лишь существенной разницей, что человек постсоветской эпохи ещё меньше был готов к изменениям, чем русский эпохи позднего средневековья. Конечный результат – полная государственная анархия, дискредитация властного центра и приближенных к нему на почве окончательного развала производства. Даже на уровне цифр мы обнаружим поразительные аналогии между масштабами разрухи начала XVII века и экономическими показателями середины 1990-х годов. При этом бросается в глаза неиз-

менность техники выживания русского населения. В средние века северные неплодородные земли не баловали русского крестьянина. Поэтому наряду с земледелием, считавшимся основным его занятием, пропитание ему обеспечивали леса и реки. Охота, рыболовство, собирание грибов и ягод. С определенными поправками это можно сказать и о наших днях.

Ещё большего внимания заслуживает политическое сходство процессов. По мере ослабления власти правителя, укрепляются демократические институты. Так же, как четыреста лет назад, делается попытка конституционного ослабления неограниченной государственной власти. Ослабление центральной власти и в наши дни сопровождается усилением регионов: как в первом, так и во втором издании „смутного времени” наблюдается территориальный распад *de facto* одновременно с утратой зоны влияния *de jure*. И это русским обидно. Ни по отношению к прошлому, ни по отношению к настоящему нельзя недооценивать то, какое идеологическое значение в массовой психологии имеет имперское сознание. В православном духе. Так было раньше, так это и теперь.

На основе такого исторического опыта страшно задумываться о возможном сценарии дальнейших событий. Ещё более резкое углубление процесса распада, ещё больший хаос, за которым последует создание нового национального единства (империи), как волеизъявление всего народа, во главе с новым легитимным лидером. Однако глобализация – это, несомненно, новое историческое явление по сравнению со средневековьем. И это дает повод для некоторого оптимизма. Однако надо четко осознавать и препятствия. В этом смысле из правления Бориса Ельцин может извлечь больше всего уроков. Россия страна самобытная, у неё тысячелетние традиции, пренебрежение которыми ведет к волюнтаристским решениям. Нельзя привлекать народ к ответственности за историческую предопределенность, однако от государственного деятеля конца XX века можно ожидать, чтобы он учился на опыте своих предшественников.

Акош Силади

Бедя и катастрофа в России

„Россию погубили три западных
экономиста:
Маркс, Энгельс и Джеффри Сакс.”
(московская прибаутка в августе 1998-го)

То, что произошло в России, это, как говорится в старом советском анекдоте, *„катастрофа, но не беда”*. В ореховой скорлупке этой остроты умещается вся суть того, по всей вероятности, эпохального поворота, которым стало *17 августа 1998 года*, этот траурный день финансового краха России, означающий – если пока не по своей судьбоносности, то уж по своему характеру вне сомнений – заключительный этап одного из циклов русской модернизации. *„Либеральные” периоды ослабления, отлива государства*, раскрепощающие эпохи отступления *„единого государства”* – курсы *„экономической дерегуляции”, „демократизации”, „открытости Западу”, „сближения с Западом”, „оттепели”* и т.д. – всё это при отсутствии сильного и самодействующего общества, твердого правопорядка и независимых участников экономической жизни, как правило, выливается в крах, катастрофу, развал государства, *„грабёж”, криминальный „беспредел”, „смуту”, „инволюцию”, „хаос”*. А вслед за падением и развалом следуют, как по расписанию, *„антилиберальные” периоды пробуждения, активизации государства*, то есть его *приливы* (или же, как на этот раз, по меньшей мере симуляции *„великого перелома”*). Хаос как бы оправдывает роль государства в установлении порядка. Были бы у него силы: экономические и политические. Экономические силы призвана обеспечить реприватизация, централизация, восстановление государственных монополий, а политические – личность, способная навести порядок. И снова на повестке дня в России стоит

старый вопрос: каким образом станет/ может стать российское государство – на свой манер! – сильным и благодевающим. (Коль скоро „общество” очередной раз провалилось на экзамене по рыночному благополучию.) Из этого вопроса в свою очередь вытекают два следующих: как можно воссоздать экономическую и финансовую основу государственного авторитета и кто будет наводить порядок: Хозяин, Монарх, Крестный отец? И тут же в российской политической жизни зазвучали призывы: „навести порядок”, „опираться на собственные силы”, „учитывать национальную самобытность”, „отказаться от стерильных западных схем”. Конечно же, это пока риторика и симуляция. Во всяком случае в соответствии с новым направлением движения практически каждый видный и претендующий на роль Человека, способного навести порядок, политик преподносит себя – как в своей риторике, так и в своей программе – слегка *этатистом*, слегка *изоляционистом*, слегка *анти-западником*. И если раньше, в либеральный период отлива государства, „вестернизация” обозначалась в российском политическом лексиконе конспиративным понятием „нормальный” (Россия стремится стать „нормальной” страной, „с нормальной рыночной экономикой”, „с нормальным государством” и т.д.), то теперь, накануне приближающегося периода прилива государства, „антизападность” скрывается под выпущенным на свободу определением „русский” (нам нужен самобытный „русский капитализм”, „русский порядок”, „русский путь”, ибо „нерусский”, то есть „нормальный”, путь, как мы видим, привел к краху и катастрофе). И поскольку от Запада не ожидается более сколько-нибудь серьезной финансовой и экономической помощи, а Россия продемонстрировала свою неспособность на данный момент интегрироваться в мировую экономику, наконец-то можно не оглядываться на западные – экономические, политические, правозащитные – нормы и предписания: „можно быть такими, какие мы есть: русскими”. И не существенно, как смотрят на это отдельные политики: как на нечто вынужденное, или же как на освобождение,

возвращение на „правильный путь”, „собственный путь”, „третий путь”, ведущий к восстановлению утраченной целостности русской идентичности (идентичности государства), в результате чего Россия заживет как у Христа за пазухой.

Русский цикл (отлив – хаос – прилив), как мы видим, не нарушен, хотя в данный момент трудно сказать, сколько будет продолжаться прилив, какой характер он будет носить, и вообще, не попытка ли это отвлечь внимание и выиграть время. Возможность создания сильного – в финансовом и правовом отношении – *либерального центрального государства*, к которому стремились „младореформаторы” с помощью своих становившихся всё более отчаянными реформ, окончательно развеяна вследствие отсутствия партнёров в обществе и экономической катастрофы, перерастающей в финансовый крах. И поскольку внешние и внутренние финансовые и политические ресурсы и условия не-изоляционистского, ищущего пути и способы интеграции в мировую экономику, обладающего необходимыми силами и полномочиями, не-идеологического, не-экспансионистского, социально-чувствительного либерального государства оказались исчерпанными (кредит доверия Запада иссяк, надежд на его кредиты и инвестиции больше нет, клептократические кланы и финансовые олигархии разворовали и прожили всё то, что могло бы удержать от экономического и правового развала федеративное государственное устройство и то, что можно было бы вернуть и вложить в российскую экономику), по традиции пришло время воссоздания не-либерального, а возможно, и анти-либерального, силового русского государства. Вопрос лишь в том, каким же способом, при объединении каких деловых и политических групп, с какой идеологией, за какое время и, не в последнюю очередь, из чего, из каких источников, с какими результатами это произойдёт. Ведь у российских преобразований одинакова лишь схема. Конкретная же её реализация, конкретное наполнение, конк-

ретный мир целей и средств – действующие лица, их интересы, ставки – в каждую эпоху и при каждом режиме свои, в зависимости от смены идеологий и имеющихся в распоряжении источников и средств.

БЕДА

Начнём с того, что если катастрофа это ещё не беда и финансовый обвал лишь сдёрнул с России блестяще работающие на поверхности видимости: видимость стабильной финансовой и банковской системы в глазах внешнего мира, видимость твердого и конвервируемого рубля в денежной системе, политическую видимость парламетской демократии и свободы печати, видимость успешности либеральных реформ в управлении, видимость преуспевающей, строящейся и хорошеющей России в образе Москвы, видимость растущего среднего класса в обществе, если всё это так, то *где же тогда та самая беда*, которую до сих пор столь успешно прикрывали „эти видимости” (возможно, это и есть единственный настоящий успех восьми лет ельцинской курса: симуляция успеха!). Не стремясь к полноте, попробуем всё же в сжатой форме перечислить то, что мы считаем бедой, дабы избежать упреков в голословности¹:

¹ И. Н. Шургалина: Реформирование российской экономики, Опыт анализа в свете теории катастроф. М., 1997; Н. Я. Петраков – В. Л. Перламутров: Россия – зона экономических катастроф. – Вопросы экономики, 1996, № 3; Реформирование России: мифы и реальность М. 1994; Экономика России в 1994-1995 годах: анализ и прогноз – Аналитический бюллетень. ИМП РАН. М. 1995

1). Абсолютное сокращение ВВП в России в 1994 году по сравнению с 1989 годом составило около 48% и это сокращение продолжается². В 1997 году проект бюджета на 1998 год составил 70 млрд. долларов (в марте из этого уже стало 87 млрд.), что является малой частью американского бюджета в 1800 млрд. долларов и всего лишь в пять с половиной раз больше венгерского, составляющего 15 млрд. долларов. На ядерное оружие США тратят 24 млрд., а Россия 3 млрд.. ВВП в России составил в 1997 году 450 млрд. долларов, то есть столько же, сколько в Голландии, в Индии этот показатель в два раза выше, в Китае выше в шесть раз. Доля России в мировой экономике составляет 1,5% (доля Советского Союза была около 10%), доля в мировой торговле тоже 1,5%. (В 60-е годы ВВП Советского Союза составлял 43-45% от американского, за полтора десятилетия этот разрыв превратился в пропасть, разделяющую Россию и развитые западные страны. В эту пропасть и провалилась Россия.) Объем промышленного производства в 1996 году составил 42,2% от 1989 года, в сельском хозяйстве этот показатель составляет 39,9%. При

² В 1990 году в Советском Союзе ВВП составлял около 2531 миллиардов долларов, что равнялось 44% от ВВП США. В 1992 году ВВП Российской Федерации, которая „унаследовала” 76% территории Советского Союза и примерно половину его населения, сократилось до 852 миллиардов (14% от ВВП США) и так продолжается из года в год: в 1993 году 777 миллиардов, в 1994-ом 656 миллиардов, в 1995-ом 626 миллиардов и в 1997-ом 450 миллиардов долларов (последнее составляет 9% от ВВП США), по текущему курсу доллара. Эти данные опубликованы в кн.: Россия: новый этап неолиберальных реформ. Республика, М., 1997. Сергей Рогов, директор Института Америки и Канады, добавляет, что в 1997 году российский бюджет с его 80 миллиардами долларов (в которых уже содержался и дефицит) составлял одну двадцатую американского, одну четырнадцатую японского и одну четвертую китайского. И поскольку в этом бюджете на военные нужды (а вместе с ними и на долгожданную, непристанно провозглашаемую военную реформу) выделяется 3%, то есть в двадцать раз меньше, чем на заре перестройки в 1985-ом, притом что российская армия сократилась с 4 миллионов до полутора миллионов в 1997 году, можно предвидеть, что вслед за развалом России как великой экономической державы неизбежно последует её развал как великой военной державы. См.: Сергей Рогов: Контуры новой российской стратегии. – Независимая газета, Сценарии, 11 марта 1998

этом не только не произошло смены производственной структуры, но и снизилась производительность труда. Энергоемкость ВВП возросла за 1992-1995 гг. на 35-38%, доля ТЭК в ВВП возросла с 22% в 1991 году до 35% в 1995 г. Эта тенденция продолжалась и в 1996 и 1997 году. После финансового краха в 1998 году ВВП понизился на 5-6%, в следующем году специалисты прогнозируют понижение не менее, чем на 10-15%.

47% промышленных предприятий были убыточными в 1998 году и, по оценкам специалистов, пятая их часть в этом году обанкротится.

2). Уровень производительности труда, и в советские времена не доходивший до поднебесья, составил в 1996-97 году 40% от показателей 1989 года.

3). За 1991-1997 годы объем капиталовложений был в четыре раза меньше предыдущих. (В 1995-1996 году он сократился по сравнению с 1989 годом на 76%.)

4). К концу 1995 года 52-54% основных средств производства полностью износилось, и этот показатель будет продолжать расти и в последующие годы.

5). Доходы российских производителей настолько упали, что не покрывают потребностей элементарного воспроизводства, при том, что клептократические и коррумпированные структуры с помощью всевозможных трюков умудряются и из них что-то урвать. Почти половину накопившихся задолженностей предприятий составляют круговые неплатежи. 30% составляют задолженности социальному и пенсионному фондам и бюджету. И государство и предприятия становятся вынужденными кредиторами. 85% налогов, которыми были обложены обследованные предприятия, поступили в казну, однако только 10% из них были внесены живыми деньгами. Остальное поступило в форме взаимозачетов. Главную причину этого явления надо искать в том, что всего 27% из поступлений самих предприятий приходится на наличные деньги. Всё остальное осуществляется в форме бартера и других безналичных расчетов. У 31% обследованных предприятий наличных денег не хватает даже на выплату зарплат,

а что уж говорить об уплате налогов и взносов в различные фонды, о погашении задолженностей другим предприятиям и банкам. Российская экономика давным-давно оказалась бы парализованной, если бы помимо суммы в 430 млрд. рублей (по курсу до августа 1998 года это равняется 35 млрд. долларов) в страну не поступало различными путями 25 миллиардов наличных долларов, не регистрируемых счетами: часть предприятий рассчитывается друг с другом этими долларами, ими платят зарплаты сотрудникам (это так называемый „черный нал“). Другим решением, обеспечивающим функционирование экономики, является бартер. За последние годы доля бартера в продаже российских промышленных предприятий выросла с 6 до 41%. Бартерная торговля стала процветающей отраслью бизнеса: предприятия, специализирующиеся на посредничестве в бартерной торговле, обеспечивают обмен продукцией между предприятиями. К числу наиболее характерных черт российской экономики в настоящее время относятся: ирреально длинные расчеты (от полгода до двух-трёх лет), ирреально низкие поступления и оборот наличных денег, расчеты с помощью „черного нала“ и ирреально высокая доля бартерной торговли.

6). Продолжается „дезиндустриализация“ российской экономики, её научно-технический, инновационный потенциал сокращается год от года, технологический упадок не прекращается, постепенно отмирают те производственные сферы, которые требуют серьёзной исследовательской базы. Информационно-техническая революция едва затронула Россию.

7). Российская внешняя торговля носит „колониальный“ характер. Экспорт почти полностью состоит из сырья, однако даже малая часть получаемой от его продажи довольно внушительной прибыли не вкладывается обратно в производство (а если и вкладывается, то только в добывающие отрасли, чтобы поддержать или увеличить уровень добычи и, соответственно, объем экспорта). Большая часть экспортных поступлений уходит на потребление, меньшую часть проживает государство, а оставшееся разворовывают руководители

внешнеторговых фирм. (В 1996–1997 году при экспорте в 90 млрд. долларов российский импорт достиг 70 миллиардов, причем состоял он главным образом из продуктов питания и других потребительских товаров.)

8). По уровню доходов общество оказалось разделённым на две непропорциональные части: доходы 90% населения в среднем в 2-3 раза ниже, чем в последний „мирный” советский год (при этом у работников, занятых в сфере науки, культуры, в здравоохранении и сельском хозяйстве, а также у пенсионеров они ниже в 5-6 раз), в оставшиеся же десять процентов входят часть жителей больших городов и, в первую очередь, столицы, относящиеся к так называемому среднему классу и „новым русским” (тем не менее, благодаря огромной денежной массе, находящейся в их распоряжении, а также их небуржуазному, отчасти расточительно потребительскому, отчасти расточительно репрезентативному поведению, эти десять процентов представляют собой огромную покупательную силу в нищей, переживающей экономический упадок стране).

9). Уровень жизни тех слоев населения, которые связаны с бюджетной и производственной сферой, резко упал в результате сокращения реальных доходов и свертывания системы общественных фондов потребления. Сокращение населения напрямую может быть связано с демонтажом системы здравоохранения и тем, что потребление качественных продуктов питания намного отстаёт от установленных норм.

10). Продолжается социальная деградация населения (де-модернизация, децивилизация): массы квалифицированных специалистов занимаются натуральным хозяйством (рыбной ловлей, охотой, торговлей мехом), пытаются прожить за счёт челночной торговли, денежных спекуляций или криминальным путём. „Утечка мозгов” приобретает массовый характер. Престижность и важность труда превратились в пустые понятия.

11). Налоговые поступления не покрывают необходимых государственных расходов. Низкую эффективность сбора

налогов хорошо демонстрирует тот факт, что несмотря на то, что в январе 1998 года в государственную казну поступило больше – на 15 млрд. рублей – налогов от 800 тысяч организаций, те 555 млрд. рублей, которые они ей задолжали, превышают расходную часть бюджета. В 1997 году за первые девять месяцев было собрано лишь 52% от запланированных в бюджете налогов. (Небезынтересно, что из 800 тысяч производственных единиц 17 концернов и 6 крупных банков обеспечивают две трети налоговых поступлений в бюджет, но в то же время именно они отвечают за 55% долгов. На каждый рубль взаимных долгов приходится два рубля пеней. При этом в 1997 году государственная налоговая служба сумела, прибегнув к инкассированию, взыскать лишь 5,5% от налоговых задолженностей (банковские счета пусты), из всего конфискованного имущества было продано лишь 6,5%. Вынужденное пополнять постоянный дефицит бюджета и уравнивать растущий государственный долг правительство начало выпускать ГКО, что со временем превратилось в гигантскую пирамиду, готовую в любой момент рухнуть и похоронить под собой всю финансовую систему. Общая стоимость ГКО достигла в 1998 году 70 миллиардов долларов, что составляет 15% ВВП и равняется целой расходной части бюджета. Половину этой суммы (35 миллиардов долларов, по 4-5 миллиардов в месяц) нужно было выплатить ещё в 1998 году, что при выплате 7–7,5 миллиардов долларов внешних долгов в месяц и 6–6,5 миллиардах долларов ежемесячных бюджетных расходов было, естественно, нереально, и так же нереально будет в ближайшем будущем.

12). Бесконтрольное и неподдающееся контролю движение материальных и капитальных средств и ресурсов внутри страны и за её пределами облегчает вывоз за границу большей части денег, добытых криминальным, клептокративным или коррупционистским путем. (По оценкам западных специалистов эта сумма за восемь лет достигла 400 миллиардов долларов.)

13). Криминализация экономики приняла чудовищные

размеры. По оценкам некоторых специалистов на конец 1997 года количество предприятий, принадлежащих преступному капиталу, колебалось между 40 и 60 тысячами, мафия косвенно управляла 37 российскими биржами, владела 55% промышленного капитала и 80% акций, имеющих право голоса. Она напрямую контролирует 40 тысяч промышленных предприятий, среди которых 1500 государственных предприятий, 449 банков и вся золото-алмазная промышленность³. Преступный мир – параллельно с государством – является самым крупным сборщиком налогов, только в отличие от него делает это куда более эффективно, за гарантируемую им „безопасность” надо платить, и вряд ли найдётся солидная фирма, 10-20% доходов которой не уносил бы рэкет.

Таким образом, финансовая катастрофа, несомненно, потянула за собой спекулятивную финансовую систему и почти полностью специализирующиеся на ней крупные банки, а вместе с ними и финансовые олигархии с их вчерашними лобби, властью над государством и масс-медией, криминальными и коррупционными связями. Эта катастрофа, естественно, смела и собиравшихся под знаменами „народного капитализма”, провозгласивших войну олигархии либералов-монетаристов, молодых российских реформаторов. Она проглотила или заморозила вклады западных банков и частных лиц, прямо или косвенно вложенные ими в ГКО и другие российские ценные бумаги, общая стоимость которых оценивается в 100-150 миллиардов долларов. Нанесла удар она и по немногочисленным средним слоям общества, существующим главным образом за счёт близости к сфере финансовых спекуляций и обслуживания новых русских (их сбережения оказались или замороженными или обесцененными, большая часть их рабочих мест больше не существует, уровень жизни понизился).

С точки зрения всего российского общества, таким обра-

³ См. Мегалполис-Экспресс. 1997. №33, 12.

зом, эта финансовая катастрофа ещё не беда. Более того, катастрофа не только не смела, а даже укрепила в противовес олигархиям и спекулятивному банковскому капиталу российское государство, понятным образом она не стала крахом и для „теневой” и „серой” российской экономики, основывающейся на бартерной торговле, не подвела к грани нищеты российское общество, большая часть которого занята натуральным обменом и не имеет банковских вкладов и накоплений, с трудом добывая хлеб насущный (число самоубийств, вызванных нищетой и голодом, за последние годы резко возросло, особенно в среде работников бюджетной сферы: офицеров, научных работников, учителей). Не стоит забывать о том, что на тех предприятиях, которые являются убыточными или не в состоянии получить деньги от своих должников, и зарплаты частично или полностью выплачиваются готовой продукцией. (Анекдотичный случай имел место в этом году в Закарпатье, где местные органы хотели расплатиться с учителями, которым они задолжали, минеральными удобрениями, что в России является повседневной практикой, правда, удобрения здесь пока не стали общепринятой единицей обмена.) Часть предприятий заведомо платит зарплату своим сотрудникам „черным налом”. Этот долларовый оборот (по оценкам специалистов в Россию каждый год поступает 25 миллиардов *наличных* долларов) не был затронут финансовым крахом, поскольку их держали не в банках и не в ценных бумагах. Кроме того, „черные доходы”, полученные преступным путем, а также большая часть накоплений населения, заведомо не испытывающего доверия к государству и банкам, обращена в доллары и запрятана в частные сейфы, подушки и чулки. (Потерю процентов легальная торговля валютой смогла компенсировать лишь частично.) А что уж говорить о нелегально размещенных в иностранных банках огромных суммах, которые тоже не затронул крах. По оценкам экспертов, на руках у населения в настоящий момент находится 100-200 миллиардов наличных долларов и одна тонна приравняемого к валюте золота,

часть которых криминального происхождения, они и сегодня являются значительным элементом денежного оборота. Другая часть – накопления населения, они „будут выжидать”, если только средние слои не окажутся вынужденными проесть их, оставшись без работы. (Число безработных по новейшим данным с августа подскочило на 2 миллиона.)

Пока мы не обладаем точными данными относительно того, кого и в какой степени затронул финансовый крах, кто оказался пострадавшим в результате поражения либеральной экономической политики. Мнения тем временем высказываются. Защищающий честь мундира Егор Гайдар считает, что в 1997-1998 году по крайней мере половина населения выиграла от реформ, таким образом, именно они и являются потерпевшими в результате этатистского поворота. „Антилиберал” Сергей Глазев, экономический советник Маслюкова, напротив, уверяет, что пострадали только жители московского центра в пределах Садового кольца (5% населения России и составляющие 1-2% супербогатые) и что уровень жизни всего российского населения достигнет уровня 1989 года только через десять лет. По мнению Александра Цыпко, россияне даже не заметили настоящего кризиса, потому что 85% давным-давно живёт за счет натурального хозяйства. Менее предвзятые исследователи полагают, что не более 25-30% населения выиграло от системы Ельцина, 25-30% можно считать частично выигравшими, 4-10% очень значительно улучшило своё материальное положение, что же касается остальных, то их положение не изменилось. Эти соотношения отражают и результаты выборов между 1991 и 1996 годами. Однако абсолютно проигравшими – как в материальном, так и в политическом отношении – являются банкиры (вчерашние олигархи): при формировании правительства и экономической политики их мнением никто даже не поинтересовался, они теперь пляшут под дудку нового председателя Центрального Банка, их счета заморожены, банкоматы выключены, а толпа вкладчиков подала на них в суд. По крайней мере 50-60% населения эта финансовая катастрофа совсем не

затронула или затронула лишь слегка. Это означает и то, что политическая движущая сила кризиса и его сплывающая сила ничтожны, и что если бы у политической элиты и было такое намерение (но его нет), то для смены системы, инициируемой снизу, их оказалось бы недостаточно. (Заметим: и в 1991 году движущая и сплывающая силы действовали не по всей стране, а только в Москве, штаб-квартире власти, и только в определенной мере. Поскольку же именно Москва больше всех выиграла от изменений последних лет, то сегодня подобного и представить невозможно. Наверное, где-нибудь во Владивостоке или в каком-нибудь другом месте и можно сделать революцию, только это никого особенно не взволнует: российское государство в результате этого изменится не больше, чем от чеченского восстания.) Изменить систему сегодня можно лишь сверху и только в рамках элитистского поворота, скорее всего с „национальной Москвой”, стоящей во главе российских регионов и всего российского государства, как это и было провозглашено „воображающим себя русским Тони Блэром” Юрием Лужковым, объявившим свою „госкапиталистическую модель московского образца” прообразом будущей России.

И для Запада эта катастрофа не беда. Больше того, сильное, замкнутое на себе, опирающееся на свои силы российское государство стало бы спасением для Запада. Такое государство обеспечило бы геополитическую стабильность в регионе, предотвратило бы выход из под контроля ядерного оружия, подавило бы надвигающиеся социальные взрывы, собственными руками укрепило бы стену между богатым Западом и бедной Россией, преградив тем самым путь экономическим эмигрантам и мафии, и наконец, но не в последнюю очередь, само создало бы тот требуемый образ врага или по крайней мере образ беспрестанно угрожающей опасности, который легитимировал бы не только долгосрочную изоляционистскую оборонную стратегию Запада, но и его возможные актуальные военно-политические маневры и экономические шаги. Русская катастрофа и потому

ещё не беда, что она в мировом масштабе обратила внимание на необходимость обуздания мечущегося по мировым финансовым рынкам спекулятивного капитала: она как бы заставила проснуться дремлющие неолиберальные государства. Ведь на этот раз Россия до смерти напугала полсвета не своим современным ядерным арсеналом и наступательным оружием, а возможным крахом своей постмодерной (то есть свалившейся с неба) экономики денег, в то время как её доля в мировой экономике и в мировой торговле незначительна (и первая и вторая составляют около 1-1,5%). И далее: Западу, западным политикам не надо теперь брать на себя ответственность за то, что происходит в России, не надо заступаться за всяких Ельциных, говоря, что лучше уж сегодня какой-нибудь Ельцин, чем завтра какой-нибудь Жириновский или Зюганов. Если удастся – причем объединенными усилиями Запада и российской „национал-коммунистической” оппозиции – опустить экономический железный занавес, тогда охваченная пламенем российская финансовая система может быть изолирована. В той степени, в которой это требуется. Сегодня, например, в очень значительной. „Русская система”, вернувшись в привычную колею цикличного развития, повернет внутрь себя, попытается удержаться и развиваться „своими силами” и по-своему, расходуя поступления от добывающей отрасли не на импорт потребительских товаров, а на импорт развитых технологий и промышленные, инфраструктурные инвестиции. Методы и средства в основном известны: национализация, финансовая централизация, ограничение импорта, алкогольная монополия, государственная монополия de facto на внешнюю торговлю, „дедолларизация” экономики и т.д.). И поскольку на иностранные кредиты рассчитывать больше не приходится, можно гордо заявить, что Россия - великая держава, огромная страна и „не наложит в штаны” из-за какой-то там небольшой катастрофы, обойдется своими силами, у неё есть все, что для этого нужно, и она не позволит себя шантажировать, оказавшись в трудном положении, ни в

политическом, ни в финансовом отношении, лучше не получит больше кредитов и не будет жить на подачки. (Я почти дословно цитирую телевизионное интервью Евгения Примакова от 24 октября 1998 года по поводу трудностей на переговорах с западными финансовыми кругами и кризиса в Косово.)

ЧТО ЗАКОНЧИЛОСЬ, А ЧТО ЕЩЁ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Как мы видим, речь идёт не только о финансовом кризисе и вытекающем из него правительственном кризисе, и даже не о конце ельцинского курса. Вопрос как раз в том, чему *же* пришел конец вместе с завершением заключительного этапа (1996–1998 гг.) ельцинской системы образца 1993 года. Действительно ли отвечает эта система историческим критериям русской „смуты”, „хаоса”, „катастрофы”? Разве не была Россия рыночных реформ стабильной, более того, преуспевающей страной? Разве не твердили без устали правительства ведущих западных стран и даже представители мировых финансовых кругов: „Так держать!”? Ведь сам Камdessus одобрительно похлопывал по плечу российское правительство в конце 1997 года, а в новые, сулящие огромные прибыли, но в то же время „смертельно” надежные ГКО так и хлынул со всех сторон спекулятивный капитал. Однако для того, кто и тогда оценивал успехи реформ не на основе чудес, демонстрируемых спекулятивной финансовой системой и телевизионной экономикой, не на основе успехов расцветшей за счет инфляционной финансовой экономики банковской системы и эффектного обогащения паразитирующей на теле всей страны столицы, для того, кто за создаваемой медией дымовой завесой кремлевских дворцовых игр просматривал тщедушное, неспособное выполнять даже самые элементарные задачи государство, для того, кто не забывал о стремительно усыхающем российском ВВП, о скачкообразном росте внешних и внутренних государственных долгов, о дыре,

зияющей в бюджете, которую затыкали поначалу денежными эмиссиями, а потом и ГКО, о падении промышленного производства и объема капиталовложений, о развале расчётной системы между предприятиями, о повсеместном распространении бартера и натурального обмена, о нелегально вывезенных из страны сотнях миллиардов долларов, о проедании 90 миллиардов долларов экспортных поступлений в год, о взаимных задолженностях предприятий, по меньшей мере половина которых является убыточными и должна быть подвернута процедуре банкротства, об огромной задолженности по заработной плате бюджетникам и работникам частного сектора, о масштабах „теневой” и „полутеневой” экономики и криминализации экономики и политики, так вот, для такого аналитика было совершенно очевидным, что этот процесс рано или поздно при сознательном или несознательном участии определённой части занятых в нем политических и экономических действующих лиц неизбежно подойдёт к тому моменту, за которым последует катастрофа, точнее, к такому моменту, когда обнажится катастрофическое состояние ельцинской системы внутри неё, видимости рассеется, первый этап модернизационного цикла завершится и – после крупных и мелких внутривнутриполитических схваток, общественных волнений - снова начнётся период наведения государственного порядка и государственного строительства.

Правда, сама ельцинская система за время своего существования два раза уже „наводила порядок”, пыталась добиться „консолидации”, „стабилизации”. Сначала после событий октября 1993 года под предводительством Черномырдина и лидеров „кланов”, второй раз – после президентских выборов, под предводительством Чубайса и молодых демократов, то есть были сделаны две попытки завершить цикл, однако ни одна из них не была и не могла быть успешной. Ни один из курсов по наведению порядка не оказался продолжительным, не смог вырваться за границы хаотичного и катастрофического цикла государственного спада. Как черномырдинская в 1995 году, так и чубайсовская в 1996-1997

стабилизации и „укрепление государства” соответствовали нормальному циклу формирующихся политических систем: вслед за периодом конфронтации, острой борьбой за власть „кто кого?” наступает период консолидации. (В таких случаях утвердившаяся власть перетягивает на свою сторону с помощью разного рода заманчивых обещаний материальных благ и „не дерись, тогда и я не буду!” часть проигравших, тех, кто во время периода конфронтации выступал против них, но потерпел поражение). В этом властном „малом цикле” стабилизационный и консолидационный период максимум симулировал этатистский период „наведения порядка” в „большом цикле” модернизации (достаточно упомянуть телевизионный сериал клиппов „Русский проект” при правительстве Черномырдина или экономическую ЧЕКА Чубайса и написанную для президента в 1997 году программу „Порядок в государстве”). Симуляция государства-блюстителя порядка благодаря финансовым пирамидам государства, подъему цен на сырьё на мировом рынке и манипуляционной власти кланово-государственной масс-медиа, была успешной до тех пор, пока не раскололся политический класс собственников, формирующих государство, и не началась – и снова под знаком наведения порядка! – новая политико-экономическая война между „олигархами” (семь банкиров, сырьевые бароны, короли масс-медиа) и молодыми реформаторами, и эта всё обостряющаяся борьба не вылилась в финансовый крах и поражение обеих сторон, их победу друг над другом. То, что все эти попытки стабилизации и порывы по наведению порядка не выходили за пределы „первого периода” большого цикла, со всей очевидностью показывает беспредельная слабость российского государства – центральной власти, исполнительной власти: невыполняемость федеративных законов, несобираемость налогов, криминализация экономики и политики, огромная масса задолженности по зарплатам, переплетение коррупционистских, клептократических и криминальных общих и частных интересов и т.д.

В основе ельцинской системы, российской „делегативной

демократии” лежит сильная президенсткая власть, играющая роль „третейского суда”, стоящего между двумя или несколькими пришедшими в столкновение интересами, и пытающаяся установить справедливость. Источник власти, авторитета президента, выступающего в роли третьей стороны, находится – во всяком случае, с декабря 1993 года – как бы вне его самого. Мы имеем в виду не демократическое волеизъявление граждан и не конституционно узаконенное разделение ветвей власти, а ту политико-экономическую борьбу, которая идет на более низком уровне между двумя другими действующими лицами: региональными руководителями, ветвями власти, кланами, молодыми демократами и „олигархами”. Непосредственная конфронтация президента с парламентом, которая в 1993 году перешла в вооруженный конфликт, теперь стала невозможной. Президент стоит над партиями, над Думой, над Советом Федераций, над всеми уровнями и действующими лицами политической жизни. И Дума с её левым большинством – и это прекрасно демонстрирует история „импичмента” президента, процедуру которой она каждые пять минут пытается возбудить – как ни старайся, не сможет реально затронуть политическую личность президента и его власть, в то время как в обратную сторону это далеко не так. Если же боевой пыл пойдёт на убыль, конфронтация прекратится, если противостоящие стороны примирятся и перестанут обращаться к президенту с просьбами вмешаться в их борьбу с противником (указами, снятиями с должностей, понижениями и т.д.), то президентская власть тут же потеряет свою силу, свой вес. Стараясь это предотвратить, Ельцин и его окружение создавали всё новые и новые конфронтации, срамливали участников игры за власть и подливали масло в огонь.

После выборов 1996 года положение существенным образом изменилось. Окончательно определившиеся к тому времени главные действующие лица двух блоков – с одной стороны, молодые реформаторы Чубайса, с другой – „финансовые олигархи” Березовского – *объединились и, спасая*

Ельцина, одновременно вывели из игры „третье действующее лицо”, иными словами, президентскую власть, политическую самостоятельность которой – возможно, шутовским, даже порой грубым, в стиле придворных византийских интриг образом – до лета 1996 года обеспечивала команда ельцинских „телохранителей” (руководители служб безопасности президента: Коржаков, Сосковец, Барсуков). Летом 1996 года Чубайс и Березовский с помощью антипутча отсекали их от личности президента, лишив тем самым весь властный центр его самостоятельности (Ельцин с тех пор стал „президентствовать” под опекой семьи, в первую очередь, дочери Татьяны Дьяченко, оказавшись между жерновами двух больших силовых групп, противоречия между которыми постоянно нарастали. Именно эти группы во время президентской кампании и „придумали” Татьяну Дьяченко, применив её в качестве „чудесного оружия”). Переизбрание Ельцина, демократическое с процедурной точки зрения, парадоксальным образом означало то, что президентская власть как самостоятельный политический фактор прекратила своё существование. (Самостоятельность – и здесь Коржаков и его товарищи, поплатившиеся собственной экзистенцией, не ошибались – он мог бы сохранить лишь антидемократическим путем, например, прибегнув к насилию, открытой конфронтации, отложив выборы, то есть, рискуя кровопролитием.)

Настоящие победители президентских выборов – „олигархи” и „молодые реформаторы” – начиная с того времени стали стремиться к тому, чтобы самим непосредственным образом занять эту президентскую власть. Сначала Чубайс в качестве руководителя аппарата президента, то есть квази второго правительства, а потом Березовский, который через семью Ельцина и руководителей его аппарата, как некий Распутин эпохи постмодерна, до самого последнего времени своей виртуозной рукой направлял политические шаги „двора”. В этом смысле уже в 1996 году можно было сказать, что переизбрание Ельцина означало начало после-

ельцинского периода, в котором роль коллективного Ельцина по очереди исполняют заключившие союз с его семьей, но враждебные друг другу, силы: то Чубайс, то Березовский надевали политическую маску Ельцина, то один, то другой направляли руку „коллективного Ельцина”, то один, то другой убивали шахматной фигурой короля-Ельцина фигуру своего противника и пытались объявить ему мат. Тем самым началось такое противоборство, в котором президентская власть уже не играла роль посредника между двумя сторонами, не могла стать ни противовесом, ни „смеющимся третьим”, поскольку она уже не была самостоятельным политическим силовым центром. Её притягивал к себе то один политико-властный полюс магнита, то другой. До какой степени ослабела власть президента говорит хотя бы следующее: его неожиданное решение в марте 1998 года, когда он попытался вселить жизнь в эту несуществующую „третью силу”: легковесность и уязвимость Кириенко, представшего в роли делегата и представителя президентской власти, полностью соответствовали весу и решительности президентской власти в то время. Президентская власть была не больше чем заменителем, удлинителем, орудием воли более сильной, взявшей на тот момент верх стороны: он проводил политическую волю то Березовского и „олигархов”, то Чубайса и „молодых реформаторов. То одна, то другая ворона зажимала в клюве сыр президентской власти, но ни одна из них не успевала его проглотить, в последний момент сыр вырывала противница. И похоже, этот самый сыр дожидался третьей вороны: она вышла на арену, встав между основательно потрепанными сначала в политическом, а потом и в финансовом отношении противниками – „олигархами” и „молодыми реформаторами” – лишь в конце 1998 года, в разгар финансового кризиса, когда сыр президентской власти уже валялся у нее под ногами.

Длившаяся два года война между банковскими олигархиями и „экономистами-монетаристами”, пользующимися поддержкой западных финансовых кругов и правительств

„молодыми реформаторами”, за захват государства, истощенность источников внутренних и внешних кредитов и, наконец, финансовый крах раздавили систему, опирающуюся на авторитарную президентскую власть, а участников борьбы за власть, выступавших с полностью отличными друг от друга программами и преследующих самые разные интересы: влияние, собственность, деньги, – и „олигархов” и „молодых демократов” настолько изнурила, что в образовавшемся властном вакууме с неизбежностью должны были появиться новые действующие лица. Таковыми являются прежде всего *региональные кланы (группы интересов собственности, связанные с местной политической властью)*, губернаторы во главе с *Лужковым и Лебедем*, стремящиеся к власти над всей страной, такова наиболее влиятельная в Думе и во всей стране политическая сила, *национал-коммунистическая партия Зюганова* со стоящими за ней „красными директорами” и „красными регионами” (в половине регионов страны и сегодня у руководства коммунисты) и соблюдающие нейтралитет в политической борьбе и некоррупцированные *политики-специалисты, группа технократов советского типа* (к ним можно отнести и премьер-министра Евгения Примакова и его первого зама Юрия Маслюкова), которые, сформировав правительство и опираясь на новые и старые политические силы (неиспользовавшихся в последнее время старых специалистов, например, „академиков-экономистов”, на региональные элиты и „корпорации” промышленников), пытаются обеспечить *организованное государством отступление* (без паники, переполоха, общественного и экономического хаоса, голода) России, потерпевшей поражение на фронте либеральной модернизации. Пока Примаков вынужден играть перед миром и страной роль *ликвидатора* – человека, назначенного провести процедуру банкротства ельцинского государства. После того, как процедура будет доведена до конца, начнётся следующая игра, восстановление государства, с „опорой на собственные силы”, отвернувшись от Запада, под знаком централизации и национализации.

Кто станет „великим строителем“, получил ли Примаков мандат лишь *на обеспечение маневра по отступлению потерпевшей сокрушительное поражение в финансовой и экономической области России*, или речь идёт о большем (например, о том, что он будет заменять в любой момент готового и в физическом смысле рухнуть президента до выборов в 2000 году), сколько будет продолжаться отступление, откуда Россия может и должна стартовать снова – всё это уже зависит от новых сил, а также от игры ослабевших, оттесненных на второй план старых сил, от комбинации их интересов, их политических махинаций. Как бы там ни было, в политике уже начинают формироваться новые силовые центры: замещающий Ельцина правительственный центр *Примакова* („квази *Ельцин*“), финансово-властный московский силовой центр *Лужкова*, который выдвинул себя кандидатом в президенты и которого поддерживает и часть регионов, с его программой опоры на национальные силы, инвестициями в производственный сектор, поддержкой отечественных производителей („квази *Тони Блэр*“, „квази *Столыпин*“), провинциальный русский национальный центр *Лебедея* (а за ним империя масс-медиа Березовского, который сейчас старается сделать президента, после того, как его кандидата в премьер-министры в начале сентября вывели из игры), выступающего в последнее время с идеологией „здорового смысла“ и с программой национального капитализма и строгого порядка (*квази Пиночет*) и, конечно, нельзя забывать о также претендующем на президентское кресло, но в то же время готовым заключить союз с кем угодно (от Лужкова до Явлинского), обладающем мощным партийным и региональным тылом оппозиционном центре Зюганова с его программой полуреставрации национал-советского (!?) госкапитализма (*квази Сталин, квази Тенг*). И, конечно, список можно продолжить воображаемыми центрами и бесчисленными претендентами, от белорусского президента Лукашенко до партийного лидера Жириновского, от русского фашиста Баркашова до национал-большевика Лимонова и артиста-режиссёра Ники-

ты Михалкова, который и в самом деле мог бы сыграть роль президента и сыграет, если „партия власти” того захочет и не найдёт более подходящего исполнителя. А вот что совершенно исчезло или расплылось на этой политико-властной карте, так это прежде всего президентская власть (Ельцин, кремлевский аппарат, семья во главе с дочерью Татьяной Дьяченко, до финансового краха упоминавшейся в качестве „первой после Ельцина”), а вслед за ними силовой центр „молодых реформаторов”, ассоциирующийся с именами Чубайса, Немцова, Гайдара (они оказались вытесненными на второстепенные профессиональные или квази-политические роли не только из правительства – Немцов, например, „на общественных началах” является советником политически агонизирующего президента), при отсутствии партийно-политического тыла, движения, поддерживающего их, они полностью выпали из политической борьбы: они больше не считаются фактором, даже у Гайдара с его партийно-политической базой хватило сил лишь на то, чтобы – после долгого молчания последовавшего за финансовым кризисом – составить для Примакова в качестве приглашенного эксперта проект пакета экономических мер. Не является более самостоятельным властно-политическим фактором и „семибанкарщина”, то есть финансовые олигархи (Потанин, Ходорковский и т.д.), без участия которых правительство, президент, Березовский, Чубайс ещё в июне и представить не могли выход из кризиса.

ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА В РОССИИ: 1999 ?

Возвращение государства в экономику – как это, мы надеемся, выяснилось из вышесказанного – не результат финансового кризиса и продлится оно не до устранения последствий этого кризиса, санации банковской системы и восстановления нарушенных внешних и внутренних связей. Этатизация управления экономикой – это стратегический

курс, который открывает новую эпоху в полной проблем и заблуждений истории постсоветской России. Направление процесса не вызывает сомнений, зато градус поворота неясен. Ведь на более длительной дистанции развитие событий зависит не столько от тех личностей и политических сил, которые этот поворот инициировали, которые разработали программы, определили цели, добивались чего-то, а скорее от тех структурных особенностей и обстоятельств, при наличии которых любая умеренная программа может радикальным образом взвинтиться, смысл любой предпринятой меры может обернуться противоположным, а сознательно выбранный путь превратиться в вынужденный.

Финансовая катастрофа, конечно, не только расчистила дорогу этатистскому повороту, но одновременно с этим определила характер и содержание этого этатистского поворота, сняв с повестки дня тот либеральный сценарий укрепления государства, который с 1997 года все отчаянее пробовали провести в жизнь молодые реформаторы Чубайса. Молодые реформаторы отчетливо осознавали, что за отливом государства следует прилив, что или „народ” или олигархи съедят их, если они не сумеют – в ими же самими созданных политических условиях, договорившись в ими же самими созданными действующими лицами в обществе – построить сильное либеральное государство. Они этого не сумели, российские либералы оказались неспособными с помощью своих стерильных, не-идеологических, правовых и финансово-властных орудий оторвать от государства ни „нуждающийся в нем” народ, ни паразитирующую на нём бюрократию и коррумпированную олигархию. Кончилось же это тем, что „отцепили” от государства их самих. В России осенью 1998 году неудачу потерпел не начавшийся шоковой терапией, продолжившийся „ваучерной приватизацией” и завершившийся созданием макроэкономической стабилизации либеральный монетаристский курс, а попытка создания сильного государства либеральными средствами. Вполне возможно, что такие средства вообще непригодны для создания

в России сильного государства. Однако без сильного государства смысл либеральных реформ стал сомнительным, а то положительное, что они принесли, постепенно рассыпалось в пыль. Апологии, которые произносит в последнее время „русский отец” либеральных реформ Егор Гайдар, полны разочарования и надменности и содержат мало истины. Конечно, он прав в том, что „на протяжении последних недель экономическая и политическая ситуация в России радикально изменилась, радикально ухудшилась с точки зрения возможностей проведения либеральной экономической политики”, то есть гайдаровская модель либерального государственного строительства потерпела поражение, но ошибается, говоря о „коммунистическом повороте”, об опасностях, угрожающих рыночным и демократическим институтам, и обиженно упрекая народ: „Общество нуждается, по-видимому, в ещё одном уроке красно-коричневой диктатуры, неконтролируемой инфляции и обнищания прилавков”⁴. Этатистский поворот – это не „коммунистический реванш”. Пока он означает лишь то, что если кто-то и будет делать в России сильное государство, то это опять будут не либералы, а не-либералы и/или антилибералы. И неважно, почему. Потому, что Гайдар и его товарищи опять упустили огромную возможность либерального „этатизма” или потому, что такова уж Россия, ну, никак не приживается здесь западный либерализм, как ни старайся.

Хоть и в самых общих чертах, на уровне цикличной схемы русской модернизации можно обнаружить сходство в финансовом кризисе 1998 года и в кризисе экономической системы советского НЭПа, а 1999 год ожидается „годом великого перелома”, что-то вроде 1929 года при советской системе. Что-то вроде, но не то. Потому что он означает не „советский реванш”, „коммунистическую реставрацию”, „плановое хозяйство”, а решительное участие государства *в неизменной по*

⁴ Интервью Егора Гаидара „Русской мысли” – Русская мысль, 1998, № 4238. 8-9.

своей сути, капиталистической на русский манер экономике, которую можно описать не столько формулой „деньги – товар – деньги”, сколько формулой „деньги – власть – деньги”. (Если бы это было не так, вряд ли бы стал Егор Гайдар в конце октября 1998 года в Берлине на симпозиуме „Восточные партнеры”, организованном Berliner Bank, поощрять немецких предпринимателей и финансовую элиту, уверяя, что сейчас стоит рискнуть (!) в России: несмотря на плохие показатели макроэкономики, ожидаемую инфляцию и т.д., возможности в России сейчас неограниченны, сейчас можно выиграть даже с небольшими деньгами, если не побояться.)

Внешние и внутренние политические и экономические источники либеральных реформ исчерпаны. Теперь не существенно, что скажет Запад на российские реформы, будет ли он рассматривать их в качестве продвижения вперед или сочтет отступлением, одобрит ли или осудит экономические шаги российского правительства. Пользуется ли международной поддержкой российская власть, экономическая политика или нет – *более не вопрос*. То, что Чубайс, благодаря своей популярности на Западе, признанию его профессиональных и политических качеств, легче бы справился с задачей и большего бы добился на переговорах с МВФ – не точка зрения более. Снятие его с поста руководителя делегации на переговорах означало гораздо больше, чем простую кадровую перестановку. Этим своим шагом новая правящая элита дала знать Западу, что её больше не интересует, кого или что хотят те видеть и с кем они хотят вести переговоры, есть ли у России дальнейшие шансы или нет, можно ли ожидать новых инвестиций или нет. Россия теперь будет решать (или не решать) свои проблемы по-русски: иностранных советников просим не вмешиваться! –, рассчитывая только на собственные силы и т.д. (Можно подумать, что осенью 1998 года развалилась насильно навязанная стране сверху, неорганичная, чуждая, западная модель, а не советско-российское криминально-капиталистическое образование!) В любом случае, нет более усердного стремления

соответствовать западным ожиданиям, предвосхищать их, нет равнения на Запад и дружбы с ним. Не дадите нам новых кредитов? Очень хорошо! Обойдёмся без них. По крайней мере не будете вмешиваться в наши дела, указывать, что хорошо, а что плохо. Безусловно, этот изоляционистско-элитаристский поворот сопровождается бунтом – пока, к счастью, не в опасных размерах и не в самой грубой форме – оскорбленного имперского достоинства. В сегодняшней „старой-новой” российской политической элите никто не нуждается в признании со стороны Запада, в его похвалах, одобрительном похлопывании по плечу, хороших отметках. Новый стиль управления, который уже – с некоторой долей иронии – успели окрестить в русской прессе „имперским стилем”, „большим стилем”, не только соответствует настроению масс, но и отвечает непосредственным интересам класса недооценённых отечественных промышленников (Промышленная партия Аркадия Вольского), региональных руководителей, оборонного и аграрного комплекса и даже добывающей промышленности и „олигархов”, стремящихся „на национальных началах” вытеснить из приватизационной борьбы „мульти”. И если ведущие западные экономические журналы пишут сегодня, что вследствие финансовой катастрофы 200 лучших российских предприятий, включая и входящие в категорию blue chip, стоят лишь одну шестую своей прежней стоимости, теперь на это можно только пожалеть плечами: „Ну, и что с того? А кто собирается их продавать?”

Путь России теперь может вести только внутрь себя: государство не сможет получить ни внешних, ни внутренних кредитов (в лучшем случае оно может рассчитывать – на очень жестких условиях – на кредит МВФ для погашения старых долгов, что же касается внутренних долгов, то часть их может быть покрыта за счет инфляции, но тогда надо быть готовыми ко всем возможным последствиям, включая раскручивание инфляционной спирали), но при этом оно должно и прекратить вывоз значительной части российского капитала

за границу и/или постоянное его проедание⁵. Если либеральная эра (отлив государства) началась с либерализации экспорта, свободной торговли и приватизации и достигла высшей своей точки в создании конвертируемой национальной валюты, то её завершение характеризуется частичным восстановлением фиксируемых цен, возрождением советской системы "спецэкспортёров,, постановкой вопроса о национализации, частичным пересмотром дел по приватизации, обратным введением государственной монополии на спирт и внешнюю торговлю. В этой области нет существенных расхождений – по крайней мере, в отношении программ и целей – между госплановцем, представителем оборонного комплекса первым вице-премьером Юрием Маслюковым и выступающим в роли „российского Тони Блэра” Юрием Лужковым, московским мэром и претендентом на пост президента. Между провалившимися олигархами и молодыми реформаторами начинает

⁵ В 1996–97 году благодаря стабильным и высоким ценам на нефть на мировом рынке внешнеторговый баланс был позитивным (около 20 миллиардов долларов), поэтому получение кредитов не представляло трудностей. Если в 1991 году российский импорт составил приблизительно 25 миллиардов долларов, то в 1996–97-ом он вырос до 60–70 миллиардов. Таким образом, российское правительство по сути дела продолжало политику КПСС: оно делало все для увеличения импорта для того, чтобы население чувствовало, что год от года живет лучше, уровень жизни повышается. При этом, однако, на одну треть населения страны это благополучие не распространялось даже в той степени, как это было при Брежнев. Увеличения импорта добивались, конечно, не административными мерами (указания Внешторгу), искусственным поддержанием завышенного и фиксированного курса национальной валюты. Это удавалось лишь до тех пор, пока хватало долларов. Однако в 1998 году мировые цены на главные продукты российского экспорта – сырьё, стали катастрофически падать (цена, например, тонны нефти упала со 120–130 долларов на 65–70 долларов), чего уже невозможно было компенсировать западными кредитами, поскольку стране, где практически единственной гарантией возвращения кредитов являются высокие валютные поступления от экспорта, неохотно дают в долг. России надо научиться жить на то, что у неё есть. При 90 миллиардах экспорта и доверии международных финансовых институтов она могла позволить себе 70 миллиардов импорта. Но так дальше не пойдет. Как справедливо отмечает обозреватель „Коммерсанта власти”, „в российской экономике за последние десятилетия ничего не изменилось. Импортных товаров то больше, то меньше. Плохие времена сменяют хорошие и наоборот” (Коммерсант Власть. 1998, №31, 9–12).

подниматься „сила третьего типа”. Она объединяет на центристской платформе изоляционистского, „национального”, „опирающегося на собственные силы” российского госкапитализма различные политические, идеологические и собственнические группы интересов. Этот госкапитализм „третьего типа” и называют сегодня в России социал-демократией. Тоталитарный госкапитализм умер, анти-тоталитарный госкапитализм тоже умер, да здравствует госкапитализм российских социал-демократов: Лужкова, Селезнёва, Явлинского, Березовского, Зюганова! И пусть изумляется и возмущается горстка социал-демократической интеллигенции, вышедшая „из шинели” Горбачева, как негодовали в свое время западные марксисты, а позже западные либералы, наблюдая, как сияющие высоты их идей превращаются в России в зияющие.

Петер Фаркаш

Промышленность России: упадок и развал

Может быть, наше заглавие сгущает краски? – Отнюдь. В мирное время Россия (и остальные постсоветские государства) потерпели экономическое крушение, равных которому не знает история. Затягивающий ее (вместе с ближайшим окружением) водоворот, куда опаснее того, что выпало преодолеть странам капиталистического центра на рубеже тридцатых. За первые семь лет девяностых годов валовый внутренний продукт страны сократился на 40%: на те же 40% в сельском хозяйстве и наполовину в промышленности. Подобного падения промышленного производства страна не знала даже в годы опустошительной второй мировой войны!

СПАД ПРОИЗВОДСТВА И СТРУКТУРНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ – В ЦИФРАХ И ФАКТАХ

Ценность статистических выкладок всегда относительна. Во-первых, цифры выражают реальность лишь в самых общих чертах, а тем более в России, где роль «теневой» и «полутеневой» экономики, в немалой степени из-за стремления уйти от налогов, чрезвычайно возросла, да и корректность самих статистических данных в связи с усилением региональных и прочих партикулярных интересов тоже вызывает сомнения. Во-вторых, статистика высвечивает лишь те тенденции, которые лежат на поверхности и выразимы в цифрах, и лишь весьма опосредованно отражает интересы и причины,

способные повлиять на формирование процессов. Не говоря уже о том, что избранный метод тоже влияет на результат: так, публиковались расчеты, показывающие, что в пересчете на мировые цены металлургия и химическая промышленность начала девяностых выглядят более весомо, а легкая промышленность, напротив, слабее, да и падение уровня производства не столь уж значительно (Economos Survey... 1995, Kubinowa, – Gavrilencov 1997, Kubinowa 1997).

Но даже со всеми этими оговорками, официальная статистика важна для нас в качестве фона при изучении российской промышленности. Поскольку в России до сих пор 80-90% всего промышленного производства сосредоточено на крупных предприятиях с численным составом, превышающим 10 тыс. человек¹, по цифрам, которые более или менее точно отражают положение «флагманов», можно судить и о ведомых ими отраслях. Между прочим, это предприятия со все еще весомой долей государственной собственности, с государственными чиновниками в советах директоров.

Как мы скоро убедимся, те же тенденции просматриваются и при анализе производства отдельных видов продукции в натуральных показателях. Далее, с течением времени все заметней сближение с принятыми на мировом рынке ценовыми пропорциями. Нельзя при этом сбрасывать со счетов и то, что российская экономика вынуждена (была) функционировать в условиях собственных, ранее сложившихся ценовых пропорций. В конце концов, все эти оговорки известны и в Госкомстате, однако он лишь в незначительной мере скорректировал (в 1995 году) свои статистические сводки. При этом падение производства оказалось меньшим где-то на 3–4 процентных пункта, в первую очередь за счет более тщательного учета результатов сектора малого бизнеса. Правительству тоже хотелось бы иметь более утешительные оценки. Но факты, вероятно, оказались «упрямой вещью» и более радикальной

¹ Понятия «предприятие», «фирма», реже – «компания» мы, как правило, употребляем в качестве синонимов.

коррекции не последовало. Добавим, наконец, что международные организации в своей деятельности опираются, в основном, на те же данные.

С 1990 по 1994 год объем промышленного производства в России сократился наполовину. (На 25% до распада СССР и еще на 25% за период с 1992 по 1994 год.) В период с 1994 по 1996 год медленный спад производства продолжался в большинстве промышленных отраслей, затем в первые девять месяцев 1997 года наблюдалась некоторая стабилизация. В сентябре 1997 общий индекс промышленного производства к 1990 году составил 49%, что на 1% выше чем тот же показатель за соответствующий период 1996 года. Особенно следует подчеркнуть то обстоятельство, что если в добывающих отраслях производство сократилось примерно на треть, то в перерабатывающих – более, чем наполовину. Внутри самой перерабатывающей промышленности наиболее резкий спад был отмечен в отраслях, выпускающих конечный продукт. Так машиностроение, располагающее самой высокоразвитой техникой, в 1996 году выпустило лишь треть объема 1990 года. В основной с точки зрения обеспечения населения отрасли – производстве продовольствия – выпуск готовой продукции сократился чуть меньше, чем наполовину, а легкая промышленность, по существу, вообще развалилась – тут индекс производства в сравнении с 1990 годом упал на 90%!

Не лишне привести также конкретные данные по важнейшим отраслям. Как это показано в *табл.1* приложения, согласно данным за первые девять месяцев 1997 года производство электроэнергии упало на 23 процента по сравнению с соответствующим периодом 1990 года, в выработке топливных материалов (нефти, природного газа, угля) этот показатель составил 33, в черной и цветной металлургии – 44–45, в химической промышленности – 57, в машиностроении – 63, в деревоперерабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности – 66, в производстве строительных материалов – 69, в пищевой промышленности – 53, в легкой – 87 процентов.

Обоснованность этих результатов подтверждает и *табл.2*, в которой производство важнейших видов промышленной продукции выражено в натуральных показателях. Данные свидетельствуют о том, что во всех отраслях, где по технологическим причинам роль мелких и средних предприятий ничтожна, идет ли речь о металлургии, химической промышленности или машиностроении, производство готовой продукции действительно находится на грани полного краха.

Рамки настоящей работы не позволяют нам произвести более глубокий анализ отдельных отраслей. Так, российская и зарубежная специальная литература уделяют много внимания кризису в машиностроении, в особенности т.н. «конверсии» военно-промышленного комплекса, то есть его реорганизации в целях перехода на гражданскую продукцию. С этой темой связана масса иллюзий и заблуждений. Во-первых, уже к концу восьмидесятых годов около половины всей производимой оборонными заводами продукции составляли товары для населения, так, например, значительная часть бытовой электротехники, грузовиков, швейных машин, часов поступала именно оттуда. Во-вторых, несмотря на все лозунги, «мирное» производство в отрасли терпит крах не меньший, чем военное. На фоне общего положения дел в промышленности страны оборонные заводы переживают самый крутой спад производства. Так выпуск 1996 года составил лишь 20% от уровня 1991 года. (Макрушенко 1997 /2, стр. 41). Как раз оборонная промышленность раньше «стояла на двух ногах», а вот сегодня едва ли не лишилась обеих. Просто собственно военная ее «нога» укоротилась куда заметней: от нее осталась лишь десятая часть.² По сути,

² Раньше за год выпускалось более пятисот гражданских и военных самолетов, в середине девяностых – всего пять (Кути 1995, стр. 47). В 1987 году СССР продал за рубеж военного оснащения общей стоимостью в 29,9 миллиарда долларов США, став тем самым ведущим экспортером в этой области с долей в 35,2%. В 1996 году на первое место вышли Соединенные Штаты (при 17 млн долларов и доле в 42,6%), Россия же выполнив поставки вооружений на сумму в 3,4 млн., оказалась тем самым на восьмом месте. (Élepkülő nemzetközi... 1997.) Конверсия потребовала бы затрат в 150 миллиардов долларов и потому неосуществима (см.: Шишков 1996, стр 26).

все, что можно отнести к конверсии, сводится к тому, что производство потребительских товаров на оборонных заводах сократилось не столь драматически, как производство военной техники.

С 1992 по 1996 год производство всех потребительских электронных товаров за исключением персональных компьютеров в России сократилось до одной десятой, а производство станков и промышленного оборудования за тот же период – до одной пятой прежнего объема. (См. *табл.2.*) Выпуск некогда знаменитых в стране и за рубежом часов и фотоаппаратов не идет ни в какое сравнение с прежним. Лучше других держится на плаву производство транспортных средств. Так легковых автомобилей в 1996 году было выпущено всего на 10, автобусов – на 20 процентов меньше, чем в 1992 году, хотя выпуск железнодорожных транспортных средств за тот же период упал примерно на 55, грузовиков – на 75, тракторов – на 75%. Производственные мощности в топливно-энергетическом секторе используются на 70-80, в сталелитейной промышленности – на 70 процентов, в трубопрокате – лишь на одну треть; в химической промышленности этот показатель меняется от 15 до 46 процентов, в машиностроении колеблется на уровне 20 процентов(!) – не считая производства легковых автомобилей и автобусов, где он составляет соответственно 50 и 70 процентов, в производстве строительных материалов составляет примерно 40%, в пищевой промышленности обычно колеблется между 15 и 45 процентами, в легкой промышленности загружены лишь от 12 до 24 процентов (!) сохранившихся производственных мощностей. О *структурной деградации* российской промышленности свидетельствуют следующие данные: с 1993 по 1997 год производство средств производства упало на 55, потребительских товаров – на 40 процентов, в то время как производство сырья и полуфабрикатов – всего на 17 процентов. В результате в отраслевой структуре промышленности возобладали добывающие отрасли, и перерабатывающая промышленность оказалась оттесненной на задний план. Удельный вес

ее – в пересчете на неизменные цены – в период между 1990 и 1995 годами упал с 89 до 85 процентов. При этом внутри самой перерабатывающей промышленности подскочил удельный вес переработки первичного сырья, в то время как удельный вес отраслей, специализирующихся главным образом на выпуске готовой продукции, пошел на убыль: в машиностроении, например, он упал с 23 до 18 процентов, в легкой промышленности – с 6 до 2! (См. табл. 3)³. 80% машиностроительных предприятий сменило профиль, переориентировавшись в направлении более примитивной структуры производства (Макрушенко 1997/2, стр. 40.).

В российской статистике строительство учитывается отдельно от промышленности. Здесь в течение семи лет уровень производства (в неизменных ценах) упал приблизительно на 40%.

Поскольку выпуск в промышленности упал ниже среднеэкономического, сократилась и ее доля в ВВП – примерно с 50-55% прежде до 30%. Удельный вес строительства остался на прежнем уровне – около 6–7%.

Одновременно с обвалом в отечественном производстве доля импортной продукции в торговом обороте - и это при объеме, сократившемся на одну треть - подскочила с 15% в 1991 году до 54% в 1995!!! (Табл. 4). В 1995 году 60% от общего числа проданных в России станков и оборудования составила импортная продукция (Tabatchanaia-Tamirisa 1997 стр. 80).

Тяжелое международное финансовое положение промышленности и страны в целом (выплата долгов по кредитам, бегство иностранных вкладчиков) проявляется также в вынужденном экспорте и в изменении его товарной структуры.

³ Расчеты Кубиновы и Гавриленко в самом деле дают почву для размышлений о структуре промышленности. В своей работе они показывают, что в пересчете на мировые цены удельный вес энергетического сектора должен равняться 38 процентам вместо 11, машиностроения – лишь 19 вместо 23, легкой промышленности – 3, а не 16, пищевой промышленности – 8 вместо 19. Таким образом, подобно тому, как это показано в *табл. 3*, за период с 1990 по 1995 при пересчете на близкие к мировым цены (1994 года) также прослеживается деградация в структуре отраслей.

Несмотря на катастрофическое сокращение производства, товарный экспорт, вслед за непрерывным падением в начале десятилетия – ценой резкого сокращения отечественного потребления – снова пошел в гору. С 1992 по 1996 год он вырос с 42 млрд. до 71 млрд. долларов в год, и это без учета вывоза в страны СНГ. При этом вывоз цветных металлов и драгоценных камней в общем объеме вырос почти в три раза и достиг 19 млрд. долларов, минеральной продукции – в полтора раза и 33 млрд. долларов. Сравнительно заметно – с 8 до 15 миллиардов по текущим ценам – вырос и вывоз продукции перерабатывающей промышленности (из них машин, оборудования, транспортных средств – с 3,8 до 5,4 млрд.). Доля сырья и полуфабрикатов в общей сумме поднялась с 69 до 73 процентов. Примерно десятую долю всего вывоза дает продукция машиностроения. Вывоз в страны СНГ в денежном выражении изменился незначительно и в 1996 году составил 16 млрд. долларов. Половину этой суммы дали металлы и драгоценные камни, 17% – продукция машиностроения. Вообще же 95% российского экспорта – промышленная продукция. (См. *табл.5*). При совместном учете обеих групп стран-экспортеров продукция машиностроения составляет десятую часть вывоза России, тогда как в 1990 году в экспорте СССР она еще достигала 20%. Большую роль в этом сыграло сокращение продажи вооружений.

В интересах сохранения платежного баланса и обеспечения выплат по кредитам пришлось, особенно в первые годы, жестко ограничить импорт. Вследствие этого ввоз из стран «дальнего зарубежья» с 37 млрд. долларов в 1992 году, сокращаясь с определенными колебаниями, достиг к 1996 году 31 млрд. долларов. В то же время с 10 до 14 млрд. долларов (к 1994 году) увеличился ввоз из стран СНГ.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ И ЗАНЯТОСТЬ В ПОМЫШЛЕННОСТИ

В течение девяностых годов структура собственности в российской промышленности изменилась коренным образом. *Во-первых, от крупных предприятий отпочковалось бесчисленное множество филиалов, возникла масса мелких приватизированных предприятий. Во много раз возросло число зарегистрированных предприятий. Во-вторых, в результате ваучерной приватизации социалистическую государственную собственность сменила своеобразная переходная конструкция: большинство предприятий перешло в частные руки, но поскольку в крупнейших из них государство продолжает владеть определенной долей собственности (чаще всего акциями), то с точки зрения условий производства и занятости решающее слово остается за смешанным государственно-частным сектором.*

Вначале рассмотрим, как складывалась численность предприятий, а с нею вместе и занятость в промышленности.

За рассматриваемый нами шестилетний период общее количество предприятий с численностью более 200 чел. выросло примерно в шесть раз. (По понятным причинам в горно-добывающей промышленности и в энергетике лишь в полтора-два раза). Особенно резко – в десять раз – умножилось число машиностроительных предприятий, в первую очередь, за счет дробления. В остальных отраслях рост числа предприятий проходил в темпах, близких к средним. В 1996 году около трети от общего числа в 150 тысяч предприятий работало в машиностроении и примерно по 15% – в легкой, пищевой, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслях. Число предприятий энергоснабжения по всей огромной стране выросло с 850 до 1100, в топливной промышленности – с 570 до 1070, тогда как в машиностроении, где ранее действовало около 5 тысяч предприятий, их число превысило 50. К концу 1996 насчитывалось уже 130 тысяч т.н. предприятий малого бизнеса с численностью менее 200 человек (раньше

легальных образований такого рода практически не существовало), число занятых на них в общей сложности достигло 1,4 миллиона человек.

Несмотря на увеличение числа предприятий, в большинстве отраслей начался процесс концентрации производства. Так, например, удельный вес восьми крупнейших предприятий энергетического сектора с 1993 по 1995 год поднялся с 24,6% до 29,6%, в нефтедобыче – с 55,6 до 59,6%. В легкой промышленности, напротив, наблюдается некоторая деконцентрация (удельный вес восьми ведущих предприятий здесь понизился до 8%), в пищевой промышленности она еще заметней (тот же показатель здесь упал с 7 до 5% – Российский статистический ежегодник 1996, стр. 498).

На предприятиях с численностью состава свыше 200 человек к концу 1996 года работало 16,3 млн. чел. Таким образом, вместе с 1,4 млн. чел., занятых на предприятиях малого бизнеса, по официальным данным, численность работников промышленности в целом составляла 17,7 млн. чел. По данным за 1991 год, численность работников промышленности составляла припл. 21 млн. чел., таким образом, снижение составляет 3,3 млн. чел., т.е. приблизительно 16%. В сырьевых отраслях снижения занятости не наблюдалось, а в энергетическом секторе она даже поднялась на целых 40%. В машиностроении и легкой промышленности численность работников сократилась наполовину, в остальных отраслях, как правило, на одну десятую⁴). Сопоставив эти данные с данными о снижении уровня производства – на треть в производстве сырья и полуфабрикатов материалов, на две

⁴ «Спонтанное рыночное предпочтение» той или иной отрасли отражено и в пропорциях заработной платы. Если принять усредненную заработную плату по народному хозяйству страны за 100 единиц, то в соответствии с данными за 1996 год этот показатель в топливной отрасли равнялся 246, в энергетике и химической промышленности, как правило, колебался на уровне 200, в то время как в машиностроении достиг лишь 78, (в ВПК, в частности, он был близок 50!), в легкой промышленности – 52, в научной сфере – 77 единиц (Соколов, 1996, стр. 25).

трети в перерабатывающей промышленности, мы приходим к выводу о том, что сокращение численности занятых существенно отстает от снижения уровня производства, а это свидетельствует об угрожающем падении производительности труда. По грубым подсчетам, средняя производительность труда в промышленности в целом (совпадающая с этими же показателями в сырьевой и перерабатывающей отраслях по отдельности) сократилась почти вдвое (если, мы, за неимением лучшего, будем толковать ее как приходящийся на одного работающего объем производства). По некоторым подсчетам, в отношении производительности труда Россия в сравнении с США снова очутилась на уровне шестидесятых. Как и в шестидесятые годы в СССР, в России середины девяностых производительность труда составляла 29% от американской, а ведь к 1990 году этот показатель достигал уже 54%⁵! (Семенов, 1995, стр. 25).

На очередные 2,6 млн.чел. сократилась численность занятых в строительстве, где продолжает работать 6,4 млн.чел из недавних 9 миллионов. Это 40%-е сокращение дублирует показатель снижения производства, следовательно, производительность труда в отрасли не претерпела особых изменений.

Пик приватизации пришелся на 1993 год, когда 12 тысяч предприятий частично или целиком перешло в частные руки. Как показано в табл. 7, с 1993 по 1995 год, то есть в течение трех лет, было приватизировано 20 из 27 тысяч государственных предприятий. Из той же таблицы видно, что доходы от приватизации упомянутых предприятий составили примерно 10% от стоимости их основных и оборотных фондов!

Табл. 8 свидетельствует о том, что к концу 1996 года 88% промышленных предприятий перешло в частные руки, при этом

⁵ По расчетам, произведенным ИМЭПИ РАН на основе данных о производстве на душу населения, производительность труда за период с 1990 по 1995 год в целом упала на одну треть, причем на 20% только с 1992 по 1995 год. В строительстве тот же общий показатель за пять лет – 39%, с 1992 по 1995 год – 16% (Львов-Гребенников-Дементьев 1996, стр 128).

производимая ими продукция составляла лишь 22% от общей, и работало на них 26% всех занятых в промышленности. В то же время предприятия, сохранившие долю государственной собственности, они же крупнейшие производители, выпускали 65% общего объема продукции, давая работу 57% занятых, составляя при этом всего лишь 6% от общего числа промышленных предприятий. Находящиеся в безраздельной государственной собственности предприятия составляли всего 2,6% от общего числа, с долей в производстве в 4, а в общей занятости – 2%. И наконец, 1% от общего числа составляли предприятия, находящиеся в собственности муниципальных властей и общественных организаций. По той же таблице можно проследить некоторые отраслевые особенности. Так, особенно велик (70-80%) удельный вес предприятий со смешанной, частно-государственной собственностью с точки зрения занятости и объема производства в сырьевом секторе (от электроэнергетики до цветной металлургии) и несколько меньше (40-50%) в перерабатывающем (от машиностроения до пищевой промышленности).

Особенного внимания заслуживает сходящая на нет роль иностранного капитала в промышленности страны. Согласно данным, приведенным в *табл. 9*, к концу 1996 года всего было зарегистрировано 3424 промышленных и 1182 строительных предприятия с иностранной или смешанной формой собственности, с иностранным участием, общей численностью прибл. 300 тыс. чел. Их экспорт составлял 3,3 млрд. долларов, импорт – 2 млрд., что составляет 3,8% вывоза и 4,4% ввоза страны.⁶ Четверть от общего числа предприятий с долей иностранной собственности сосредоточена в промыш-

⁶ В совокупности с действующими в остальных отраслях в стране насчитывается прибл. 16 тыс. предприятий с иностранной и смешанной собственностью. В 1996 году их общая доля в экспорте составила 6,5%, в импорте – 11,2% (5,7 и 5,1 млрд. долларов соотв.). Для сравнения: в 1992 году насчитывалось 2,5 тысячи частично или полностью иностранных предприятий на которых работало 195 тыс человек. Экспорт их составил 1,9 млрд. долларов, импорт – 2,0 млрд долларов (Россия в цифрах 1997, стр. 369).

шленности и в строительстве, причем по численности работающих и объему производимой продукции их удельный вес среди себе подобных равен двум третям. Сами за себя говорят данные за 1995 год, согласно которым более половины прямых иностранных инвестиций в промышленность за этот период приходятся на энергетический сектор, 10% – на строительство и лишь по 5% на целлюлозно-бумажную отрасль и машиностроение (Milchakova 1997, 26-27, Ludvig 1997, 29-41).

БОЛЬШИНСТВО КАЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ, ОТ КОТОРЫХ ЗАВИСИТ БУДУЩЕЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, СНИЗИЛОСЬ

Ранее, говоря о тенденциях в формировании численности занятых, мы уже отмечали, что с начала девяностых, то есть, по существу, с точки отсчета радикальных реформ, *едва ли не наполовину снизилась производительность труда*, от которой, в конечном счете, более всего зависит конкурентоспособность промышленности, а значит и ее перспективы на международном рынке.

Падение производства, структурная его деградация, то есть ослабление наиболее весомой с точки зрения «добавленной собственности» перерабатывающей промышленности, в особенности самой уязвимой ее части, машиностроения, на фоне сохранения относительной стабильности производственных мощностей и численного состава трудовых коллективов напрямую связаны с финансовым положением предприятий. Как показывает табл.10, если в 1992 году лишь 7% промышленных предприятий убыточно, то в 1996 году их уже 40, а в 1997 – 47%. То есть на протяжении одного только 1997 года положение продолжает резко ухудшаться! Следует обратить внимание и на тот факт, что по отчетным данным за 1997 год лишь 40% убыточных предприятий полностью относятся к государственному сектору, в то время как на 48%

преобладает доля негосударственной собственности. Очевидно, что помимо реальных хозяйственных неудач за минусовым сальдо может стоять и государственная дотация, и просто бухгалтерские манипуляции частных фирм. Существенно другое: незаметно, чтобы частные предприятия по части прибыльности превосходили бы государственные.

Меньше всего убыточных предприятий в нефтегазовом секторе; в угледобывающей отрасли, в цветной металлургии в деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, в производстве строительных материалов и в легкой промышленности их доля превышает средний уровень, в прочих не перечисляемых здесь отраслях этот показатель несколько ниже среднего уровня. В 1992 году доля убыточных предприятий в строительстве составляла 8%, в 1995 – 18%. На уровне народного хозяйства в 1996 году прибыль составила 88 миллиардов рублей, 57 из которых приходится на промышленность и 10 – на строительство. Это данные по чистой прибыли за вычетом 31 и 2,5 миллиардов дефицита убыточных промышленных и строительных предприятий соответственно. Самый большой дефицит накопили машиностроительная и металлообрабатывающая (7 миллиардов рублей), химическая, целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая отрасли (Россия в цифрах 1997, стр. 202–203 и 260., Социально-экономическое... 1997, стр. 23–24.). Промышленность страдает от угрожающей нехватки источников финансирования, получить кредиты невероятно трудно. Неудивительно, что при этом ей постоянно приходится выступать *в роли чистого кредитора*. Общая сумма долговых обязательств промышленности к концу 1996 года составляла 408 миллиардов рублей, в то время как общая сумма дебиторской задолженности достигла 629 миллиардов рублей. В одной лишь строительной отрасли собственные долги составляли 74 миллиарда рублей, ей же задолжали 83 миллиарда (Россия в цифрах 1997, стр. 209.). Долговой порочный круг раздался до чудовищных размеров; достаточно сравнить эти данные с только что приведенными данными о прибыли, и

станет очевидным, как непомерны долги по кредитам и сколь безнадежно положение отрасли.

На фоне тяжелого финансового положения предприятий и доли убыточных среди них *довольно высокая средняя норма прибыли* в промышленности выглядит несколько противоречиво: с 12% по данным за 1990 год она подсакивает до 38%(!) в 1992, затем в 1996 падает до 9% и в первой половине 1997 достигает 10%. (табл. 11). Объяснение этому противоречию следует искать главным образом в прямой зависимости между средней нормой прибыли и темпами инфляции в тот или иной период: чтобы удержать уровень рентабельности, а заодно набить собственные карманы, предприятия, а точнее, их владельцы повышают цены, (провоцируя тем самым вынужденное финансирование производства). Кроме того, в течение этих лет наблюдались также значительные колебания нормы прибыли и внутри отдельных отраслей.

Возникает вопрос: *а последовали ли за принесенными жертвами такие перемены, которые могли бы дать толчок техническому развитию, привести со временем к определенной стабилизации промышленности и позволяли бы надеяться на улучшение конкурентоспособности в будущем?* – Ответ, в общем и целом: *нет*. Благодаря изменившимся условиям, свободному выходу на мировой рынок одни инновационные показатели промышленности (производство новых видов продукции, покупка лицензий) улучшились, другие же (число используемых новых технологий, контракты на проведение исследований и разработок, получение ноу-хау), напротив, ухудшились (Соответствующие статистические данные за период с 1992 по 1994 год включены в Российский статистический ежегодник за 1996 год, см. стр.484)⁷. Разумеется, обнадеживающие инновации имеют место, но они не могут

⁷ При социализме в Советском Союзе затраты на НИОКР составляли 4% валового внутреннего продукта, а в 1995 году – всего лишь 0,4%! (Шишков 1996, стр. 29). В этой связи следует отметить, что лучшие умы, десятки ученых и инженеров, специалистов самого высокого класса (а уровень подготовки в стране общепризнан) продолжают уезжать за границу.

пересилить тенденцию всеобщего упадка, поразившего производство в самых его основах. Для начала проиллюстрируем это положением дел по части инвестиций в основной капитал.

С 1990 года *реальная стоимость инвестиций в основной капитал сократилась до трети базового уровня*, в своем падении оставив позади даже уровень производства. При этом в общем объеме промышленных затрат сильно подскочила доля инвестиций в производственное сырье. Реальная стоимость инвестиций в машиностроение, легкую промышленность и строительство за период с 1992 по 1995 год упала на 92-95%, а в энергетический сектор «всего лишь» на 53% (Oroszország: a befektetési... 1997). Общая доля трех типично сырьевых отраслей в промышленных инвестициях 1990 года составляла 39%, а к 1993 году – уже 63%. Роль химической промышленности не изменилась, ее доля – прибл. 5%, доля металлургии упала с 8 до 6%. Машиностроение, *то есть ведущая по определению отрасль, скатилась с 23 до 8%!* Несколько снизилась и доля пищевой промышленности. Участие строительства в инвестициях основного капитала в народное хозяйство, с учетом отдельной графы по строительству квартир, выражается обычно приблизительно 25 процентами. *Следует отметить, что уровень промышленных инвестиций за последние полтора-два года стабилизировался.* (Стоимость новых основных фондов в 1990 году составила 6,9% от общей, стоимость изъятых из эксплуатации основных фондов в то же время равнялась 1,8%. Таким образом, прирост основного капитала составил 5,1%. С 1994 года основной капитал начинает, пусть и незначительно, на 0,1–0,2% , но неуклонно убывать. В 1995 году доля введенных в эксплуатацию основных фондов в общей их стоимости составила лишь 1,5%.

Что же касается иностранного капитала, то доля его в промышленных инвестициях 1995 года составляла 5%, а в строительстве – за вычетом квартирного – 11%. Любопытно, что хотя 29% всех иностранных инвестиций и устремилось к

топливно-энергетическому сектору, удельный вес этих средств в общих инвестициях в сектор составил всего лишь 2,5%. Следует также отметить, что пятая часть вложений в основной капитал деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной, легкой и пищевой промышленности произведена иностранными инвесторами. (Подробнее см. *табл. 12.*)

И, наконец, еще одна неблагоприятная тенденция: в течение рассматриваемого периода *доля затрат на станки и оборудование в инвестициях в основные фонды сократилась с 38 до 20-22 процентов.* (Российский статистический ежегодник 1996, стр.452). В результате промышленное оборудование устаревало. *Табл. 13* отображает тенденции, развивавшиеся на протяжении десятилетий. Из нее видно, что упадок советской экономики начинался еще в сравнительно успешные и динамичные семидесятые годы, а в девяностые он только сильно убыстрился. Если в 1970 году оборудование со сроком службы менее 5 лет составляло 41% от общего числа, то в 1980 этот показатель равен уже 36%, в 1990 – 29%, а в 1995 году всего 11%!

Кризис производства, смена курса и экономическая политика

Курс на окончательный и бесповоротный переход к рыночной экономике был объявлен в январе 1992 года правительством Гайдара. Это означало конец планового хозяйства и жесткого регулирования рынка. Несколько месяцев спустя государственная система обеспечения в лице Госснаба прекратила свое существование. Была декларирована *свобода торговли, а заодно и полная либерализация импорта.* В первой половине 1992 года импорт вообще не облагался пошлинами, между тем как экспортные пошлины продолжали взиматься!!! Одним из первых радикальных шагов стала *либерализация цен и попытка приблизить цены на энергоносители к мировым* – причем все за

считанные месяцы. Многократное подорожание энергии значительно подняло уровень расходов, изменило сложившиеся соотношения между предприятиями, подхлестнуло инфляцию. Всего этого уже вполне хватало для серьезных сбоев в экономике.

Положение усугубилось еще и тем, что из-за необходимости компенсировать инфляционное влияние нарушенного соотношения цен и в полном соответствии с рекомендациями МВФ и интенциями правительства, *финансовая политика приобрела ярко выраженный рестриктивный характер*. В экономике страны вдруг возник чрезвычайный денежный дефицит. Внезапные изменения в соотношениях цен и чрезмерные финансовые строгости одновременно не могут не вступить в противоречие. Из-за подскочивших расходов (и погони за прибылью в неменьшей степени) цены производителей быстро росли, хотя вскоре выяснилось, что немалую часть продукции сбыть по ним уже невозможно.⁸

Большинство промышленных предприятий неожиданно для себя столкнулось с тяжелейшими *платежными проблемами*. Именно тогда и возникла вся эта неподъемная масса всеобщей *круговой задолженности*, которая, хотя и спасла производство от скоростного развала, зато по сей день связывает подавляющее большинство промышленных предприятий по рукам и ногам. Тогда же стали повседневностью отсрочки в выплате заработной платы, разросшиеся банковские задолженности, неуплаченные казне налоги.

Резкое (примерно на 50%) сокращение доходов населения, крайняя поляризация доходов, пошатнувшийся платежный баланс предприятий, растущая конкуренция со стороны

⁸ Разумеется, согласно монетаристской концепции, денежный дефицит понуждает к структурным переменам. (Подобного мнения придерживается, например, Csaba 1997/2, стр. 121.) Однако обоснованность подобной точки зрения выглядит более чем сомнительно в свете тяжелейшего структурного кризиса, постигшего Россию (или тенденции к дезиндустриализации, наметившейся по всему миру в большинстве стран, проводящих политику стабилизации).

импортных товаров, ограничительная бюджетная и денежная политика правительства – все это вместе взятое привело к чрезвычайному падению спроса на отечественные товары. Предприятия, однако, как ни в чем ни бывало, продолжали производить и поставлять друг другу свою продукцию. (По оценкам специалистов 40% всех производимых предприятиями операций – бартерные сделки (См.: „Orosz reformkilátások” 1997, стр. 37). Поскольку покупательский спрос на готовую продукцию сократился сильнее, чем ее производство, прочнее держался и спрос на необходимое для производства сырье и полуфабрикаты. Вот откуда берет начало, постепенно набирая силу, тенденция к структурной деградации российской промышленности. Как показывает вышеприведенный анализ статистических данных, спад производства гораздо быстрее происходил в относительно более развитых и технически оснащенных отраслях, (машиностроение), а также в отраслях, производящих товары для населения (пищевая и текстильная промышленность).

Промышленные предприятия «погнались за длинным рублем». Стремясь возместить подскочившие расходы – и не в силах при этом устоять перед соблазнами свободного ценообразования – они *быстро поднимали цены*. В результате за первые три месяца 1992 года цены производителей в промышленности подскочили гораздо резче (в двенадцать раз), чем регулируемые государством цены на энергоносители (в шесть раз). В ответ правительство подтянуло цены на энергоносители и ослабило финансовый контроль. Взметнулась спираль *гиперинфляции*.

Отчасти за счет невыполненных платежных обязательств, отчасти за счет повышения цен, *прибыль предприятий достигла небывалых высот*. Хозяйственные руководители, менеджеры и новоиспеченные частные собственники в массе своей извлекали из всеобщей неразберихи немалую личную выгоду.

Население нищало, разница в доходах посрамила латиноамериканскую. Все это вместе взятое и привело, в

конце концов, к падению правительства Гайдара. *На втором этапе экономических реформ (1993 – 1994) новое (первое черномырдинское) правительство не сумело переломить уже наметившиеся тенденции.* Капитал по-прежнему перетекал из промышленной сферы в финансовую, все так же быстро ухудшалась финансируемость производственной деятельности. (В октябре 1993 года недовольство общества было «преодолено» путем роспуска нижней палаты парламента, Думы с последующим ее расстрелом и конституционным укреплением президентской власти.)

В конце 1994 – начале 1995 года в экономической политике произошли перемены. Третье правительство реформаторов (по-прежнему возглавляемое Черномырдиным) поставило во главу угла *обуздание инфляции.* Этап этот был ознаменован очередными рестрикциями. Изнуренную российскую экономику с ее, мягко выражаясь, пошатнувшейся промышленностью ошеломили очередной порцией шоковой терапии. Резко пошли на убыль доходы населения и государства, *свободно падал спрос, увлекая в пропасть производство, особенно в отраслях легкой промышленности.* Вопреки декларациям государственной поддержки частного предпринимательства, возможности промышленного финансирования продолжали таять, причем в немалой степени стараниями правительства. Опять сократились государственные заказы, до минимума было урезано бюджетное финансирование научных исследований и программ по усовершенствованию промышленного производства, была пущена в оборот огромная масса высокодоходных государственных облигаций; из-за появления государства в роли конкурента на рынке ценных бумаг сильно подорожали кредиты. Одновременно промышленные предприятия попали под налоговый пресс. Промышленность дает лишь треть ВВП, выплачивая при этом половину налогов! (Нешадин, Вигдорчик, Липсиц, Николгородский 1997, стр. 59). Инфляцию и в самом деле удалось затормозить, но экономика заплатила за это дорогой ценой. *Лишь к 1995*

году производство несколько стабилизировалось на уровне вдвое меньшем дореформенного, но условия для подлинного подъема так и не были созданы. Прочие меры, такие, например, как снижение процентных ставок по государственным займам, динамизма экономическим процессам не прибавили. Вопреки всем ельцинским угрозам и обещаниям, государство так и не расплатилось с долгами по зарплате, его отношения с предпринимательским сектором остались столь же запутанными, правительству так и не удалось добиться поворота в общем состоянии экономики, да он, собственно, и не был осуществим в подобных условиях. В течение 1997 года в Госдуме не раз звучала критика государственной экономической политики, сам Ельцин тоже нередко метал громы и молнии по поводу общего состояния дел в экономике страны (разнося при этом министров уже третьего, образованного после выборов 1996 года черномырдинского кабинета).

И без того критическое положение еще больше обострилось под влиянием событий на мировом финансовом и товарном рынках; все это прямо привело к платежным затруднениям России в 1998 году, принятию нового более строгого закона о банкротстве, формированию правительства Кириенко, объявлению негодной думскому большинству правительственной программы с очередными жесткими ограничениями и спасательной акции со стороны МВФ.

Бюджетная поддержка экономической деятельности предприятий была урезана до крайности: если в 1992 году на эту статью расходовалось 31,6% бюджетных средств, то в 1994 – всего навсего 5%. По принятому на 1994 год бюджету государственные средства предназначались только для нужд сельского хозяйства и угледобывающей промышленности (Narbone 1996, стр. 18). По другим источникам, однако, из социально-политических соображений (безопасности? – П.Ф.), некоторые предприятия, стоящие на грани разорения, и частные в том числе, получили так или иначе, часто не без коррупции, государственную поддержку (Glinkina 1997, стр.

27). Ибо власти опасаются социальных потрясений, которыми угрожает массовая безработица. В случае с Россией даже в условиях, выдвигаемых МВФ, массовые увольнения отодвинулись на задний план... К тому же традиции всеобщей занятости, солидарности и личных связей, а также характерная конструкция собственности, при которой рабочие и менеджмент владеют акциями предприятий совместно – все это вместе взятое сдерживает темпы увольнений.

В рамках общей экономической политики, а точнее, дабы уравновесить неблагоприятные ее воздействия, *правительствам по ходу действия приходилось разрабатывать и конкретные программы поддержки производства*. Во время платежного кризиса 1992-93 года предприятия получили льготные кредиты помощи, государство пошло на взаимное списание долгов. Когда же инфляция стала набирать обороты и казна изрядно поистощилась, правительство (второе) провозгласило принцип селективной поддержки отраслей. Но разработка списка приоритетных претендентов затянулась из-за споров, и отраслевая дотация как таковая, по сути, не состоялась. В 1994–95 году Министерство экономики ввело независимую от отраслевых критериев систему целевой поддержки инвестиций. Однако выделенные ресурсы были скромны, и государство оказывало двадцатипроцентную поддержку только проектам с заведомо высокой отдачей, то есть таким, которые, вероятно, осуществились бы и без нее. К тому же из-за скудости источников разрасталась коррупция. В 1996 году система поддержки Минэкономики была снова пересмотрена и снова стала более селективной. В случае запуска в производство принципиально новой продукции поддержка могла достичь 50%, при замене импорта – 30%, для прочих сулящих выгодный рынок инвестиций – 20% необходимой суммы (Промышленная политика... 1996, стр. 6–7.). Эта система стала, по существу, первым шагом в сторону более взвешенной промышленной политики. Однако, судя по сообщениям, из-за скудости источников поддержку получили лишь считанные проекты.

В условиях экономического кризиса – чаще по инициативе предпринимательского сектора, иногда при поддержке государства – начинают формироваться *финансово-промышленные группы*, стремящиеся преодолеть катастрофическую нехватку капитала и хаос рынка. Скорее всего, эта система стратегических союзов, охватившая, в основном, самые крупные банки и промышленные предприятия, также способствовала той относительной стабилизации, что наблюдалась с 1995 года. Эти конгломераты во многом напоминают состоящие в особых отношениях с государством азиатские картели – японские «дзайбацу» и «кейрецу», южнокорейские «чеболь». Позднее мы еще проговорим о них подробнее.

В 1992–1997 годах на карту была уже поставлена конкурентоспособность Российской промышленности на мировом рынке. Перерабатывающая промышленность, которая десятилетиями работала на чрезвычайно замкнутый и надежно защищенный социалистический рынок, заведомо была в историческом проигрыше, к тому же в последние два десятилетия она все сильнее отставала технически, поглощая при этом массу энергии и сырья. *Внезапно попав в самую гущу открытого рынка, она, вне всякого сомнения, и не могла оказаться конкурентоспособной*; даже наиболее развитые ее отрасли не сумели приспособиться к новым условиям. В 1991–1992 годах государственный импорт резко, примерно вдвое, сократился; в последующие годы начал динамично расти экспорт и более умеренно – импорт. Доходы, возникавшие за счет перевеса экспорта, не вкладывались в экономику страны, большая их часть оседала за рубежом. Свободный с начала 1991 года ввоз был незначительно ограничен введенными в 1992 пошлинами на некоторые виды импортируемых товаров, а затем окончательно либерализован в 1993 году отменой большинства действовавших ранее квот. В результате страну, в ее и без того затруднительном положении, внезапно, без всякого перехода, без каких бы то ни было сроков на подготовку буквально захлестнуло товарами мощных и знающих толк в завоевании рынка зарубежных фирм.

К тому же – что отнюдь не общеизвестно – хотя в результате инфляции рубль и обесценился номинально, уже начиная с 1992 года его *покупательная способность в сравнении с другими валютами постепенно росла* (в том числе в силу положительного внешнеторгового и платежного баланса страны); особенно ускорила эту тенденцию ограничительная экономическая политика 1995 года. Ввозить становилось все дешевле. Невероятно, но факт: начиная с 1994 года некоторые статьи импорта, пусть по убывающей, но тем не менее поддерживались из государственного бюджета! Со статистикой последствий мы уже ознакомились. Импортные потребительские товары, в том числе и товары длительного пользования, возобладали над отечественными, что стало одним из главных факторов развала легкой промышленности и производства бытовой техники. *Резко сократился вывоз даже в наиболее развитых и экспортбельных ранее отраслях* перерабатывающей промышленности, таких как военная и авиакосмическая.

Кроме политических на то было немало других причин, в числе главных, например, практически полное прекращение государственных заказов с их ролью гарантированного покрытия производственных расходов. Вывоз всевозможной сельскохозяйственной техники, железнодорожного оборудования и пр. в бывшие социалистические страны или страны СНГ уменьшился до ничтожных долей прежнего. То, что Россия сдавала свои внешнеэкономические позиции, очевидно, пришлось на руку западным фирмам. Им удалось разместить свой товар на рынках ранее традиционно российских и для них малодоступных. Значительно ослабили позиции России даже в тех немногочисленных отраслях перерабатывающей промышленности, где с ее присутствием на международном рынке некогда приходилось считаться. Если что еще и вызывает интерес мультинациональных фирм к этим отраслям, так это их профессиональный потенциал, в тех случаях, когда они намерены заполучить

его для себя⁹. В качестве «последнего довода» в таких случаях обычно говорят, что побеждает сильнейший, более эффективный, например. Да, но как же тогда в наш век глобализации догонять «сильнейшего»? И что скажут на это десятки миллионов тех, кто лишился или вот-вот лишится своего рабочего места, чьи реальные доходы сократились на добрую треть, кому предстоит обнищать окончательно и бесповоротно?

Сократился даже экспорт сырья, например нефти в 1992-93 году было вывезено примерно вдвое меньше, чем в прежние годы. Вырученной валюты, правда, и так хватило на финансирование импорта, в основном, потребительских товаров. Что же касается массивного притока активного капитала, техники и оборудования, то вопреки всем ожиданиям, прогнозам и заверениям, он так и не состоялся. Правда, даже состоявшись, такой десант вряд ли подействовал бы стимулирующе на отечественного производителя, как показывает пример многих стран, хотя бы той же Ирландии.

Остановимся вкратце на финансовом крахе 17 августа 1998 года, хотя он имеет лишь косвенное отношение к предмету нашего анализа. Несомненно, что фактическое обесценивание рубля и объявление моратория на выплату долгов отчасти явились отголоском кризиса, постигшего мировую финансовую систему. Западный инвестиционный и рисковый капитал попытался залатать свои восточно-азиатские прорехи за счет денег, работавших раньше на восточно-европейских биржах. Только для российской экономики бегство капитала оказалось несравненно более губительным, а для части банков и вовсе роковым. Единственно успешная, по мнению МВФ, отрасль – финансовая рассыпается карточным домиком. Происходит же это потому, что банковская сфера

⁹ Так, например, в то время как производство чипов в России по сравнению с 1,4 млрд долларов в 1989 году в наши дни упало до 0,3–0,4 млрд, ряд ведущих производителей в этой области открыли в России свой научный филиал (Port – Galuszka 1996, стр 53).

слишком оторвалась от реальной экономики. Ее процветание на фоне упадка промышленного и сельскохозяйственного производства не могло не оказаться эфемерным.

Финансово-промышленные группы

Инвестиционный и финансовый кризис, постигший российские предприятия, на фоне развала рыночных отношений, когда ограничения препятствуют отлаженному движению товаров, когда прежние горизонтальные и вертикальные связи распались, спрос упал, но налицо унаследованная структура промышленности с ее высокой степенью концентрации, и надежды на успех в состязании с мультинациональными гигантами – все это вместе взятое уже с самого начала подводило к идее некоего союза, интеграции промышленных предприятий и финансовых структур. *В декабре 1993 года был обнародован президентский указ, позволяющий создание финансово-промышленных групп. В соответствии с текстом указа задачей таких объединений является «технологическая и экономическая интеграция в интересах создания таких инвестиционных и прочих комплексов и программ, которые повышают конкурентоспособность, расширяют рынок товаров и услуг улучшают эффективность производства, создают новые рабочие места» (Михайлов 1997, стр. 120. В обратном переводе).* Далее указ конкретизирует непосредственные цели: финансирование производства, кооперация, технологические разработки. Финансирование научных исследований, капиталовложения, поощрение экспорта и т.п.

Согласно одному из принятых в 1995 году законов, государство может взять на себя риск, связанный с финансовой, коммерческой, инвестиционной инновационной, политической и прочей деятельностью финансово-промышленных групп. Это свидетельство того, что на государственном уровне подобного рода конгломератам

прочат большое будущее. Закон, однако, не конкретизирует способов, вопрос государственных гарантий всякий раз решается в индивидуальном порядке, оставляя тем самым лазейку для коррупции. В 1996 году была даже создана ассоциация различных ФПГ, что говорит об их склонности координировать свои интересы.

Итак, государство поддержало стремление сильнейших финансовых групп к централизации и концентрации средств, как я полагаю, в большой степени под напором катастрофического положения, в котором из-за охватившего рынок хаоса, рестрикций, конкуренции со стороны импорта оказалась экономика страны в целом и промышленность в частности. Произведенное заодно назначение Чубайса с его связями в конгломерате на пост замминистра завершило и оформило *слияние интересов государственной власти и крупнейших финансовых лобби* (см.: Макрушенко 1997/1 стр. 1–59). Этот союз скреплен прямым взаимным экономическим интересом. По оценкам специалистов, «особые связи» с государственными учреждениями повсеместно «обходятся» предприятиям, всем подряд, а не только крупнейшим, в 30–50% прибыли (см.: Glinkina 1996, стр. 7.).

Число официально зарегистрированных ФПГ на первых порах прибавлялось довольно медленно. Но если к концу 1996 года их было всего 34, то к концу 1997 – уже около полтораста. На самом деле – неофициально – их куда больше. В 1996 году зарегистрированные группы охватывали уже около 500 промышленных предприятий и 87 банков. (Подробнее см. *табл.14*.) По оценкам, доля 34 зарегистрированных групп в ВВП 1996 года составила 4%, в 1997 году около 150 групп дали 10% ВВП. По утверждениям автора опубликованной в «Известиях» от 5 января 1997 года статьи, почти половину всей экономики страны прямо или косвенно контролируют семеро бизнесменов и стоящие за ними группы предприятий. Состав «Великолепной семерки» таков: Рэм Вяхирев (Газпром), Борис Березовский (Логоваз), Владимир Гусинский (Мост Групп), Вагит Алекперов

(ЛУКОЙЛ), Александр Смоленский (СБС -АГРО), Михаил Ходорковский (Менатеп-РОСПРОМ) и Андрей Казмин (Сбербанк) (цитируется по: Rutland 1997, стр. 29).

Их координатор – тот самый Потанин, который в 1996 году занимал пост первого замминистра по экономическим делам в команде Чубайса.

Инициаторы образования ФПГ делят их на три категории. Первая категория: государство создает и прикрепляет к определенной группе предприятий специализированный банк. Это «официальная» категория. Она немногочисленна, правда, как раз сейчас создается 30 финансово-промышленных групп, в которые войдут 328 наиболее жизнеспособных оборонных заводов, проектных институтов и исследовательских лабораторий (Orosz fegyverexport... 1997, стр. 38).

Вторая категория: Холдинг создает банк. «Холдинг». К первым двум относятся, например, Газпром, Магнитогорск, Камаз/Автоваз, трубопрокатный завод НОСТА/Газпром и АЛКОР/Уральский завод алюминиевой промышленности.

Третья категория: Холдинг, созданный банком („Банковская империя”). Принадлежащие к этой категории – воистину предприятия-империи, например, Менотеп объединяет 60 юридических лиц, ОНЕКСИМ-МФК, он же Интеррос – 35, Промстройбанк, Российский Кредит, Инкомбанк, Мост-Банк и Альфа-Банк – от 20 до 40 участников.

По характеру связей различают тип 1, когда предприятия объединяются по принципу принадлежности к одной технологической цепочке, и тип 2, когда при объединении исходят из регионального принципа. Большая часть объединений, понятно, базируется на разделении труда по вертикали. Большинство еще не зарегистрированных групп, как правило, тоже основаны на отраслевом принципе, объединяя предприятия одной вертикали, например, нефтедобывающие с нефтеперерабатывающими. Существует и подход при котором различают 1. – холдинги и 2. – группы с общим капиталом (см.: Макрушенко 1997/1).

На практике финансово-промышленные группы образуются, главным образом, чтобы при дележе капитала, распределении риска и государственной опеки выторговать себе наилучшее из возможного. Кроме того, они призваны обеспечить финансирование и капитальное строительство в интересах сложившегося распределения труда. Банки, будучи заинтересованы в скорейшей окупаемости, выступают не столько в качестве источников средств, сколько в роли катализаторов во взаимодействии предприятий. Входящие в ФПГ предприятия пользуются льготами на амортизационные отчисления, банки – на нормы минимальных резервов, уже одно это поощряет их к объединению (Glinkina 1997, стр. 22, Макрушенко 1997/1).

Одновременно с формированием финансово-промышленных групп – как мы уже упоминали ранее – ведется борьба против монополизации рынка. Государственный антимонопольный комитет, правда, пока особыми достижениями похвастаться не может (State Commitee... 1997).

Мало того – в печати даже появилась статья о том, что в ФРГ концентрация в промышленности в свое время была выше, чем в Советском Союзе, и что крупные экономические единицы и структуры важны для конкурентоспособности (Gorodetskij – Pavlenko – Frenkel' 1997, стр. 72).

Подробно анализирующий финансово-промышленные группы Д. Михайлов пишет, что Россия сумеет преодолеть нынешний кризис только в том случае, если 40% ВВП будет приходиться на долю 50 крупнейших конгломератов, мультинациональных предприятий западного образца, своего рода «Всероссийской корпорации». (Как знать, может такая концентрация уже реальность, и только экономический подъем заставляет себя ждать? – П.Ф.)

Направление научной мысли, поддерживающее финансово-промышленные группы, ссылается, главным образом, на мультинациональные компании развитых стран и их определяющую роль на рынке, отказываясь от иллюзий

относительно того, что зарубежные инвестиции могут сыграть в российской экономике решающую роль (Михайлов 1997 стр. 123, 124 и 130). Более того, адепты этого направления предупреждают, что зарубежный капитал нигде нельзя подпускать к стратегическим позициям, что вместо этого нужно создавать обстановку благоприятствующую финансово-промышленным группам, нужно помочь им стать настоящими хозяевами технологических вертикалей, ведущими акционерами (Промышленная политика... 1996, стр. 20 и 28). По всей вероятности, уже сложились 10–20 сильнейших и 100–150 следующих за ними групп, которые сумеют стать проводниками интересов и для иностранного капитала (Glinkina 1997, стр. 22).

Спор о причинах промышленного кризиса и способах выхода из него

Поначалу в международной специальной литературе преобладали споры между сторонниками «шоковой терапии» и «градуализма». Международные организации и их отдельные представители нередко объясняли нынешние трудности России тем, что в 1993 году страна отошла от последовательного проведения ортодоксальной экономической политики (стабилизация, либерализация, приватизация). Правда, приверженцы таких взглядов не говорят о том, что отойти от «последовательного» монетаризма пришлось из-за пошатнувшегося в результате либерализации равновесия, и что предположительные выводы МВФ, по существу, до сих пор являются решающими при определении основного направления экономической политики.

Позднее, когда тяжелейшие препятствия стали уже очевидны, на первый план выдвинулся подход, объясняющий экономические трудности, главным образом, институциями и ментальностью, унаследованными от советских времен, привилегиями разбогатевшей на приватизации «новой

номенклатуры» и ее методами, изолированностью реформаторов, Гайдара, например, слабостью позиций новых собственников, т.п. Вывод – «традиционная» экономическая теория вообще неприменима к России. Такие настроения господствуют, например, в дискуссиях, ведущихся под эгидой Всемирного банка (см.: Alfandari – Lee 1995)¹⁰. Еще в 1995 году Джеффри Сакс, один из отцов российской шоковой терапии, тоже начал склоняться к этому направлению, когда принял теорию распада государства, при котором – в соответствии с моделью Кругмана и Мацуямы – даже минимальное частичное изменение может возыметь устойчивые и далеко идущие последствия. Как считает Сакс, вследствие распада государства Россия попала в спираль саморазрушения, с характерными для нее преступностью, сепаратизмом, неуплатой налогов, оттоком капитала за границу, и потому производство в течение длительного времени обречено топтаться где-то на уровне половины прежнего. (Об этом см.: Hedlund – Sundström 1996, стр. 887–888 и 905–911.)

Немало и таких работ, авторы которых ищут причины не в распаде институций, а в их искажениях. По их мнению, из-за традиционно значительной роли государства и экономической ситуации, когда банки не заинтересованы в координации и интеграции экономики, Россия движется в направлении корпоративизма азиатского образца, со свойственным ему переплетением интересов государственных учреждений чиновничества и предпринимателей. Причем такая модель объявляется заведомо малоэффективной (см., например, Rosekilde 1996). Однако, все рассуждения подобного рода на редкость спекулятивны и скорее затемняют, чем проясняют истинное положение вещей в экономике и политике и конкретные стратегические просчеты. Элементы, которые

¹⁰ Сходные взгляды относительно того, что своим поведением новые русские скорее напоминают грабителей, чем собственников, высказывает и лидер движения «Яблоко» Григорий Явлинский в своей работе, написанной для Стенфордского университета (см.: Orosz reformkilátások, стр. 37).

они, на мой взгляд, односторонне выхватывают из реальной картины, куда более следствия, нежели причины.

Следует отметить, что в международной специальной литературе неблагоприятные структурные изменения в российской промышленности часто объясняют т.н. «голландской болезнью». (В Голландии, где в семидесятые годы были открыты и разрабатывались подводные месторождения природного газа, процветанию добывающей промышленности сопутствовал упадок в перерабатывающей.) В этом наблюдении немало справедливого. Очевидно, что развитие отрасли, приносящей народному хозяйству наибольший доход, становится приоритетной задачей: условия финансирования и расширения производства в такой отрасли улучшаются, сюда перетекают ресурсы, экономическая политика – чтобы увеличить бюджетные поступления – наделяет ее особыми привилегиями. В результате отрасли менее конкурентоспособные (на данный момент или в перспективе) оттираются на второй план и приходят в упадок.

Другое дело, что, признавая фактор «голландской болезни», следовало бы продолжить поиск и анализ дальнейших причин и механизмов воздействия. Так, например, в случае России не следует упускать из виду тот факт, что различия в конкурентоспособности и прибыльности различных отраслей изменились именно в связи со сменой политического курса и интеграцией страны в международный рынок. Раньше в Советском Союзе цены на сырье были низкими, отчасти благодаря сравнительно невысокому уровню затрат на выработку, отчасти из соображений экономической политики, так что прибыльности сырьевых отраслей было далеко до сегодняшней. Такое положение вещей, разумеется, не поощряло к экономии энергии и сырья, однако в своем качестве попытки способствовать развитию перерабатывающей промышленности являлись фрагментом своего рода модернизационной модели, пусть расточительной, но, как мы уже упоминали, вплоть до семидесятых годов относительно успешной. А вот конкурировать с эффективной

промышленностью западных стран на открытом рынке российская промышленность, в особенности перерабатывающая ее отрасль, уже не могла. При этом Запад (по-прежнему) нуждается в российском сырье, нередко маргинальные производственные затраты на получение этого сырья все еще сравнительно невысоки, а крупные запасы его с точки зрения надежности обеспечения имеют и мировое значение.

В последние десятилетия двум группам стран с помощью своеобразной экономической политики, направленной на защиту отечественных рынков, удавалось поспеять за наиболее развитыми капиталистическими странами в техническом развитии и даже время от времени нагонять их. Это были азиатские страны с их развивающейся, по существу, на пустом месте промышленностью и страны социалистического лагеря. Сегодня уже очевидно, что либерализация импорта, выход в свободное экономическое пространство, оттесняют обе эти группы на периферию или полупериферию, исподволь превращая их в поставщиков сырья, «надомников» и потребителей товаров наиболее развитых стран; с европейскими социалистическими странами это началось со сменой политического курса в начале девяностых, с «азиатскими тиграми» – после кризиса 1997 года.

Все это особенно справедливо для России, с ее крупнейшими сырьевыми запасами, безразмерным потребительским рынком и слишком уж неопределенным и большим хозяйством, чтобы иностранный капитал мог напрямую «взять в руки» производство в перерабатывающей промышленности страны, тем более, что в стратегическом отношении эта страна – соперник.

Здесь уместно будет снова вернуться к нашим рассуждениям о голландцах, но на сей раз с позиций международно-экономических. Итак, *упадок в российской промышленности, в особенности в перерабатывающей ее отрасли, наступает, главным образом, вследствие того, что барьеры убраны, защитная модель отброшена и конкурентные возможности и соотношения интересов на международном*

рынке довершают дело. Внутри страны при этом, в тесной взаимосвязи с происходящим извне, спонтанно, в пользу доходных интенсивно сырьевых отраслей и во вред интенсивно техническим, работают те самые механизмы «голландской болезни», которые искажают промышленную структуру и, скажем прямо, хотя это и не в моде, отнимают у России ее «модернизационные» шансы, шансы «догнать и перегнать». Таким образом, сегодняшние трудности России невозможно осмыслить вне международных, более того, глобальных аспектов взаимного влияния моделей развития.

Упадок в российской промышленности, структурная ее деградация имеют множество причин, наиболее важными – излагая предельно сжато – я считаю следующие: 1) последовавший за политическими переменами – в силу интеграции в мировую экономику – отказ от относительной защиты рынка и «саморазвивающейся» модели, «спонтанное» влияние мировой экономики, 2) разрушение вертикального и горизонтального разделения труда вследствие распада единого советского рынка и СЭВ и подорожания внутренних перевозок, 3) условно названные выше «голландской болезнью», спонтанные внутренние механизмы, 4) хаос в рыночных отношениях, еще более искажаемых первоначальным накоплением, коррупцией и односторонними интересами финансового капитала, 5) беспощадная шоковая терапия, лишившая предпринимателей – даже в таких условиях – возможности приспособливаться постепенно.

За последние год-два в российской специальной литературе тоже заметно сместились акценты. Раньше кризис производства чаще всего объясняли как неизбежное следствие смены политического курса и преобразований в недостаточно эффективной социалистической промышленности. На страницах специальных журналов велась ожесточенная полемика о шоковой терапии и постепенных мерах. Сейчас сложившуюся обстановку анализируют, как правило, обстоятельно, с учетом множества факторов. Пожалуй, больше не осталось авторов, которые рассматривали бы

кризис в отрыве от обстоятельств последних лет, поворота в экономическом курсе, от ошибок или внешнеэкономических аспектов.

Сегодня, если пренебречь взглядами марксистов, которые требуют «восстановления» социализма советского образца (и практически лишены возможности публиковаться в специальных журналах), то можно будет выделить два основных направления научной мысли. Первое – это вобравшая в себя реальные трудности, более утонченная новая разновидность превалировавшей (или предпочитавшейся) ранее ориентации на свободный рынок. Второе – возникшее под влиянием тяжелейшего кризиса и предлагающее сильное государство и защиту рынка - можно назвать воинствующим или левым кейнсианством. Так что в академических кругах не слышно больше мнений о том, что надо бы вернуться к шоковой терапии или строго монетаристской политике.

В дальнейшем я намерен столкнуть эти основные направления на основании двух трудов, изданных Институтом экономики РАН. Более либеральное направление представлено группой академика Абалкина (Стратегия и неотложные задачи...1996). Точку зрения оппонентов выражают заместитель директора того же института и его старший научный сотрудник (Логинов – Курнышева, 1996). Любопытно наблюдать, как внутри одного исследовательского коллектива авторы, которые исходят из одних и тех же симптомов кризиса, но стоят на разных позициях, в своем анализе причин выдвигают на первый план весьма различные элементы. Столь же велико расхождение во мнениях и относительно возможных путей выхода.

Обе работы, опубликованные, кстати, в одном и том же номере журнала, *рисуют драматическую картину* технической и структурной деградации промышленности и считают ее необратимой. В качестве иллюстрации приводятся данные, согласно которым уровень производства инструментальных станков и оборудования упал до десятой доли прежнего при следующем соотношении: выпуск

станков-автоматов с программным управлением – до 2%, автоматизированных линий – до 7% прежнего уровня (см. вместе с остальными данными в табл. 2!). Самым трагичным обе статьи считают то, что сильнее всего от кризиса пострадали отрасли с наиболее развитой технологией.

Особенно критичны Логинов и Курнышева, утверждающие, что по сокрушительности нынешний структурный упадок не знает себе равных: «Таким образом, отраслевая структура российской промышленности все более напоминает экономику колониального типа, характеризующуюся вывозом из страны сырья и ввозом готовой продукции» (Логинов – Курнышева 1996, стр. 38)¹¹. В то же время, – добавляют они – добыча нефти становится все менее эффективной, затраты здесь в примерно в десять раз выше, чем на Ближнем Востоке. Расход материалов в производстве существенно выше, чем в советские времена, производительность труда упала почти наполовину. «Россия впервые в своей истории вошла в стадию структурного кризиса, характеризующуюся экстенсивной эксплуатацией недр без восстановления и модернизации производственного аппарата».

Из всей специальной литературы, которую мне довелось перечитать, статья Логинова и Курнышевой дает, на мой взгляд, наиболее полный перечень главных конкретных причин кризиса и наиболее глубокий их анализ. Речь идет о следующем:

– *Распались существовавшие в Советском Союзе отраслевые и региональные связи.* Здесь авторы не конкретизируют, но, несомненно, имеют в виду целый ряд факторов, то, например, что было затруднено, а нередко прервано разделение труда между республиками бывшего Союза. Или то, что с концом СССР, где перевозка грузов, как раз в интересах интеграции,

¹¹ Сходные мысли высказываются и в западной специальной литературе. Красноречивы уже сами названия или подзаголовки некоторых публикаций: «Примитивизация русской промышленности», «Новая развивающаяся страна Россия?» (Hedlund - Sundström 1996. La Russie...1995).

была на редкость дешевой, (как, впрочем, и в царской России до 1917 года), после освобождения цен в 1992 году скачки перевозочных тарифов оставили средний уровень инфляции далеко позади. Кроме того, в распаде производственной кооперации, очевидно, сыграли свою роль и сменившиеся с приватизацией интересы, и катастрофическое финансовое положение предприятий.

– Особо подчеркивая *тяжелое финансовое положение предприятий*, в качестве иллюстрации авторы приводят следующие сравнительные данные: если на 100 рублей основных фондов в 1992 году приходится еще 26 рублей оборотных, то в 1994 уже только 2 рубля.

– В качестве особого фактора они выделяют то обстоятельство, что *финансовый капитал не стремится в материальное производство, а «функционирует сам по себе»*

– Губительной для производства оказалась и применяемая в борьбе с инфляцией тактика *денежного дефицита*.

– Из-за либерализации цен сразу возникли огромные диспропорции, в результате чего, в первую очередь, за счет повышения расходов на материалы и энергию, резко подскочили *материальные производственные затраты*.

– Государство отказалось от селективной бюджетной поддержки отраслей, ответственных за научно-технический прогресс. *Научно-технический потенциал экономики понес качественный ущерб*.

– И хотя за счет накопления потребление в обществе увеличилось, распределяется оно чрезвычайно неравномерно. Доля потребления в ВВП за период с 1991 по 1995 год упала с 44 до 30 процентов. Это, с одной стороны, по мнению авторов, пагубно сказывается на мотивации рабочей силы, с другой – сдерживает отечественное производство потребительских товаров (Логинов – Курнышева 1996, стр. 38–40).

Группа академика Абалкина в своей статье, бегло указывая на те же факторы, основной упор делает на элементах, важных с позиций свободного рынка: советская промышленность была и до сих пор остается сверхмонополизированной и

сверхспециализированной, не существует по настоящему продуманной концепции, способной согласовать микроэкономику с макроэкономикой и действовать в условиях кризиса, нет действенного закона о банкротстве, население не подготовлено к рыночным условиям, предприятия страдают от непомерных налогов. И тем не менее платежеспособность предприятий можно стабилизировать с помощью рыночных механизмов, нужно создать *благоприятствующую конкуренции обстановку*, это подействует на производство стимулирующе... (Стратегия... 1996, стр. 53–55)

На мой взгляд, послышки несколько противоречивы – так, например, в рамках одной и той же статьи авторы выступают против монополий, и при этом одобряют формирование финансово-промышленных групп и концентрацию капитала внутри них. Неверно и то, что собственники лишены возможности принимать решения. В момент приватизации на 75 процентах предприятий контрольный пакет акций находился в совместной собственности менеджмента и трудового коллектива, после чего сразу же началась концентрация собственности в руках менеджмента.¹² Там же, где государство еще располагает пакетом акций, его представитель в совете директоров обычно не вмешивается и не пытается направлять события, влияние государства на процесс принятия решений вообще ничтожно (см.: Glinkina 1997, Csaba 1997/1 стр. 64). С другой стороны, дальнейшее внедрение рыночных условий и эффективный закон о банкротстве при нынешнем положении дел на рынке и в финансах стали бы началом очередной лавины, и производство, вопреки устремлениям авторов, падало бы дальше, а не росло.

Согласно мнению, которое можно назвать кейнсианским, экономической политике пора сменить стратегию. «Цель стратегических изменений в экономике – рост ее

¹² Внешние держатели акций в то время располагали 21,5% их общей стоимости (Industrial restructuring 1996, стр. 46–47).

эффективности и повышение динамичности, а не переход к рынку любой ценой; Необходимо обеспечить гибкое сочетание рыночных и протекционистских мер, поскольку рынок нейтрален к долгосрочным национальным интересам.» (Логинов – Курнышева стр. 41.; то же утверждает и документирует Шишков 1996). Рекомендуемая этим направлением модель, по сути дела, призвана усилить роль государства в развитии экономики, отчасти опосредованно, за счет механизмов регулирования рынка, отчасти напрямую, через бюджет.¹³

Подобные рекомендации, подразумевающие возврат к значимой роли государства в экономике, а тем более к перспективному планированию на государственном уровне в наши дни, представляются мне лишенными реальной почвы. Хотя бы потому, что предпринимательские, а в особенности финансовые группы накопили уже достаточно политических сил для того, чтобы помешать введению такой экономической политики, которая ущемляла бы их интересы, чинила бы препоны их деятельности. Пока идет первоначальное накопление, их интересам куда более соответствуют свободные, даже вольготные благодаря своей неясности рыночные условия. Ни иностранные мультинациональные предприятия, ни власти не заинтересованы в экономической стратегии старого азиатского образца, то есть стратегии оборонительно-наступательной, направляемой государством, всячески поддерживающей перерабатывающую промышленность и ее технический уровень. Очевидно, что любая попытка такого рода сразу же натолкнется на несговорчивость в получении кредитов и торговые ограничения.

Тем более заслуживает внимания, как с наступлением глубокого промышленного и всеобщего кризиса в научных

¹³ Защита отечественного рынка – ключевой элемент такой модели: «Чтобы защитить нашу российскую экономику, просто невозможно обойтись без выборочного государственного протекционизма» (Макрушенко 1997 стр. 48 – Дается в обратном переводе. *Пер.*)

кругах все слышной голоса критики и осуждения монетаризма. *Вот как прорвало, например, Евгения Велихова, вице-президента Российской академии наук: «Монетаристская политика правительства уже погубила часть промышленности. Неужели они хотят одним росчерком пера перечеркнуть все достижения индустриализации, стоившие нам шестидесяти лет кровавых жертв?»* (Faiz 1996, стр. 18 – дается в обратном переводе).

Все это находит отражение и в определенных декларативных заявлениях правительства. Так, например, в принятой в конце 1996 года правительственной программе реконструкции и развития прямо говорится, о том, что чисто рыночные направления ставят и экспорт и, в сущности, всю экономику страны на топливно-энергетические рельсы и грозят России утратой позиций в большинстве промышленно-развитых стран. Согласно этой программе Россия одновременно должна: а) опираться на природные ресурсы, б) осуществлять принятую в Азии от Японии до Китая догоняющую стратегию и – уже в более узком кругу отраслей – поддерживать уровень высоких технологий. В качестве последних фигурируют создание ракетного и космического оборудования, оборудования для электростанций, разработка биотехнологий, тогда как сферой действия догоняющей стратегии являются все прочие отрасли перерабатывающей промышленности от легкой и пищевой до автомобилестроения. Однако с позиций нашего исследования самое интересное здесь то, что для нацеленных на догоняющую модернизацию отраслей правительственная программа намечает определенные меры, направленные на защиту промышленности и рынка (заградительные пошлины и т. п.), «по крайней мере до тех пор, пока затрагиваемая ими продукция не достигнет конкурентоспособного уровня». Характерно, что только в добывающих отраслях программа рассчитывает на значительный приток иностранного капитала, что же касается «передовой линии», то тут привлечение транснациональной конкуренции квалифици-

руется как заведомо нецелесообразное. (Munkácsy 1997, стр. 33–35). По прогнозам правительства, при соблюдении этих устремлений и предписаний, к 2010 году удастся снизить долю добывающей промышленности в общем объеме производства и экспорта.

Подчеркнем, что рассмотренный нами правительственный документ не более чем декларация, не подкрепленная никакими конкретными мерами. Вероятнее всего, декларацией он и останется. Подписав международные соглашения, призванные способствовать либерализации торговли, потоков услуг и капитала, вступив во Всемирную торговую ассоциацию (ВТО), присоединившись к странам ОПЕК и учитывая свою зависимость от внешних долгов, Россия вряд ли сумеет принять задуманные меры по защите отечественной промышленности и рынка. Итак, правящие верхи России тоже видят, как из-за полупериферийного положения страны по мере органичной интеграции в мировую экономику ее «относит назад» (back wash effekt), однако при нынешней расстановке политических и экономических сил и структуре власти на международной арене, им едва ли удастся реализовать программу навигации против течения мировой экономики.

Россия со всей ее промышленностью оказалась оттесненной на периферию и полупериферию международного разделения труда; положение может измениться лишь том случае, если на первый план международной и внутренней политики сумеют выдвинуться, воспользовавшись, например, недовольством масс, националистически настроенные правые, или, скорее даже, левые силы. (Разумеется, и в этом случае управлять экономикой будет непросто). На данном же этапе, предположительно, будут по-прежнему доминировать «рыночные» решения, возможно, с некоторыми незначительными добавками элементов протекционизма и государственного регулирования. Сколь-либо значимой стабилизации российской промышленности, подъема производства, технического развития в ближайшем будущем не предвидится.

Таблица 1

Формирование объема производства по отраслям^{а)}
(1991–1997)

	(1990 = 100)						
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997 ^{б)}
Промышленность в целом	92	75	65	51	50	48	49
Добывающая промышленность	96	85	77	69	68	67	68
Перерабатывающая промышл.	92	74	63	48	46	43	44
Электроэнергетика	100	96	91	83	80	80	77
Топливные материалы	94	87	77	69	69	67	67
Черная металлургия	93	77	65	53	57	56	56
Цветная металлургия	91	68	59	53	55	53	55
Хим. пром. и нефтепереработка	94	73	58	44	47	42	43
Химическая промышленность	.	71	57	46	49	44	.
Нефтепереработка	.	78	59	38	42	38	.
Машиностр. и металлообр. пр.	90	77	65	45	41	36	37
Машиностроение	.	75	63	42	39	34	.
Деревообр. и целлюлозно-бум.	91	78	63	44	44	34	34
Производство стройматериалов	98	78	65	47	44	33	31
Легкая промышленность	91	64	49	28	18	14	13
Текстильная промышленность	92	63	48	26	19	14	.
Швейная промышленность	88	70	59	33	22	17	.
Кожевено-обувная промышл.	90	70	55	28	19	14	.
Пищевая промышленность	91	76	69	57	52	48	47
Мясо-молочная промышленность	87	65	57	50	40	37	.
Рыбная промышленность	96	78	68	54	59	61	.
Прочая пищевая пром.	97	86	82	64	61	54	.

Примечание: ^{а)} Без учета строительства

^{б)} Январь - сентябрь (в сравнении с тем же периодом 1996 года).

Источники: Россия в цифрах 1997, стр. 262., Социально-экономическое положение России. Январь-сентябрь 1997 года, стр. 14-16. Расчеты автора. Российский статистический ежегодник 1996, стр. 492

Таблица 2

Производство некоторых характерных видов продукции
в 1992 и 1996 гг.

	Количество	1992	1996	1996/1992 (%)
Электроэнергетический сектор				
Выработка электроэнергии	млрд. квт.ч	1008	847	84,0
Топливо-энергетический сектор				
Нефть	млн. тонн	399	301	75,4
Первичная переработка нефти	млн. тонн	256	176	68,8
Природный газ	млрд. м ³	641	601	93,8
Уголь	млн. тонн	337	255	75,7
Черная металлургия				
Железная руда	млн. тонн	82	72	87,8
Чугун	млн. тонн	46	37	80,4
Сталь	млн. тонн	67	49	73,1
Прокат	млн. тонн	47	39	82,9
Стальные трубы	млн. тонн	8	4	50,0
Цветная металлургия^{а)}				
Золото	.	.	.	90,2
Алюминий	.	.	.	106,8
Алюминиевое литье	.	.	.	28,8
Медь	.	.	.	106,5
Медное литье	.	.	.	89,0
Химия и нефтехимия				
Искусственные удобрения	млн. тонн	12	9	75,0
Искусственное волокно	тыс. тонн	474	135	28,5
Пластмассы	тыс. тонн	2544	1395	54,8
Моющие средства	тыс. тонн	532	197	37,0
Искусственный каучук	тыс. тонн	1610	775	48,1
Покрышки	млн. шт.	42	21	50,0
Машиностроение				
Тяжелое оборудование	тыс. шт.	15	3	20,0
Двигатели переменного тока	тыс. шт.	1148	342	29,8
Станки ^{б)}	тыс. шт.	53	11	20,8
Из них с цифровым управлением ^{в)}	тыс. шт.	5	0	2,0
Автоматизированные линии ^{д)}	шт.	180	39	21,7
Персональные компьютеры	тыс. шт.	137	119	86,9
Пассажирские и грузовые вагоны	тыс. шт.	18	8	44,4
Грузовые автомобили	тыс. шт.	583	136	23,2
Автобусы	тыс. шт.	48	38	79,2
Тракторы	тыс. шт.	137	14	10,2
Легковые автомобили	тыс. шт.	963	868	90,1
Комбайны	тыс. шт.	44	3	6,8
Ткацкие станки	тыс. шт.	12	1	8,3
Часы	млн. шт.	58	8	13,8

Радиоприемники	тыс. шт.	4015	492	12,3
Видеомагнитофоны	тыс. шт.	445	8	1,8
Телевизоры	тыс. шт.	3672	316	8,6
Из них цветные	тыс. шт.	2039	107	5,2
Холодильники	тыс. шт.	3184	1087	34,1
Стиральные машины	тыс. шт.	4289	760	17,7
Фотоаппараты	тыс. шт.	1607	217	13,5
Дер. и целлюлозно-бум. пром.				
Дерево (бревна)	млн. м ³	238	91	38,2
Пиломатериалы	млн. м ³	53	21	39,6
Целлюлоза	тыс. тонн	5676	3024	53,3
Бумага	тыс. тонн	3608	2293	63,5
Стройматериалы				
Цемент	млн. тонн	62	28	45,2
Кирпич	млрд. шт.	22	12	54,5
Плитка, кафель	млн. м ²	38	19	50,0
Легкая промышленность				
Ткани	млн. м ²	5090	1416	27,8
Вязанные изделия	млн. шт.	456	59	12,9
Пальто	млн. шт.	57	7	12,3
Костюмы мужские	млн. шт.	13	5	38,5
Костюмы женские	млн. шт.	30	5	16,7
Юбки	млн. шт.	11	1	9,1
Обувь	млн пар	220	36	16,3
Пищевая промышленность				
Мясо и мясопродукты	тыс. тонн	4784	1887	39,4
Молоко и молочные продукты	млн. тонн	10	5	50,0
Рыба	млн. тонн	5	4	80,0
Консервы	млн. банок	5353	2152	40,2
Сахар	тыс. тонн	3923	3289	83,8
Хлеб и хлебобулочные изделия	млн. тонн	17	10	58,8
Мука	млн. тонн	20	11	55,0
Безалкогольные напитки	млн. галлонов	79	65	82,3
Алкогольные напитки	млн. галлонов	76	38	50,0

Примечания: а) Публикуются только индексы
 б) в 1990 г. произведено 73 тыс.
 в) в 1990 г. – 17 тысяч.
 д) в 1990 г – 435.

Источники: Россия в цифрах, 1997 стр. 278-289. и авторские расчеты.
 Логинов – Курнышева: Реструктуризация промышленности в условиях экономического кризиса. Вопросы экономики 11/1996. стр. 36
 Стратегия и неотложные... Вопросы экономики 11/1996. стр. 50

Таблица 3
Структура российской промышленности
 (в %, по ценам 1994 года)

	1990	1995
<i>Добывающая пром.</i>	10,9	15,1
<i>Перерабатывающая пром.</i>	89,1	84,9
Электроэнергетика	8,7	13,5
Топливный сектор	11,7	15,4
Нефтедобыча	4,3	5,9
Нефтепереработка	4,5	5,4
Газовая отрасль	0,9	1,7
Угледобыча	1,6	2,3
Черная металлургия	8,0	9,3
Цветная металлургия	6,6	8,0
Химическая промышленность	9,0	8,3
Машиностроение	22,9	18,3
Дер. и целл. бум. пром.	5,2	4,5
Произв. стройматериалов	6,0	4,6
Легкая промышленность	6,0	2,3
Пищевая промышленность	12,9	13,1

Источники: Соколов, В. Структура российской экономики и ее включение в мирохозяйственные связи. МЭИМО 12/1996, стр. 20

Таблица 4
Соотношение отечественной и импортной продукции в оптовых закупках
 (1991–1995)

	1991	1992	1993	1994	1995	(%)
Оптовые закупки, всего	100	100	100	100	100	
Отечественная продукция	86	77	71	52	46	
Импортная продукция)	14	23	29	48	54	

Примечание: а) Включая «неорганизованные» закупки и импорт из бывших советских республик.

Источник: Российский статистический ежегодник 1996, стр. 303

Таблица 5
Стоимость и структура экспорта

	Помимо стран СНГ										В страны СНГ					
	1992		1993		1994		1995		1996		1994		1995		1996	
	млрд. \$	%	млрд. \$	%	млрд. \$	%	млрд. \$	%	млрд. \$	%	млрд. \$	%	млрд. \$	%	млрд. \$	%
Всего	42,4	100,0	44,3	100,0	53,2	100,0	65,7	100,0	71,3	100,0	13,9	100,0	14,3	100,0	15,6	
Станки, оборудование, транспорт. средства	3,8	8,9	2,9	6,5	3,2	6,0	5,3	8,1	5,4	7,7	2,4	17,3	2,7	18,8	2,7	17,2
Минералы	22,0	52,1	20,7	46,7	22,7	42,8	26,4	40,2	33,4	46,9	1,2	8,7	1,3	9,0	1,5	9,4
Металлы, драг. камни и изделия из них	7,0	16,4	10,3	23,2	16,7	31,3	19,6	29,8	18,8	26,4	7,3	52,7	7,1	49,5	8,2	52,8
Химикалии	2,6	6,1	2,6	6,0	4,2	7,9	6,3	9,5	5,9	8,2	1,3	9,6	1,7	11,7	1,6	9,9
Лес и бумажная продукция	1,6	3,7	1,9	24,2	2,2	4,1	3,9	5,9	3,1	4,3	0,5	3,2	0,5	3,9	0,5	3,2
Ткани, текстильная продукция	0,3	0,6	0,2	0,4	0,9	1,7	0,8	1,2	0,6	0,9	0,4	2,9	0,3	2,4	0,3	1,9
Кожа и кожевенные изделия	0,1	0,2	0,1	0,2	0,3	0,7	0,3	0,5	0,4	0,5	0,02	0,2	0,02	0,1	0,02	0,1
Продовольствие, сельхозпродукты ^{*)}	1,6	3,9	1,6	3,8	2,3	4,3	2,3	3,5	2,7	3,7	0,5	3,7	0,4	2,8	0,5	3,3
Прочее	3,4	8,1	4,0	9,0	0,7	1,2	0,8	1,2	1,0	1,4	0,3	1,8	0,3	1,9	0,3	2,2

Примечание: ^{*)} Без учета текстильного сырья
Источник: Россия в цифрах 1997, стр. 162-163

Таблица 6

Стоимость и структура импорта

	Помимо стран СНГ										Из стран СНГ					
	1992		1993		1994		1995		1996		1994		1995		1996	
	млрд. \$	%	млрд. \$	%	млрд. \$	%	млрд. \$	%	млрд. \$	%	млрд. \$	%	млрд. \$	%	млрд. \$	%
Всего	37,0	100,0	26,8	100,0	28,3	100,0	33,2	100,0	31,4	100,0	10,3	100,0	13,4	100,0	14,0	100,0
Станки, оборудование, транспорт. средства	13,9	37,7	9,1	33,8	10,6	37,6	12,8	38,6	11,6	37,0	3,0	28,6	2,9	21,5	2,8	20,0
Минералы	1,0	2,7	1,1	4,0	0,8	2,9	1,0	2,9	0,9	2,9	1,5	14,4	2,3	16,8	2,5	18,1
Металлы, драг. камни и изделия из них	1,2	3,3	0,9	3,5	1,1	4,0	1,6	5,0	2,0	6,3	1,7	16,5	1,9	14,5	1,9	13,5
Химикалии	3,5	9,3	1,7	6,2	3,1	11,0	3,8	11,4	5,0	15,8	0,7	7,1	1,3	9,6	1,7	11,9
Лес и бумажная продукция	0,5	1,2	0,1	0,5	0,5	1,7	1,0	3,0	1,3	4,3	0,08	0,8	0,1	0,9	0,2	1,1
Ткани, текстильная продукция	4,5	12,2	3,7	13,9	2,2	7,6	1,7	4,9	1,4	4,4	0,9	8,7	1,0	7,6	0,8	5,9
Кожа и кожевенные изделия	0,7	1,9	0,7	2,6	0,2	0,6	0,1	0,4	0,1	0,4	0,04	0,3	0,03	0,3	0,04	0,3
Продовольствие, сельхозпродукты а)	9,6	26,0	5,9	22,2	8,6	30,4	9,7	29,3	7,8	24,9	2,1	20,1	3,5	25,8	3,7	26,0
Прочее	2,1	5,7	3,6	13,3	1,2	4,2	1,5	4,5	1,3	4,1	0,3	3,5	0,4	3,1	0,4	3,2

Примечание: ^{а)} Без учета текстильного сырья

Источник: Россия в цифрах 1997, стр. 164-165

Таблица 7

Приватизация промышленных предприятий в период с 1993 по 1996 год

	1993	1994	1995	1996
Число предпр., намеченных к приватизации	11819	5230	1464	670
Стоимость их оборотных фондов (млрд. руб.)	2122	3376	991	1166
Объем производства за предыд. год (млрд. руб.)	2206	6741	1529	1239
Доходы за предыд. год (млрд. руб.)	414	1162	248	139
Число приватизированных предприятий	12052	5895	2087	864
Из них акционерных обществ	6223	3979	1054	412
Контрактная цена (млрд. руб.)	402	590	296	373
Доходы от приватизации				
В млрд. руб	151	126	218	132
В ваучерах	19.1	16.6	-	-

Источник: Россия в цифрах 1997, стр. 388

Таблица 8

Структура собственности по отраслям в 1996 году

	(%)																	
	Всего			Выработка			Производство			Черная			Цветная			Химическая и		
	промышленность	электроэнергии	топлива	металлургия	металлургия	нефтепер. отр.	I.	II.	III.	I.	II.	III.	I.	II.	III.	I.	II.	III.
Всего	100,	100,	100,	100	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,
Государственная	2,6	8,4	14,0	8,0	9,0	11,9	5,7	2,0	8,5	1,1	0,2	0,4	2,2	5,4	6,7	1,5	9,5	16,6
Муниципальная	0,5	0,5	1,0	20,0	1,5	3,4	0,3	0,0	0,03	-	-	-	0,1	0,0	0,01	0,0	0,0	0,3
Общественных организаций	0,3	0,2	0,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,1	0,0	0,02	0,2	0,0	0,1
Частная	88,2	21,8	25,6	26,8	7,8	6,7	50,7	2,1	2,9	81,7	16,5	15,7	83,7	23,1	15,1	89,6	26,2	23,9
Смешанная без иностр. участия	6,1	65,1	57,0	44,4	81,7	78,0	32,0	90,8	87,1	12,1	80,8	81,1	10,0	70,1	76,4	5,5	58,7	57,1
Смешанная с иностр. участием	2,3	4,0	1,8	0,8	0,0	0,02	11,3	5,1	1,5	5,1	2,5	2,8	3,9	1,4	1,8	3,2	5,5	2,0

88

	Машиностроение			Деревообаб. и			Строительство			Легкая			Пищевая		
	и металлообработка			целлюлозно-бум.						промышленность			промышленность		
	I.	II.	III.	I.	II.	III.	I.	II.	III.	I.	II.	III.	I.	II.	III.
Всего	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,	100,
Государственная	2,3	19,2	22,8	2,5	7,5	8,6	2,7	6,1	7,8	1,3	7,2	5,4	3,1	5,3	7,4
Муниципальная	0,1	0,1	0,4	0,4	0,3	1,1	0,4	0,6	3,7	0,7	0,3	1,7	1,2	1,4	1,5
Общественных организаций	0,3	0,7	1,0	0,2	0,2	0,4	0,1	0,0	0,2	0,6	1,2	1,6	0,1	0,1	0,1
Частная	90,7	24,6	19,5	87,6	37,6	37,5	86,0	46,6	43,9	92,5	55,2	52,3	81,2	44,8	43,7
Смешанная без иностр. участия	4,7	52,0	54,9	6,2	46,8	49,1	9,5	44,7	43,5	3,7	31,5	37,1	11,5	40,0	44,3
Смешанная с иностр. участием	1,9	3,4	1,4	3,1	7,6	3,3	1,3	2,0	0,9	1,2	4,6	2,0	2,9	8,4	3,0

I = Число предприятий

II = Брутто произведенная стоимость

III = Численность состава

Источники: Россия в цифрах 1997, стр. 268-271

Таблица 9

*Общее число иностранных и смешанных предприятий в целом,
в промышленности и в строительстве в 1996 году*

	Всего с учетом прочих отраслей	Промышл.	Строительство
Общее число таких предприятий	16079	3424	1182
Число занятых (тыс. чел.)	483	256	37
Пронзв. стоимость (млрд. руб.)	72076	41127	4078
Экспорт ^{а)} (млн. долларов)	5704	3289	74
Импорт (млн. долларов)	5079	1981	71

Примечание: ^{а)} Вместе с продукцией произведенной другими предприятиями
Источник: Россия в цифрах 1997, стр. 370

Таблица 10

*Доля убыточных предприятий в отраслях промышленности и в строительстве
(1992-1996)*

	(% , или билл. руб.)							
	1992	1993	1994	1995	1996 ^{а)}	1997 ^{а)}	1997 ^{б)}	
Прмышленность в целом	7,2	7,8	22,6	26,4	39,6	46,5 ^{а)}	33,9	
Топливо-энерг. сектор	6,6	5,2	7,5	13,8	22,4	26,0	0,8	
Произв топливных мат.	14,1	21,0	34,9	32,1	44,1	49,5	5,5	
Нефтедобыча	8,0	10,4	15,8	24,5	27,0	30,9	0,8	
Нефтепереработка	-	-	2,7	1,9	14,3	20,4	0,7	
Газодобывающий сектор	17,9	27,6	30,8	10,7	34,8	37,5	0,8	
Угледобыча	20,8	30,5	49,4	44,9	57,5	64,7	3,2	
Черная металлургия	2,8	2,2	9,6	13,0	29,3	41,5	3,7	
Цветная металлургия	3,6	6,6	22,8	35,5	63,3	65,1	2,4	
Химическая и нефтепер. о.	2,2	2,5	12,9	16,3	35,0	41,8	3,9	
Машиностр и металлообр.	4,9	5,2	20,8	24,5	37,9	44,1	7,7	
Дер и целлюлозно-бум. пр.	5,1	11,4	36,0	38,0	55,6	68,6	3,8	
Произв стройматериалов	10,4	9,2	24,0	27,3	44,4	53,5	1,3	
Легкая промышленность	12,8	12,3	30,5	41,9	53,0	59,7	1,6	
Пищевая промышленность	5,6	5,8	17,3	19,2	32,2	39,7	2,4	
Строительство	7,6	5,9	14,5	17,7	.	.	.	

Примечание: ^{а)} С января по август

^{б)} С января по август в миллиардах рублей

^{с)} В том числе государственных предприятий - 39,6%, негосударственных 48,4%

Источник: Российский статистический ежегодник 1996, стр. 428

Социально-экономическое... (1997), стр. 23-24

Таблица 11

Формирование норм прибыли с 1993 по 1996 год по отраслям

	1993	1994	1995	1996 ^{а)}	1997 ^{б)}
Народное хозяйство в целом	26,3	14,5	15,8	4,9	
В промышленности ^{в)}	32,0	19,5	20,1	8,8	10,1
Энергетика	25,5	18,6	17,5	12,3	.
Топливная промышленность	19,0	9,4	20,8	10,1	.
Нефтедобыча	15,1	4,2	21,2	14,1	.
Нефтепереработка	28,6	21,2	26,1	11,5	4,0
Газодобывающая отрасль	28,0	22,3	27,2	5,9	.
Угледобыча	4,2	4,2	8,0	0,3	4,4
Черная металлургия	48,5	20,0	22,1	6,5	3,0
Цветная металлургия	43,6	33,2	32,7	10,6	.
Химия и нефтехимия	38,6	25,1	19,5	5,9	.
Машиностроение и металлообр.	43,5	26,3	20,8	8,7	.
Дер. и целлюлозно-бум. пр.	32,8	16,1	21,8	-2,6	-6,9
Производство стройматериалов	31,3	19,9	17,9	9,0	-1,7
Легкая промышленность	36,2	18,9	9,3	2,1	-2,9
Пищевая промышленность	23,5	16,6	16,3	7,7	.
В строительстве ^{д)}	27,8	23,2	23,3	12,2	.

Примечание: а) С января по сентябрь. В промышленности в целом за год: 9,2%

б) С января по июль

в) в 1990 - 12,0, в 1991- 27,1, в 1992- 38,3%

д) в 1992- 20%

Источник: Россия в цифрах 1997, стр. 213–214 и 260, Российский статистический ежегодник 1996, стр. 422, 491

Таблица 12

*Роль иностранных инвестиций в основной капитал в промышленности и в строительстве
(1995)*

	Всего инвестиции в основной капитал		Из них иностранные		Удельный вес иностранного капитала всего 100%)
	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	
Промышл. в целом	91 928	100,0	4 615	100,0	5,0
Топливо-энерг. сектор	52 470	57,1	1 313	28,5	2,5
Металлургия	10 432	11,3	285	6,1	0,6
Химическая промышл.	4 318	4,7	214	4,6	5,0
Машиностр. и мет.обр.	8 213	8,9	258	5,6	3,1
Дер. и целл.-бум. пр.	3 296	3,6	765	16,6	23,2
Произв. стройматериалов	2 758	3,0	92	2,0	3,3
Легкая промышленность	808	0,9	144	3,1	17,8
Пищевая промышл.	7 316	8,0	1 544	33,5	21,1
Строительство	6 727	-	763	-	11,3

Источник: Российский статистический ежегодник, 1996 стр. 450. и 45

Таблица 13

Распределение производственного оборудования по срокам эксплуатации в промышленности)

		Возраст оборудования (%)					(%, или год)
		менее 5 лет	6-10 лет	11-15 лет	16-20 лет	Старше 20 лет	Средний возраст (год)
1970	100	40,8	30,0	14,0	8,9	8,3	8,42
1980	100	35,5	28,7	15,6	9,5	10,7	9,47
1990	100	29,4	28,3	28,5	10,8	15,0	10,80
1991	100	26,6	28,9	17,1	11,3	16,1	11,30
1992	100	22,8	29,4	18,2	12,0	17,6	11,98
1993	100	19,0	29,5	19,5	12,8	19,2	12,69
1994	100	14,7	29,8	20,7	13,8	21,0	13,41
1995	100	10,9	29,5	21,7	14,9	23,0	14,13

Источник: Российский статистический ежегодник, 1996 стр. 509

Таблица 14

*Основные характеристики финансово-промышленных групп
(1996-1997)*

Год	Число групп (ед.)	Числен н.состав (тыс. чел.)	Число предпр. участников (ед.)	Из них		Число инвестицион. проектов (ед.) И их стоимость (млн. руб.)	Объем производства (трилл. руб.)
				Промышл.	Финансовые		
1994 ^{а)}	6	364,6	116	61	21	0,0	11,1
1995 ^{б)}	16	1626,1	252	152	28	1,3	25,4
1996	34	18498,1	600	500	87	65,1	50,1
1997 ^{в)}	150-170	.	.	.	^{д)}	.	.

Примечание:^{а)} в 1993 году была зарегистрирована одна группа

^{б)} В начале ноября

^{в)} Прогноз

^{д)} В 1997 году 80% банков были заинтересованы в делах ф-п. групп

Источник: Д. Михайлов: Финансово-промышленные группы: специфика России МЭИМО 4/1997, стр. 123

БИБЛИОГРАФИЯ

Абалкин, Л. (1996) Экономические реалии и абстрактные схемы (о концептуальных основах монетаристской программы финансовой стабилизации).

Вопросы экономики № 12 стр. 4–19.

Alfandari, Gilles – Lee, Une (1995): Are Russian Enterprises Restructuring? Transition – The Newsletter about Reforming Economies. Volume 6, No. 6–7. July–August (11–12)

Aukutsionek, Sergej (1997). Surveys of Industrial Enterprises in 1996: Results and Forcasts. The Russian Economic Barometer, Vol- VI. No. 1. (3–8)

Cronsier, Marie-Agnés (1996). Bilan économique de la présidence Eltsine 1996–1996 Lecourrier des pays des l'Est No. 408, avril. (3–27)

Csaba László (1996). Az orosz gazdaságpolitika és a gazdasági rendszer (1992–1996). Külgazdaság, No. 3 (35–60)

Csaba László (1997/1). Gazdaságpolitika és gazdasági rendszer Oroszországban az elnökválasztás után. Külgazdaság, No.1 (50–72)

Economic Survey of the Russian Federation (1995). OECD.

Élénkülő nemzetközi fegyverkereskedelem. Hátra harc! (1997) HVG, november 22. (41)

Faiz, Henni (1996). La crise de la recherche scientifique en Russie. La Recherche, No. 228 juin. Problèmes Economiques, No. 2490, 16 octobre, (15–18)

Gavrilencov, Evgeny – Koen, Vincent (1994). How Large Was the Output Collapse in Russia? IMF Working Paper. December 1994 (22)

Glinkina, Svetlana (1996). Unofficial Ways of Expanding Private Sector in Russia. Working Papers, No 61. Institute for World Economics HAS (22)

Glinkina, Svetlana (1997). Privatization in Russia: Results and Problems. (36)

Gorodetskij, A. – Pavlenko, Ju. – Frenkel', A. (1997). Demonopolisation and the Development of Competition in the Russian Economy. Russian and East European Finance and Trade No.1. January-February. (64–78)

Hedlund, S – Sundström, N. (1996). The Russian Economy after Systemic Change. Europe–Asia Studies No. 6 (887–914)

- Industrial Restructuring (1996) Business Central Europe, May (46–47)
- Kiss Károly (1995). Monetary Restriction in Russia MTA VKI (25)
- Kóti Lóránt (1995). Orosz reptőlőgépgyártás HVG, november 4 (47–48)
- Kubinowa, Masaaki (1997) Economic Growth in Postwar Russia: Estimating GDP. Hitotsubashi Journal of Economics. Vol. 38 No.1 (23–32)
- Kubinowa, Masaaki – Gavrilencov Evgeny (1997). Development of Capitalism in Russia: the Second Challenge. Economic Research Series No. 34, Institute of Economic Research, Hitotsubashi University. Maruzen CO., Ltd. Tokyo. (305)
- Львов, Д. – Гребенников, В – Дементьев, В. (1996). Путь российских реформ. Вопросы экономики, № 6 (119–143)
- Логинов, В. – Курнышева, И. (1996). Реструктуризация промышленности в условиях экономического кризиса. Вопросы экономики, № 11 (33–48)
- Ludvig Zsuzsa (1996). Oroszország külkereskedelme a 90-es években. MTA VKI (45 и статистика)
- Ludvig Zsuzsa (1997). Külföldi tőkebefektetések Oroszországban MTA VKI (69 и приложение)
- Макрушенко, В. (1997/1). Финансово-промышленные группы: развитие и проблемы. Проблемы и тенденции развития российской промышленности. РАН Институт международных экономических и политических исследований. Москва (53–63)
- Макрушенко, В. (1997/2). Российское машиностроение: проблемы и результаты развития. Проблемы и тенденции развития российской промышленности. РАН Институт международных экономических и политических исследований. (34–49)
- Михайлов, Д. (1997). Финансово-промышленные группы: специфика России. МЭИМО № 4/1997. (120–130)
- Mihalkova, Natalia A. (1997). The Process of Economic Transformation in Russia and Role of International Economic Relation. Institute of Economics RAN (39 и приложение)
- Munkácsy Gyula (1997). Oroszország, az energiahatalom – lesz-e olaj és gáz? Kézirat Budapest (38 и приложение)

Narbone, Luigi (1996). Privatisation and Enterprise Restructuring in the Russian Federation. *The International Spectator*. Vol XXXI No 3 July-September (13–22)

Нешадин, А. – Вигдорчик, Е. – Липсиц, Е. (1997). Преодоление кризиса российской промышленности: финансовое оздоровление и реструктуризация предприятий. *Вопросы экономики* № 4 (57–66)

Orosz fegyverexport. *Vitézkedés*. (1997). HVG, február 15.

Oroszország: a befektetési klíma. Csúszás egy hosszú lejtőn (1997), *Figyelő*, március 6. (38)

Orosz reformkilátások. Országnyi torlasz (1997). *Figyelő*, december 11. (37)

Port, Otis – Galuszka, Peter (1996). Semiconductors. Can Russia Make up for Lost Time? *Business Week*, January 22 (53–54)

Промышленная политика: выбор пути развития на ближайшие два года (1996). коллектив Экспертного института. *Вопросы экономики* № 11 (4–32)

Rosefilde, Steven (1996). Corporation and Kleptocracy in Post-Soviet Russia – Stockholm Institute of East European Economies. Working Paper No. 110 (8)

Россия в цифрах, 1997

Российский статистический ежегодник, 1996

La Russie, nouveau pays en voie de développement? (1995). *Problèmes Économiques*, No.2409. 1er fevrier 1–5 (обзор) Ориг. публ: *Conjuncture. Bulletin de la Banque Paribas*. Novembre 1994.

Rutland, Peter (1997). Business Lobbies in Contemporary Russia. *The International Spectator* No.1 (23–37)

Шишков, Ю. (1996). Тернистый путь России в мировую экономику. *Российский экономический журнал* № 1 (24–32)

State Committee on Antimonopoly Policy. The development of Market Competition in the Russian Federation (1997). *Russian and East European Finance and Trade*. No. 1 January–February (7–63)

Семенов, А. (1995). Производительность труда и перспективы экономического роста. *Экономист* № 2 (24–34)

Социально-экономическое положение России. Январь-сентябрь 1977 года

Соколов, В. (1996). Структура российской экономики и его включение в мировохозяйственные связи. МЭИМО № 12 (19--33)

Стратегия и неотложные задачи преобразования машиностроения Российской Федерации. (1996). Вопросы экономики № 11 (48–71)

Tabatchnaia-Tamirisa, Natalia (1997). Trade Liberalisation and Industry Protection in Russia During 1992–95 Hitotsubashi Journal of Economics. Vol. 38. No.1 June (79–92).

Виленский, А. (1996). Этапы развития малого предпринимательства в России. Вопросы экономики № 7 (30–38)

Пал Тамаи

Потерянное десятилетие России: От капитализма-1 к капитализму-2

Да... „Вот увидишь, все будет хорошо... Вот увидишь”. ...
Да... Почти никто этого не увидел! То есть было по-
разному, даже хорошо, но чтоб кто-то увидел?

Михаил Жванецкий, сентябрь 1998 г.¹

Попытки интерпретации сути разразившегося в России в августе-сентябре 1998 г. экономического кризиса, а также определения его роли и веса в рамках экономической и социальной стратегии страны закономерно привели к новому столкновению российских социально-политических программ, противостояние которых наблюдалось в последние годы. При оценке конкретной ситуации снова столкнулись те, кто прежде всего видел проблемы в финансовой политике (и считал, что их можно разрешить средствами финансовой техники), и те, кто рассматривал весь российский неокapи- тализм в качестве тупикового развития. А на одном из следующих уровней смогли еще раз изложить свои, между прочим, уже известные общественному мнению взгляды те, кто считал теперешнее развитие России приемлемым с экономико-фило- софской точки зрения, видя, следовательно, суть проблем в отсутствии или непоследовательности политической поддержки этой программы. В свою очередь, против них, естественно, снова выступили представители разных антика- питалистических точек зрения, сосуществующих в полити- ческой жизни России. В итоге различные мнения уложились в небольшой матрикс 2x2:

¹ Жванецкий М. Причины Родину любить. – Московские новости, 1998, № 35, 1.

	Универсальное фиаско	Парциальное фиаско
Неолиберальная модернизация	I „Политическая структура непригодна, нельзя обойтись без „диктатуры развития“!!!“	II. „Мы лишь сошли с финансовых рельсов, но трамвай цел, надо снова поставить его на рельсы и осторожно двигаться дальше!!!“
“Программы третьего пути”	III. „Нужно сделать попытку реприватизации, смены модели путем экспроприации „олигархов“!!!“	IV. „Сход с рельсов был результатом слабости государства, решение проблемы заключается в переосмыслении роли государства!!!“

Главная мысль данной работы едва ли может быть размещена в этом четырехугольнике мнений. С одной стороны, нынешний кризис интерпретируется в ней как кризис модели, а не как „просто“ кризисная ситуация, с которой можно справиться с помощью мудрой политики в различных сферах жизни. С другой стороны, обанкротившаяся структура рассматривается здесь не просто как единственный возможный вариант российского капитализма. В России сейчас нет ни времени, ни места для социалистических или „около-социалистических“ экспериментов, однако другие варианты капитализма, не менее „российские“, чем нынешний, в конечном итоге могут оказаться более жизнеспособными. Программа смены модели выходит за рамки простого мысленного эксперимента, она может быть выведена из компаративистских штудий в области экономической и социальной политики. По нашему мнению, после краха социализма советского типа в бывшем „социалистическом“ мире очень быстро сложились местные, национальные варианты капитализма. Различия в их облике можно вывести (в первую очередь) не из разницы в декларированных философиях экономического развития или в характере связи с международными финансовыми организациями, а из тех особенностей социальной и политической структуры, которые определяли стратегические решения в

начальный, „основополагающий” период, в конце 80-х и в первой половине 90-х гг.

В 1989–1991 гг. положение России коренным образом отличалось от положения всех остальных теперешних постсоциалистических стран. Рассматривая формирование модели национального капитализма, мы выделим здесь не просто утрату прежнего великодержавного статуса, не до определенной степени страх со стороны других стран, внушаемый сохранившимся ядерным арсеналом,² и не относительно массовую эмиграцию наиболее модернизированных слоев населения, не наблюдающуюся, или далеко не в такой степени наблюдающуюся в других странах постсоциализма.³ С точки зрения наших рассуждений важнее, что в России, в отличие от других „постсоциалистических государств”, а) имелись такие сырьевые ресурсы, которые можно было быстро и в большом количестве продать на мировом рынке,⁴ и б) существовали

² С некоторым цинизмом можно было бы сказать, что ядерное оружие и межконтинентальные ракеты по-прежнему могут считаться чуть ли не лучшими капиталовложениями прошедших лет. Без них страна, видимо, не получила бы тех иностранных кредитов, без которых едва ли мог бы существовать российский капитализм 90-х годов.

³ В русской публицистике по крайней мере с XIX в. обсуждается проблема взаимоотношений между относительно тонким „цивилизованным” слоем населения и стоящими за ним массами, мало затронутыми модернизацией. В годы перестройки авторы, придерживавшиеся антикоммунистических взглядов, особенно много занимались соответствующим влиянием революций и гражданской войны: уничтожением, эмиграцией части городской буржуазии и интеллигенции. В то же время не хватает учета событий последних лет. По нашему мнению, отделение Прибалтики, массовая эмиграция евреев и российских немцев, а также выезд (в целом не многочисленный, но уже создающий проблемы в ключевых областях) на работу за границу молодых русских исследователей-естественников уже повлекли за собой потенциальные потери в элите, сравнимые с потерями 1918–1922 гг.

⁴ Для российских сырьевых ресурсов было характерно именно одновременное наличие рентабельной добычи и транспортных путей. В других странах эти два фактора вместе отсутствовали или отсутствуют. Польский или украинский уголь удобно перевозить, однако его добыча все менее (или не-) рентабельна. Среднеазиатские или азербайджанские ресурсы обильны, однако в близкой перспективе нельзя было обеспечить массового экспорта, как это сумели сделать в случае русской нефти, газа или алмазов. Однако в конце 90-х гг. Баку все равно производит впечатление экономического бума; на важные сдвиги указывает и новое репрезентативное строительство в Туркмении и Казахстане.

такие военные высокие технологии, которые, как хотелось надеяться, могли быть относительно легко использованы и в гражданской экономике. Наконец, в) в качестве своеобразного следствия мироощущения периода холодной войны, российская элита, вынося решения в области экономической и социальной политики, постоянно равнялась на США. Копирование различных западно- или северноевропейских социальных институтов и стиля принятий решений поначалу было источником множества перебоев и в новых капиталистических моделях Центральной Европы, однако, несмотря на разницу в уровне развития, здесь все же было гораздо больше черт культурного сходства. После отказа от логики, характерной для гонки вооружений периода холодной войны, стало ясно, что, независимо от падения советской империи, функционирование, система ценностей и традиции двух стран настолько отличаются друг от друга, что их сравнение обязательно введет в заблуждение. Следовательно, равнение России во всех отношениях и во всевозможных ситуациях на США и в постсоветскую эпоху, будучи вполне понятным с точки зрения коллективной психологии, превратилось в серьезное препятствие на пути строительства новой системы.

Сложившуюся таким образом российскую модель мы назовем „Капитализмом-1”. Ее главные характеристики:

- Политический капитализм, то есть сращивание государственной бюрократии и группировок крупных собственников.
- Практическое „исключение” иностранного капитала из банковской сферы и до определенной степени из стратегических секторов производственной сферы.
- Победа экспортеров сырья (и импортеров потребительских товаров) в борьбе с „национальными модернизаторами” промышленности (и теми возможными отечественными источниками технологии, которые в некоторых сферах еще существовали в начале 90-х годов).

– Фактический паралич социальной сферы (на бумаге советское welfare state, конечно, существует, но с обесцененными пенсиями и заработными платами в области образования и здравоохранения).

– Беспрецедентный в постсоциалистическом мире рост разницы между „низамы” и „верхами” в области доходов и жизненных возможностей (относительно уникальности российской модели драматического и скачкообразного роста коэффициента Gini см. статистику МВФ).

По нашему мнению, именно эта модель оказалась в структурном кризисе. Между прочим, кризис отдельных национальных моделей капитализма или выяснение их тупикового характера отнюдь не новое явление (достаточно вспомнить неудачу создания португальской сети мировой торговли или английской пиратской культуры в Карибском море в XVII-XVIII вв.).

Сформулированная нами в противовес „Капитализму-1” модель, которую мы для простоты назвали „Капитализмом-2”, отличается как в отношении переосмысления роли государства, так и в отношении характера „общественного договора” между модернизованными слоями и большинством общества. Ее специфическими признаками могут быть:

- Заключение нового „общественного договора”, видимо, с неизбежным частичным переделом доходов (или, по крайней мере, роста доходов) в ближайшем будущем.

- Усиление активности государства в таких сферах, в которых в последние годы она просто не существовала (противопоставление активного и пассивного государства мы считаем более важным, нежели спор о сильном или слабом государстве).

- Программа экономического строительства, базирующегося на интеграции технологической, инновационной и научной политики.

- Отказ и на деле от изоляционистской философии обращения с собственностью (при которой иностранному капиталу отводятся лишь вторичные, подсобные роли, а

фактически все главные вопросы решаются лишь посредством национальной буржуазии).

- Активное обеспечение рынка для товаров отечественной промышленности (кому бы ни принадлежали предприятия) в России и в регионе СНГ (умеренный протекционизм).

Ниже мы рассмотрим некоторые элементы формирования новой модели, заимствованные из компаративной социологии экономики. Здесь мы сосредоточим свое внимание исключительно на особенностях стратегии. В нашей работе мы прежде всего попытаемся продемонстрировать ряд гипотез, связанных с российским Потерянным Десятилетием, в сочетании с определенной международной типологией моделей развития. В данном тексте мы намерены скорее сформулировать вопросы. Ответы на них мы попытаемся дать в подготавливаемой ныне монографии.

ИНТЕРЕСЫ И „ВТОРИЧНАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ”

С помощью компаративном анализе можно показать, что за промышленной политикой обычно, по крайней мере в переломные периоды, скрывается определенная социально-политическая программа, некое представление об исторической роли страны, о ее актуальном радиусе действия, о связи между ее возможной и желаемой притягательностью.⁵ Независимо от наличия или отсутствия публичных дискуссий о национальных интересах, элита, или, по крайней мере, ее наиболее резко очерченные группы, без сомнения, располагают достаточно четкими мнениями по этому вопросу, которые в конце концов и будут определять стратегию экономического развития. Российские стратегии и интересы в этой области, сформулированные после 1991 г., могут быть обобщены в нескольких базовых утверждениях:

⁵ Например, в отношении послевоенной японской промышленной политики это хорошо показал BAI GAO, 1998.

а) Микро-макро парадокс

„Формационный” переход „от коммунизма к посткоммунизму” настойчиво изображается в качестве фундаментального перелома, однако при этом не ставится вопрос о тесной связи осуществляющей переход реформистской элиты с государственным социализмом. Иначе говоря, на уровне общесоциальной модели подчеркивается переломный характер изменений, в то время как на уровне микросреды доминирует выдвижение на передний план преемственности или непрерывности.

б) Парадокс виртуального советизма

Если, с одной стороны, на международной арене делаются попытки добиться реакций, которые, соответствуя рефлексам недалекого прошлого, свидетельствовали бы о признании России своего рода виртуальной супердержавой, заменившей СССР и обладающей принадлежавшим ему влиянием и геополитической валентностью, то, с другой стороны, во внутренней политике, или, скорее, в интеллигентском дискурсе представители новой элиты формально (нередко с некоторой долей мазохизма) должны демонстрировать ритуальное отречение от „имперского прошлого” и „империалистических рефлексов”.

в) Евразийский парадокс в XIX–XX вв.

Россия действительно была „евразийской державой”. Правда, с XVIII в. Россия становилась все более важным элементом системы европейских держав, однако одновременно были ясно сформулированы и ее автономные интересы на Дальнем Востоке и в отношении исламского региона, причем для динамической защиты этих интересов имелись и соответствующие экономические, административные и военные средства. Эта историческая запрограммированность не изменилась или едва изменилась и в советскую эпоху. Однако с 90-х гг. Россия постепенно становится „только” европейской державой (независимо от того, что экспорт северного и сибирского сырья играет особо важную роль в российской экономике). Она уже

не имеет экономического и демографического потенциала для сохранения своих прежних позиций на Дальнем Востоке и покинула или была вынуждена покинуть большую часть Средней Азии и Кавказа. Помимо создания различных оборонных линий на востоке и юге, в данный период времени российское руководство, видимо, может проявлять активность лишь в европейском направлении. На наших глазах Россия превращается из евразийской державы в европейскую. Однако, при этом наблюдается возрождение „евразийского” толкования истории, „евразийской” идентичности, причем не только в среде интеллигенции.

2) Парадокс геополитических регионов

В виде парадокса может быть интерпретировано и представление российской элиты о нынешнем геополитическом весе бывших советских территорий. С одной стороны, на уровне эмоций в несколько упрощенном виде еще живет впечатление „несколько государств в одной стране” (хотя его селективность быстро растет: в определенных направлениях оно сохранилось до сего дня, а в других – быстро исчезло в течение нескольких лет). В свою очередь, для поддержания геополитического статуса под лозунгом „Россия – тоже великая держава” нынешнего потенциала страны в настоящее время не достаточно, было бы важно дополнить его демонстрацией мощи СНГ. Поэтому российская политическая элита ревниво встречает появление других кандидатов на роль сильных альтернативных региональных центров (американцев, турок, китайцев и, в качестве „внутренних” кандидатов, – украинских и узбекских политических группировок). В то же время российский капитал еще слаб (а технологического капитала практически не существует) для того, чтобы стать определяющим источником модернизации региона СНГ. В первой половине 90-х гг. во время различных местных войн в постсоветском пространстве делались попытки оказать влияние на политические процессы в СНГ посредством открытой или латентной поддержки какой-либо из воюющих сторон,

поставками сырья или определенным регулированием политики в области информации. Но, в конечном итоге, влияние России, будучи достаточно сильным для предотвращения или затруднения внедрения конкурентов извне, уже не в состоянии обеспечить функционирование страны в качестве реального центра региона СНГ, поэтому в этом регионе образовался вакуум, распространяющийся на сферы технологии, капиталов и безопасности.⁶ После определенного предела это начинает оказывать дестабилизирующее влияние и в самом российском центре.

МОДЕЛИ ПОЗДНЕЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Спор о постсоветском развитии России по существу изолирован от общих моделей развития, от рассмотрения возможностей и границ зависимого развития, больше того, от теоретических дискуссий о постсоциалистических моделях, ведущихся в других странах, например, в Центральной Европе и Китае. Странным образом Россия фактически выпала из сравнительного изучения. Теперь она уже практически ни по каким показателям не сравнима со своим зеркальным отражением периода холодной войны, с США. С другими же типами развития российскую модель не желают сравнивать ни, прежде всего, русские исследователи (в основном из-за некоторых проблем самоидентификации), ни североамериканские русисты (главным образом из-за ограниченных знаний о других регионах).⁷

⁶ Региональные различия, конечно, очень велики в зависимости от качества залежей сырьевых материалов, наличия или отсутствия, а также интенсивности вооруженных конфликтов и внешней геополитической среды.

⁷ Точнее, сравнения с Латинской Америкой появились только на уровне публицистики, а попытки противопоставления постсоветского развития китайскому, взятому в качестве положительного примера, встречаются в притчах российских консервативных левых.

Обычно споры о российской индустриализации редко выходят за пределы традиционного исторического подхода. Конечно, в статьях 70-80-х гг., посвященных как развитию российской промышленности в XIX–XX вв., так и советской индустриализации 20–30-х гг., было много актуально-политических моментов. Однако по существу подавляющее большинство текстов того времени, по какую бы сторону политических баррикад они ни возникали, исходило из того, что индустриализация закончена, а советское общество, при всей его специфичности, представляет собой такое индустриальное общество, потенциал которого, из-за политических барьеров, существенно выше реально достигнутых результатов. Следовательно, крах 90-х годов должен быть признан неожиданной исторической неудачей, которая может быть выведена из ошибочных стратегических решений и находится в резком противоречии потенциалу предыдущей эпохи. Отвлечемся здесь от дискуссий⁸ о реальной экономической и технологической мощи СССР, в которых прозвучало альтернативное мнение о том, что такие явления, как разрыв советских производственных сетей и низкая конверсионная способность военной промышленности, повсеместно вытекающая из структурных свойств военной техники, лишь ускорили, но не оказали существенного влияния на тенденцию и структуру обозначившегося с середины 70-х гг. технологического отставания СССР, которое при неожиданном столкновении с мировым рынком привело к драматической дезиндустриализации России 90-х годов, образная картина которой нарисована в предыдущей статье этой брошюры.

⁸ Здесь можно вспомнить конкретные дискуссии между американскими советологами о характере и причинах переоценки возможностей советской экономики в моделях, разработанных ЦРУ в 80-х гг. Можно ли говорить о том, что составители этих моделей „попались на удочку“ определенных статистических расчетов, или же, преувеличивая силу своего противника, они сознательно способствовали перекачиванию как можно большей части американского экономического потенциала в военную промышленность?

Согласно главной гипотезе нашего подхода, волны индустриализации находятся в гораздо менее тесной связи друг с другом, чем предполагалось раньше. С 70-80-х годов фордизм, вместе со своим строго иерархически организованным массовым производством, характерным для заводской промышленности нынешнего столетия, постепенно обанкротился сначала в крупных технологических центрах, а позже и на полупериферии. Сменяющая его гибкая постфордистская культура производства, независимо от состояния воплощенной в машинах технологии, требует уже совершенно иных навыков, знаний и форм коммуникации, которые не вырастают сами по себе из традиционной тэйлористской экономической культуры. Таким образом, слои профессиональной элиты фордистского общества, включая техническую интеллигенцию и квалифицированных рабочих крупной промышленности, вряд ли войдут автоматически и в состав элиты следующего, пост-фордистского периода. Переход от фордизма к постфордизму, обуславливаемое им территориальное перераспределение рабочих мест (оттеснение на периферию остатков массового производства и параллельная автоматизация производства в центрах) и т. д. вызвали глубокие потрясения даже в промышленных странах, где соответствующие изменения растянулись на два десятилетия, но, в конечном итоге, все время оставались под контролем. В России замена фордизма постфордизмом, стоявшая на повестке дня как и в любом другом индустриальном обществе, была задушена советской системой. Поэтому девальвация промышленности в 90-х гг. в немалой степени произошла просто из-за того, что „выключенные” до того времени процессы вдруг начали оказывать кумулятивное влияние. Однако их совместное действие привело к гораздо более сильной дезиндустриализации по сравнению с аналогичным явлением в остальных промышленных странах. Если структура и уровни квалификации советского общества, по крайней мере по количественным показателям, пока еще соответствуют характеристикам промышленных стран, то структура самой

экономики, вследствие дезиндустриализации, стала похожей на структуру экономики крупных развивающихся стран. Результаты прежних волн индустриализации были отчасти уничтожены, и эти потери необратимы, причем не только из-за отсутствия того геополитического пространства, которое ранее питало эти волны. В не меньшей степени необратимость потерь определяется и описанной выше сменой технологической культуры.

К этому надо добавить, что не совсем ясно, какие прото-варианты, элементы постфордистской промышленной культуры возникли в недрах советских структур.⁹ Следовательно, авторам новой экономической политики нужно было одновременно позаботиться о расчистке обломков фордистского производства и о воскрешении определенных фордистских элементов, создавая при этом постфордистские услуги и производственные системы. Таким образом, новый вариант индустриализации, во многих элементах независимый от прежних вариантов, неизбежно „должен” превратиться в программу, охватывающую все сферы общества. Вопрос заключается „лишь” в том, какой должна и может быть в этой ситуации программа реиндустриализации конца 90-х гг.?

За последнее десятилетие дискуссии о международном развитии в значительной степени определялись столкновением взглядов на стратегию интервенции, выработанную Мировым банком и МВФ. Во второй половине 80-х гг. этот банк провозгласил „нейтралитет торгового режима” („trade regime neutrality”). Несмотря на то, что эта политика подверглась с трех сторон субстанциональной критике, в ней господствовала своего рода ортодоксальность. Во-первых, эта ортодоксальность подверглась критике из-за ее статичности. Банком предусматривается индустриализация, которая вытекает исключительно из компаративных преимуществ данной

⁹ Во всяком случае, московская система услуг первой половины 90-х гг. или быстрое распространение банковских технологий показали, что такие пригодные для использования навыки существуют, пусть даже лишь на островках российской экономики.

страны и специализационный образец которой диктуется мировым рынком. Во-вторых, эмпирические исследования не подтверждают целого ряда положений этого ортодоксального подхода. Например, AMSDEN, 1989 и WADE, 1990 показали, что рынки Восточной Азии не менее „деформированы”, чем основанная на „замещении импорта” экономика стран Латинской Америки. Специализационные образцы в промышленности создавались путем как экстенсивного, так и интенсивного государственного вмешательства. Успехи стран Восточной Азии объясняются в конце концов не меньшим влиянием со стороны государства, а особым функционированием последнего. В-третьих, на теоретическом уровне стало ясно, что статичная прибыль от торговли (конвенциональный аргумент сторонников свободной торговли) не слишком значительна по своим масштабам и с трудом интегрируется в динамичную среду экономического роста.

Вероятно, может показаться странным, что индустриализация в такой значительной степени фокусируется на торговле. Однако в аспекте нашей проблематики нейтралитет торгового режима представляется более важным с точки зрения механизмов, регулирующих внутриэкономические специализационные образцы, чем с собственно торговой точки зрения. „Нейтралитет” в данном случае просто означает, что применяемая политика не может быть селективно дискриминативной. Иными словами, специализация экономики должна строго следовать данным компаративным преимуществам. Таким образом, если эти преимущества изменяются с течением времени, то должна измениться и специализация экономики. Например, Япония постепенно заменила интенсивный экспорт неквалифицированной рабочей силы товарами, требующими интенсивных затрат профессиональных знаний и физического капитала, а позже начала успешно повышать удельный вес продукции, основанной на высоких технологиях. Для большинства специалистов эти этапы складываются в своеобразную общую модель поздней индустриализации. Россия с ее возможностями сырьевого экспорта,

естественно, была освобождена от необходимости идти по этому пути, однако благодаря тому, что экстраприбыль сырьевого экспорта удалось, хотя и неравномерно, распределить среди относительно широких слоев населения, возник средний класс, а над ним – экономическая элита, существование и процветание которых по существу оказались независимыми от индустриализации.

Вследствие этого дезиндустриализация в России осуществилась практически в полной мере. Но по-прежнему нет ответа на главный вопрос. Не вызывает нареканий, если страна пускает свои природные ресурсы в торговый оборот с тем, чтобы позже, когда ее компаративные преимущества предположительно будут состоять уже не в этом, а в какой-либо обработанной продукции, перестроить в соответствии с этим свою экономику. Настоящий вопрос заключается в том, чем будет определяться переход от одного состояния к другому. По смыслу концепции нейтралитета торгового режима такой переход может быть обусловлен только изменениями на мировом рынке. В свою очередь, успехи индустриализации в странах Восточной Азии (где поначалу не было рабочей силы, обладавшей хотя бы приблизительно такой квалификацией, которой пока еще обладает рабочая сила в России) однозначно показывают, что могут быть „запущены” и такие промышленные отрасли, которые пока не связаны с компаративными преимуществами страны, зато способны на особо динамичное развитие. Ключевая роль при выборе таких отраслей принадлежит селективно дискриминативной политике правительства. В таких ситуациях возрастает важность возможной рыночной ошибки, вытекающей из недостаточной информированности. И поскольку не существует страховки от риска и неопределенности, особенно при координации деятельности, ориентированной на будущее, возможности рынка оказываются более скромными.

С другой стороны, индустриализационные процессы в „запоздавших” странах детерминированы на глобальном

уровне. Тезис „нового международного разделения труда” (НМРТ)¹⁰ отличается особым отношением к природе мирового рынка. Во-первых, согласно НМРТ, предложение рабочей силы практически безгранично. Во-вторых, в противовес Адаму Смиту, утверждавшему, что специализация оказывает положительное влияние на развитие профессиональных навыков (skill), относительно с НМРТ можно утверждать, что в этой области наблюдается скорее обратная корреляция.

Согласно „традиционному” подходу, „развивающиеся страны” специализируются на развитии первичных отраслей, в то время как в отношении обработанной продукции они зависят от промышленных стран. Тезис НМРТ, как это впервые сформулировал FRÖBEL (1980), уже теоретически учитывает, что с 60-х гг. наблюдается значительных промышленный рост и в „развивающихся” областях. В этом смысле был опровергнут сформулированный в 70-х гг. тезис радикальных экономистов, который в 90-х гг. (без осознания теоретической преемственности) заново открыли для себя национальные левые силы в России. Этот тезис гласит, что глобальный капитализм „запирает” запоздавшие страны в рамки добычи сырьевых материалов и не позволяет или лишь в периферийных случаях позволяет им вырваться оттуда в направлении технологически более ценных, требующих больших знаний отраслей обрабатывающей промышленности. С точки зрения НМРТ наличие альтернативных направлений развития может быть обосновано трояко.

Во-первых, проникновение товарных (commodity) связей в сельское хозяйство развивающихся стран мобилизовало огромные резервы рабочей силы. Стремясь обеспечить свое физическое выживание, жители сел, превращающиеся в пролетаризованных наемных рабочих, вынуждены в любых условиях искать работу. В рамках советской модели развития сельского хозяйства часть рабочей силы уже в 30-40-х гг. была вытеснена на всероссийский рынок рабочей силы, где она

¹⁰ NIDL – new international division of labour.

была поглощена тяжелой промышленностью. После промышленного краха 90-х гг. эта рабочая сила лишь по своему образовательному уровню и цивилизационному статусу отличалась от вынужденных включиться в индустриализацию, только что освободившихся, находящихся в очень плохой рыночной позиции масс населения развивающихся стран, не отличаясь от них по своему положению. По нашему мнению, положение и радиус активности пролетариата советской тяжелой промышленности сближают его прежде всего с аграрным населением развивающихся стран, а не с группами рабочих промышленных стран, вытесняемыми ныне из отраслей первых волн индустриализации (горнодобывающей, металлургической промышленности). Эти параллели носят не поверхностный, а структурный характер и вытекают из воздействия реальной необходимости (с этой точки зрения безразлично, что в других странах производство пищевых продуктов для собственного потребления не вошло в образ жизни рабочих тяжелой промышленности в такой степени, как это произошло у советских рабочих). Те, кого в 70-80-х гг. еще держали в аграрном секторе с помощью дотаций или принуждения, в принципе позже присоединились к этой структурно связанной рабочей силе. Однако на практике эта аграрная мобилизация имеет в российской модели лишь вспомогательное значение. Высвободившуюся в аграрном секторе рабочую силу нелегко перебросить в другие районы страны, поскольку сельское население России, с его возрастной структурой и дисперсным размещением на больших пространствах страны, крайне немобильно. И все же с точки зрения НМРТ эта двухступенчатая модель функционирует как источник рабочей силы.

Во-вторых. Изменения, описываемые понятием тэйлоризации, привели к распаду производственного процесса на отдельные элементы, вследствие чего у рабочих произошло снижение уровня производственных навыков. Это сделало рабочих периферии способными выдерживать конкуренцию с рабочими технологических центров (в принципе от членов

обеих групп требуется осуществление одинаковой серии обособленных операций, и в этом случае соответствующие производственные навыки могут быть быстро усвоены, не обеспечивая длительного преимущества для периферийных групп).

В-третьих. Развитие транспортных средств по существу уже разрушило привязанность промышленности к определенным территориям. Если в Россию можно ввозить французские пылесосы, собранные в Малайзии, то с теми же затратами можно поставлять туда сходное оборудование, сделанное российскими производителями.

Иногда считается, что НМРТ не слишком отличается от традиционных моделей разделения труда. Местное производство и тут отделяется от местного потребления (местная покупательная способность еще слишком слаба для того, чтобы стать серьезным фактором), новая экономика с трудом пробивает дорогу в чуждой ей среде, значительная часть прибылей перетекает с промышленных баз периферии в промышленные центры. Вследствие этого одной ориентированной на экспорт стратегии недостаточно для создания интегрированной системы промышленности и технологически развитых промышленных отраслей за пределами модернизационных гнезд. В рамки НМРТ вписывается и „супер-эксплуатация” природы, прочно внедрившаяся в российскую практику 90-х годов. Предприятия (обычно мультинациональные) отраслей, ориентированных на экспорт, часто используют другие отрасли экономики, но при этом не покрывают там даже всех расходов по воспроизводству рабочей силы. Еще одним изъяном этой индустриализационной модели является то, что, учитывая высокий уровень эксплуатации, вовсе не исключено установление какой-либо (отнюдь не обязательно левой) формы авторитарного правления. Классические модели НМРТ складываются вокруг международных предприятий, но на самом деле большая часть экспорта обрабатывающей промышленности охватываемых этими моделями стран приходится на долю нацио-

нальных предприятий (экспорт сырья и производство потребительских товаров для местных рынков действительно осуществляются мультинациональными предприятиями). Вопреки привычным мнениям, мультинациональные концерны не играют определяющей роли в переориентации производства, требующего интенсивных затрат труда (AMS-DEN, 1989; EVANS, 1988). При принятии аллокационных решений в ходе выработки новой стратегии российской индустриализации (при особой поддержке определенных отраслей), видимо, имеет смысл принять во внимание как влияние технологических и организационных инноваций на производительность труда, так и гибкость рынка, то есть модифицирующее влияние способности быстро реагировать на НМРТ. Во многих случаях эти инновации могут привести к такой перестройке межфирменных и внутрифирменных связей, которая затруднит реиндустриализацию в данной области за пределами уже сложившихся сетей. Эти инновационные влияния могут в определенном смысле исказить логику размещения предприятий, обуславливаемую дифференциалом затрат на рабочую силу. Вследствие этого пропорция между перемещением производства в другие регионы, скажем, в Россию, и его реорганизацией внутри нынешних центральных регионов мировой экономики будет различной в разных отраслях промышленности. Существуют и такие мнения (JENKINS, 1984), по которым вообще всё явление НМРТ ограничивается специфическими отраслями промышленности (текстильной промышленностью и отдельными отраслями электронной промышленности), а также такими периодами истории технологии и экономики, когда потенциальные накопления за счет дешевизны рабочей силы особенно велики. Другая указанная тенденция, складывание гибкой специализации (PIORE-SABEL, 1984),¹¹ обы-

¹¹ С начала 70-х гг. наблюдается переход от массового производства крупной промышленности (такое производство и его воздействие в области организации общества и экономики мы называем фордизмом) к индивидуальному, специализированному способу производства, отражающему личные вкусы потребителя и предпочитаемые им ценности (это мы называем

чно требует наличия такого потенциала в области исследований и модернизации (R+D), а также маркетинга, которого нет в целевых странах НМРТ, но который пока еще имеется в крупных российских центрах, хотя в него и не входят все новейшие знания и навыки. В конечном итоге нужно подчеркнуть, что НМРТ представляет собой не просто ориентированную на „дешевую рабочую силу” парадигму промышленного развития, но возможность такой международной специализации, которая включает в себя различные оптимальные формы комбинации капитала и рабочей силы.¹²

Вследствие тэйлоризации внутри мультинациональных концернов также сложилось трехчленное разделение труда, при котором наверху размещаются требующие больших знаний функции контроля, а также исследования и модернизации (R+D), на среднем уровне – требующие высококвалифицированной рабочей силы (high-skill) производственные единицы, а на низшем уровне – не нуждающиеся в высокой квалификации стандартизованные производственные единицы. Связи между различными уровнями физически ослабевают, рабочая сила для каждого из них набирается из географически и социально различной среды. Рост вариативности и в данном случае открывает важные возможности для новой российской индустриализации.

Ясно и то, что представители новой волны радикальной политической экономии рассматривают капитализм не в делении на два больших противостоящих друг другу пространства, а в членении на три крупные зоны. Они считают, что между „центром” и „периферией” существует и (флексibilной специализацией). Смена технологической и экономической парадигмы сопровождается и перестройкой социального регулирования. В этом смысле фордизм характеризуется интенсивным „аккумуляционным режимом” и своего рода коллективным „способом регулирования”. С появлением новой парадигмы господствующую организационную форму эпохи, иерархии, сменяют сети.

¹² Теоретическую основу для вынесения таких решений о размещении промышленных объектов, которые основаны на учете фактора затрат, предоставляет концепция HYMER-а, который применил принцип BAB-BAGE-а к изучению разделения труда на межнациональных предприятиях.

зона, в которой повышение производительности труда возможно посредством формирования местного рынка. LIP-ETZ называет первые две зоны „фордизмом” и „примитивным тэйлоризмом”, а промежуточное пространство – „периферийным фордизмом”.¹³ В конце 90-х гг. мы вряд ли можем отнести российскую экономику к зоне фордизма, как не совсем пригоден здесь и „периферийный фордизм”, как его понимает LIP-ETZ (хотя позже с точки зрения системного анализа мы, хотя и с оговорками, все же отнесем Россию к этой зоне).¹⁴ Ведь при нем наблюдаются интенсивная аккумуляция и расширение рынка (LIP-ETZ, 1986, 32). А периферийный элемент означает прежде всего то, что части производственного процесса, требующие наибольших знаний, сложились вне данного региона. Российский случай по степени аккумуляции не может быть отнесен к этой категории, но рынки России, по крайней мере потенциально или в качестве устойчивых воспоминаний потребителя (в крупных городах), уже, быть может, напоминают фордизм центра. Что же касается способности к производству знаний, то, по нашему мнению, она по-прежнему налицо, по крайней мере в некоторых областях, только ее еще не удалось сочлениить с новыми сферами производства. Вероятно, однако, что если по количественным показателям прежние потенциальные рынки или сектор производства знаний, который еще полтора десятилетия назад по своей величине был уникальным, могли быть сравнимы с соответствующими показателями зоны Центра, то их структура все же была другой. А их обломки являются

¹³ После неудачи направления dependency мы уже задним числом знаем, что модели развития-индустриализации нельзя успешно втиснуть в рамки дихотомии "центра-периферии"

¹⁴ Национальные варианты фордизма, безусловно, демонстрируют целый ряд эффективных местных связей между фордистской аккумуляцией и кейнсианским регулированием. Можно говорить о „флекс-фордизме” в Германии, государственном фордизме во Франции, „запоздалом фордизме” в Испании, „примитивной тэйлоризации” на малайских или филиппинских островах и, наконец, о „гибридном фордизме” в Японии (TICKELL-РЕСК, 1995, 362).

не просто сжатыми вариантами прежнего положения, а иллюстрациями самых разных форм распада. Однако, по некоторым мнениям, уже на „постфордистском“¹⁵ этапе гибкой специализации там, где отсутствуют или разрушились крупные иерархические организации, можно добиться преимуществ, поскольку создание предприятий новой, сетевой культуры не наталкивается на сильное институциональное противодействие традиционных структур. Дальнейшие преимущества могут быть достигнуты при наличии исследовательских, дизайнских и менеджерных ресурсов. Первая постсоветская экономическая политика не сумела воспользоваться этими преимуществами. В конце концов и крупные иерархические формации, пусть и опустевшие, подобно севшим на мель кораблям, вопреки ожиданиям, оказали достаточно сильное сопротивление. Потерпевшие кораблекрушение, начиная новую жизнь там, куда их выбросила буря, все же не удаляются от своего корабля, который может дать временное убежище в случае нового ненастья. Интересно, но совсем не удивительно, что с наименьшей сопротивляемостью мы сталкиваемся в области новейшей техники. В большинстве отраслей уже с середины 80-х гг. уменьшались, а потом и прекратились капиталовложения в сферу исследований и модернизации. Талантливейшие представители молодых поколений с 80-х гг. поступали не на технические и естественнонаучные факультеты институтов. Техническая креативность в России не только не возрастала, как в странах центра, за счет прилива

¹⁵ Признаки перехода от фордизма к постфордизму, несколько упрощая, можно обобщить следующим образом: а) фордизм, как конструкция обобщенного идеального типа, реагирует на послевоенный рост экономики, б) постфордизм, как ответ на кризис фордизма, также обобщен и идеален, в) предполагается, что дисфункциональность на местном, региональном или национальном уровне может быть выражена в качестве отклонения от доминантной модели экономического роста, г) предполагается, что местные усилия в области экономического и государственного строительства могут быть выражены относительно с перестройкой глобальной экономической динамики и трудового процесса

переселенцев из-за рубежа, но, наоборот, эмиграция лишила страну множества талантливых специалистов. Традиционные формы „утечки мозгов” затрагивают относительно небольшую группу людей. Эмиграция групп специалистов, которые еще в советское время были способны добиваться результатов международного масштаба и при этом были молоды, стояли вне организационных иерархий и достаточно хорошо знали код западной культуры, нанесла большие качественные потери, но, вопреки устоявшимся мнениям, в целом не была массовой (она коснулась, возможно, нескольких тысяч человек, прежде всего московских, ленинградских и киевских математиков и физиков, которым около 1990 г. было 25–40 лет). В большинстве случаев эти люди работали в области фундаментальных исследований, обладавших незначительной непосредственно экономической релевантностью. По нашему мнению, важнейшие потери, ощутимые в ближайшей перспективе, нанесла скорее этническая эмиграция (выезд евреев, немцев, армян). Здесь речь идет не просто о выезде с бывших советских территорий 1,5–2 млн. человек, в том числе сотен тысяч людей, обладавших квалификацией и специальностями, связанными с системой инновации. Может быть, еще важнее, что эти (хотя и не только эти!) этнические группы играли в области российских исследований, развития промышленности и предпринимательства важную роль, многократно превышавшую их удельный вес в населении России. Их эмиграция означала утерю наиболее инновативного слоя российского общества. Понижение значения армии, демобилизация десятков тысяч офицеров могли бы привлечь в экономику массу профессиональных организаторов, разбирающихся и в технических вопросах (как это случилось в послевоенной Германии и Японии).¹⁶ Однако распад российской армии оказался более медленным, чем ожидалось ранее, а

¹⁶ Работы по истории промышленности хорошо иллюстрируют роль бывших военно-морских инженеров в развитии фирмы „Sony” или участие офицеров „Люфтваффе” в послевоенной реконструкции крупных предприятий, занимавшихся производством электронной техники.

большинство офицеров не располагает жильем в больших городах, где могут сложиться центры новой индустриализации. Вследствие этого высвободившиеся в оборонной сфере специалисты по технике и организации, за исключением отдельных случаев, пока не принимают массового участия в инновационных процессах. Напротив, лучше сохранились навыки в области металлургии и угледобычи, порожденные первой волной индустриализации (хотя это становится источником дополнительных проблем, поскольку эти навыки затребованы по-иному, в рамках другой структуры). Развивая терминологию Lipietz-а, случай России (и некоторых других социалистических стран) лучше всего назвать „временным обратным периферийным фордизмом”, который за полтора-два десятилетия, по-видимому, превратится в классический „периферийный фордизм”. Новая стратегия индустриализации, по-видимому, уже должна создаваться с учетом этой исходной ситуации. Реактивация (пусть даже частичная) поздних советских производственных систем в качестве определяющего элемента программ развития после десятипятнадцатилетнего перерыва предположительно становится все более иллюзорным замыслом.

Один из признаков капитализма подобного типа заключается в том, что его капитал, по крайней мере структурно, является „провинциальным” вариантом, больше того, филиалом международного капитала, а модели потребления копируют потребление, прежде всего „массовое”, характерное для развитых промышленных стран. Такая логика, по которой „где присутствует иностранный капитал, там распространяются и иностранные модели потребления”, в принципе может показаться приемлемой, однако в России 90-х гг. она причинила проблемы двоякового характера. С одной стороны, можно сказать, что в России, принимая во внимание ее размеры и размеры национальной экономики, по-настоящему так и не появился иностранный капитал. В свою очередь, национальный капитал тоже функционировал совсем не так, как это „обычно” происходит в других районах мира.

Конечно, его представители требовали протекционизма,¹⁷ взяли в свои руки крупнейшие средства массовой информации, финансировали избирательную кампанию желательного для них кандидата в президенты (Ельцина). Но, поскольку это прежде всего капитал, сосредоточенный в области сырьевого экспорта, или/и банковский (спекулятивный) капитал, он практически не инвестируется в местное производство товаров потребления и лишь в малой степени инвестируется в местную пищевую промышленность. В конечном счете национальный капитал не вышел или едва вышел на отечественный рынок, поэтому его и не интересовали потребители. Следовательно, он не был заинтересован ни в какой политической поддержке снизу. Другими словами, национальные нефтяные, газовые, торгующие алмазами и т. д. фирмы¹⁸ функционируют не как отечественные капиталисты, а по логике межнационального концерна, занимающегося добычей сырья в чужой стране. Поэтому после 1991 г. по существу не принималось мер по индустриализации, направленной на „замещение импорта“. При этом не была осуществлена (или была неполно осуществлена) и технологическая модернизация производящих на экспорт промышленных отраслей, поскольку из-за неопределенности политической ситуации в России произошел естественный отлив капиталов за границу. К тому же технологические мощности страны были связаны со слишком неповоротливыми, независимыми от рынка, крупными организациями советского ВПК. На уровне государственной политики, как всем известно, в конце концов было мало сделано для раздробления таких предприятий и спасения ценных технологий и оригинальных усовершенствований с потенциальных или реальных „свалок металлолома“. В свою очередь, новый национальный капитал не пожелал взять на

¹⁷ И это требование по существу было удовлетворено посредством ограничения деятельности иностранных банков в России и защиты „естественных монополий“.

¹⁸ Конечно, различия между ними все же заметны, хотя и не слишком значительны.

себя финансирование всей этой системы,¹⁹ хотя до рубежа 1997-98 гг. он в обмен на внешне- и внутривалютную защиту и под постоянным административным давлением все же был готов питать своими платежами некоторые статьи государственного бюджета.

Вместе с тем прежние советские модели потребления придали новый оттенок потребительским стратегиям периферийного фордизма (для которого постоянно характерно недостаточное потребление внутри страны). Советская модель потребления с ее ценами, опирающимися на государственные дотации, открыла широким слоям населения доступ к важнейшим товаром длительного пользования (пусть даже они были отечественного производства или импортированы из стран Восточной Европы и во многих отношениях были не самого высокого качества). В 90-е гг. производство отечественных товаров длительного пользования по существу прекратилось, или же производство продолжалось (напр., в автомобильной промышленности), но отсутствие инноваций и конкуренция импортных товаров оттеснили отечественную продукцию в малоценные рыночные сегменты. В свою очередь, приобретение товаров, импортированных по ценам международного рынка, оказалось значительной части населения не по силам. Таким образом, к концу десятилетия

¹⁹ В рамках прежней промышленной политики элита ВПК традиционно была конкурентом экспортеров сырья. Предприятия ВПК всегда трудно поддавались обзору, „просвечиванию“, это положение едва улучшилось и в результате конверсионных экспериментов 90-х гг. Представители экспортных отраслей промышленности, со своей стороны, не обладали ни деньгами, ни деловой культурой для того, чтобы в значительной степени заменить утраченные государственные источники развития ВПК. Добавим к этому, что между потребностями ВПК и все же имевшимися национальными капиталами существовала огромная разница. Вследствие этого экспортеры сырья при осуществлении модернизации важнейших технологий (напр., для совершенствования своих коммуникационных систем и автоматизации) опирались главным образом не на пригодные для этого части ВПК, а на зарубежных поставщиков. Таким образом, сохранился коммуникационный разрыв между различными секторами экономики, раздробленной в прежней административной системе.

все же сложилась „почти классическая“ фордистская ситуация: недостаточное потребление и свертывание рынка товаров длительного пользования из-за ограниченности платежеспособного спроса.

Для фордизма Центра характерно регулирование распределения доходов с помощью своеобразных процессов общественных структурных сделок. При периферийном фордизме эти процессы отсутствуют, в результате чего распределение доходов недостаточно или чрезмерно концентрировано. В России ограниченный общественный контроль над явно чрезмерно концентрированной структурой доходов²⁰ и в этом случае соответствует модели. Вследствие этого здесь не будут функционировать варианты экономического регулирования, характерные для фордизма Центра. В этом смысле ограниченность возможностей экспорта продукции обрабатывающей промышленности и осторожное поведение иностранных инвесторов в КАПИТАЛИЗМЕ-1 с 80-х гг., когда на смену кейнсианскому регулированию пришел монетаризм, опять-таки не могут считаться исключительно российскими особенностями. С этой точки зрения полюсы главной дилеммы: форсирование экспорта и/или замещение импорта в ключевых секторах экономики, – в конце концов не исключают друг друга и в определенной степени выражают внутренние противоречия периферийного фордизма. При замещении импорта двигателем развития является низкий уровень внутреннего потребления. Следовательно, в этом случае избыточность мощностей, снижение капиталовложений или старение технологий (*technological obsolescence*) будут само собой разумеющимися симптомами. Промышленные отрасли, производящие на экспорт, в первую очередь нацелены на рынки развитых промышленных стран. Следовательно, медленный рост

²⁰ В 90-х гг. в России коэффициент Gini рос быстрее, чем где-либо в пост-социалистическом регионе, включая страны СНГ и Восточной Европы (см. таблицу).

экспорта и ухудшение соотношения импортных и экспортных terms of trade при экспорте продукции обрабатывающей промышленности²¹ тоже могут считаться естественными, хотя и не предопределенными явлениями.

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ – КАПИТАЛИЗМ-2

Централизм технологического развития²² и совершенствование рыночного регулирования намечают два пути, соответствующие условиям поздней индустриализации. Во всяком случае, уже само создание программы активной реиндустриализации указывает на то, что мы не считаем международное окружение всеопределяющим силовым полем, в котором нет места для координированных действий с целью ухода с периферии. В то же время ориентированные на экспорт и на замещение импорта стратегии в модели периферийного фордизма неизбежно смешиваются друг с другом. Русский вариант такой стратегии может исходить из тезиса Prebisch-Singer-а. Согласно этому тезису, основным инструментом для уравнивания ухудшающегося в длительной перспективе соотношения импортных и экспортных цен (terms of trade) при экспорте сырья становится создание (в российском случае – селективная реконструкция) отечественного промышленного базиса. Наряду с этим аргументом в пользу сохранения селективной защиты может служить то, что без внутренней интегрированной системы промышленности нельзя представить и существование и развитие секторов передовой технологии (high tech). Будучи частью ВПК, передовая технология в

²¹ В КАПИТАЛИЗМЕ-1 это является, как правило, виртуальной проблемой, поскольку экспортные позиции обрабатывающей промышленности сохранились в основном только на маргинальных традиционных рынках.

²² На совершенно другом этапе технологического развития его централизм казался советскому руководству 50-70-х гг. само собой разумеющимся, в то время как новая элита, парадоксальным образом, не учитывает этого явления.

СССР была слишком изолирована от сферы реальной экономики. В частичном, но очень быстром запустении секторов передовой технологии, несомненно, сыграло роль то, что они были слабо связаны (или никак не связаны) с отраслевой структурой возникавшей российской рыночной экономики и ее потенциальными полюсами развития. Наконец, под селективную защиту (временного характера), наверно, могут быть взяты те формы обрабатывающей промышленности, которые, помимо своего отраслевого значения, улучшают общую способность экономики к технологическому развитию. Однако в связи с последними российскими планами и их критикой со стороны „демократов” стоит подчеркнуть, что программы замещения импорта часто „застревают” на сборочной стадии, вследствие чего предусматривают импорт все большего количества запчастей и полуготовой продукции, вызывая тем самым постоянное присутствие проблем платежного баланса на уровне национальной экономики. Но здесь речь идет, собственно говоря, о трудностях не столько промышленной, сколько социальной политики, поскольку сделанные таким образом товары в значительной степени предназначены для среднего (высшего?) класса. В свою очередь, критики этих планов (напр., WADE, 1990) не просто требуют увеличения или уменьшения государственной защиты, государственного вмешательства, но подчеркивают, что государству следовало бы усилить свою относительную автономию по отношению к различным слоям и группам общества. Проблемы как правило связаны не с самим фактом государственного вмешательства, а с тем, что это вмешательство более или менее заметно сочетается с интересами определенных социальных групп, или, иначе говоря, не со смыслом вмешательства, а с его конкретными политическими обстоятельствами. Поэтому вместо сокращения селективного вмешательства на повестке дня, вероятно, будут стоять социально-политические реформы, целью которых станет создание нейтрального государственного управления в противовес лоббистским промышленным группировкам. Во время этой „реконструкции про-

мышленности” замещение импорта могло бы выразиться в снабжении отраслей сырьедобывающей промышленности машинами и оборудованием. В советскую эпоху существовало отечественное нефтепромышленное и лесопромышленное машиностроение. Но его возникновение вытекало не из приоритетов промышленных программ, а из банальных представлений о национальной автаркии. Ныне на предприятиях, экспортирующих сырье, точнее на тех из них, где за последние десять лет произошла какая-либо техническая модернизация, пользуются практически только импортным оборудованием и технологией. Их быстрая замена новыми отечественными приборами, очевидно, привела бы к развалу экспорта или резкому снижению его эффективности. Нет необходимости прибегать к популистским лозунгам и при выработке модернизационных программ столь подчеркнуто указывать на внешнюю ранимость ключевых отраслей.²³ Но вряд ли можно сомневаться в том, что значительная часть новых мощностей в области машиностроения или информатики может быть нацелена на перспективные нужды добытчиков сырья, и что государство может играть здесь значительную роль в течение, быть может, длительного переходного периода.

²³ Эта ранимость отнюдь не мыльный пузырь, техническая стратегия бывших советских и восточноевропейских стран в определенном смысле, например, в области информатики, действительно определялась западной политикой эмбарго, и сложившиеся в этом отношении многолетние рефлексии не слишком легко преодолеваются обеими сторонами. Даже экспортеры сырья должны помнить споры об эмбарго на поставки труб большого диаметра, которые велись в 70-х гг. Однако это все же было время тотальной военной и технологической конфронтации. Насколько мне известно, по окончании холодной войны функционированию добывающих отраслей даже в зонах локальных конфликтов, напр., в иранской нефтедобывающей промышленности, не угрожало торговое эмбарго, которое ограничило бы применение важнейших технологий. К тому же ныне и в ближайшем будущем трудно представить такую ситуацию, которая привела бы к конфликту между Россией и западными технологическими центрами. Однако импортная зависимость имеет и иные, более гибкие формы, которые мягче эмбарго, но не менее эффективны.

В конечном итоге в этой системе периферийного фордизма вряд ли можно избежать применения какой-либо программы гибкого производства (flexible production).²⁴ В качестве промышленной стратегии она может фигурировать в двух аспектах. На определенном уровне она может восприниматься как некая комбинация стратегий замещения импорта и ориентации на экспорт. На другом уровне в рамках программы гибкости может идти речь о создании не только технологических, но и институциональных и организационных мощностей. Ведь новая структура рыночной конкуренции обуславливает повышение значения аггломерационного воздействия (другими словами, конкурентоспособность все в большей степени зависит от способности к синхронному запуску изменений в нескольких звеньях производственной цепи).²⁵

В итоге можно сказать, что в настоящее время Россия недостаточно богата для того, чтобы экспериментировать с градуальными моделями развития, подобными предлагаемой Мировым банком. В этой ситуации, видимо, нет альтернативы „опорному прыжку” (leapfrogging) (то есть опоре на такие отрасли промышленности, в которых страна в данный момент еще не располагает компаративными преимуществами).

²⁴ С учетом STOPPER, 1991 нашим целям лучше всего соответствует различие динамичной и статичной гибкости.

²⁵ В специальной литературе по промышленной политике в этом отношении постоянно приводится пример японской системы канбан (DICKO, 1995; BEST, 1990).

Тамаш Краус

Ельциннизм на весах истории¹

Метод, посредством которого протекающие в России процессы анализируются лишь как результаты деятельности различных групп российской политической элиты, причем к этой элите даже предъявляются соответствующие «требования» в духе западнической системы ценностей, столь же распространен, сколь и бесплоден. Этот метод анализа терял свой престиж параллельно с падением престижа *ельциннизма*, ведь Россия не перешла и не могла перейти на «западническую» орбиту, а между тем осуществление такого перехода должно было стать важнейшей исторической задачей нового режима, если верить дефинициям, данным его собственными идеологами. Все произошло не так, как писали и предсказывали превратившиеся в российских «демократов» советские лидеры, западные политики, а также всевозможные советники, корифеи Валютного фонда и рядовые кремлинологи.²

¹ «По воле истории» данный текст является продолжением другой нашей статьи, опубликованной и на русском языке (см.: О ЕЛЬЦИНИЗМЕ - Ельцинщина. Будапешт, 1993, с. 75-103). Мы не будем повторять всего, что было нами сказано тогда о сущности складывавшегося ельциннизма, хотя повторение некоторых мыслей неизбежно. На венгерском языке этой теме посвящена еще наша статья. A világrendszer és az öngazgatás a peresztrojka periódusában (Мировая система и самоуправление в период перестройки) – Eszmélet, № 33 (1997), 97-138

² Новый режим настолько разочаровал «демократических» аналитиков, что они уже не называют новый капитализм капитализмом («еще не имеет названия»), потому что не желают после 1991 г. «дискредитировать» свое любимое понятие, выражающее их цели. Трудно примириться с фактом: на российской полупериферии капитализм выглядит именно так и не может выглядеть по-другому. О понятии *полупериферии* см.: Chase-Dunn Christopher. Resistance to imperialism Semiperipheral Actors Review, XIII, 1, Winter 1990, p. 1-31

Вместо этого корни пустила *ельцинщина*. Однако всероссийские демонстрации 7-го октября 1998 г. стали новой вехой: ельцинщина вступила в свою конечную стадию, вместе с Борисом Николаевичем вынужден удалиться и его режим. Попробуем определить, какова была важнейшая причина формирования *ельцинизма*, в чем его сущность и почему этот режим потерпел крах.³

ИСТОКИ ЕЛЬЦИНИЗМА – ТРАДИЦИЯ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ К ЗАПАДУ

Интеграция или распад? Этот вопрос по сей день часто задается не только публицистами, но и серьезными аналитиками. Действительно, история СССР может быть интерпретирована и как непрерывная, но не слишком удачная попытка вырваться из экономической (и политической) изоляции. Как ленинская новая экономическая политика, так и сталинский план послевоенного восстановления экономики одинаково не смогли привлечь западные капиталы. Политические ожидания Запада по отношению к СССР всегда выходили за те рамки, в которых советское государство чувствовало бы себя в безопасности. Лишь в 70-е годы был короткий «период», период разрядки, когда необычайно активная экспансия западного финансового капитала несколько изменила ситуацию. На самом же деле ни перестройка Горбачева, ни даже ельцинская «демократизация» не повлияли на сущность изоляции. Вопреки бытующим в Восточной Европе представлениям *государственно-социалистическая изоляция* от окружающего мира не была ни результатом решения советской

³ Мы не станем здесь заниматься дискуссиями о понятийном определении советского режима и ельцинизма. нас больше интересует историческая функция ельцинизма и достигнутые им результаты. О дискуссиях вокруг понятийного определения см. опубликованные после 1991 г. номера журналов *Eszmylet* (Будапешт) и *Review* (США). Напр., пригодна для обсуждения статья Foursov A. Communism, Capitalism, and the Bells of History. – *Review*. XIX. 2, Spring 1996, p. 103-130

правлящей элиты, ни заранее запланированным устремлением. По существу она может рассматриваться как всего лишь приспособление, возможная стратегия выживания. Однако уже со второй половины 20-х годов вынужденность изоляции была стилизована под благо («социализм в одной стране»). Ленин первоначально (и в конечном итоге) видел решение проблемы в европейской революции и осуществлении советского самоуправления, а Плеханов – во всеобщности буржуазной демократии и, как результате этого, в революции в странах центра (core countries). Как известно, ни один из этих замыслов не был реализован. Вместо этого укрепился государственный социализм, сложилась настоящая культура изоляции.⁴ С этой культурой, а также с последующим отречением от нее, неразрывно связан и крах СССР, и, вообще, падение государственного социализма в Восточной Европе.

В период разрядки 70-х годов советская внешнеполитическая стратегия по существу опиралась на возможности «европеизации», экономической «стыковки» с Европой. В полном отрыве от экономики рассматривалась эволюция политической системы, так, как будто между двумя этими сферами не существует внутренней взаимозависимости. В связи с этим прав был Джерри Хью, подчеркивавший, что уже Брежнев и Громыко не считали своей геостратегической целью отделение Европы от Америки. Это предполагало намерение «присоединиться» к Европе, которое в определенном смысле созревало уже при Брежневе. Уже в 1988 г., анализируя проблему «азиатской угрозы», Хью проницательно заметил, что советские руководители рассматривают европейцев и американцев как своих естественных союзников, и не заинтересованы в расшатывании европейского сообщества, а

⁴ Подробнее об этом см.: Фонт М., Свак Д., Нидерхаузер Э., Краус Т. История России. Будапешт. Центр русистики Университета им. Этвеша Лоранда. 1998 (в печати; на венгерском языке опубликована в 1997 г.)

скорее думают о присоединении к нему.⁵ На языке символов можно сказать, что советское руководство видело будущее СССР не в Азии, а в Европе.

За десятилетия гонки вооружений мысль об этой *европейской ориентации* все глубже и глубже внедрялась в мышление советской правящей элиты и политической бюрократии. Затем, в эйфории разрядки, идея «европейского сплочения» (Европейский дом) манила советские, а позже российские, правящие круги иллюзорной возможностью конкретного осуществления «европейской интеграции». (Конечно, трудно сказать, верили ли они сами утверждениям собственной пропаганды и пропаганды западных партнеров, что настало время для «воссоединения» с окружающим миром.) Это был тот период, когда в феврале 1989 г. советские войска покинули Афганистан, а в июле на бухарестском совещании Политического консультативного комитета государств-участников Варшавского Договора была отвергнута «доктрина Брежнева». Этот период завершился встречей Горбачева и Буша на Мальте в начале декабря 1989 г., где генеральный секретарь окончательно отказался от советского контроля над Восточной Европой. По мнению Дж. Ф. Мэтлока младшего, который был тогда послом США в СССР, американцы, в том числе лично президент Буш, определенно обещали «не пытаться продвигать НАТО на восток» в случае предоставления полной независимости государствам-членам Варшавского Договора, в ответ на что Горбачев стал поощрять восточноевропейских коммунистических руководителей к продолжению реформ. Евро-американская ориентация Горбачева стала однозначной. Не случайно, что Запад почти до

⁵ Hough J. Russia and the West. Gorbachev and the politics of reform. Second ed. N. Y., Sidney etc. A Touchstone book by Simon and Schuster Inc., 1990, p. 232. Уже Хрущев обдумывал возможность торговли с восточноевропейскими союзниками по ценам мирового рынка, позже об этом же вел переговоры с Гомулкой Косыгин. Об этом см.: Фалин В. М. Выступление на заседании Международного отдела ЦК 15 июня 1990 г. – Известия ЦК КПСС, 1990, № 10, с. 104.

последней минуты поддерживал Горбачева против Ельцина. Ельцин и de facto, и символически вышел из горбачевской «шинели», его власть тоже была гарантирована западными лидерами.

Однако глубокая приверженность западной ориентации, повторим, была неотделима от сущности внешней политики периода перестройки, всей «смены режима». Особенно естественным казался этот поворот молодым амбициозным специалистам дипломатического аппарата, «социализировавшимся» на Западе. К тому времени западная потребительская система ценностей была в высших кругах партийного и государственного аппарата уже не просто «тайным образцом» для подражания, а способом практической реализации реальных привилегий. Даже жена Горбачева ценила возможность делать покупки в Париже и представляла своего мужа по новейшей моде, как «первая леди» СССР.

Кто не помнит, как в январе 1988 г. журнал «Тайм» выбрал Михаила Сергеевича Горбачева человеком года в Америке. Казалось, советские «реформы» протекают гладко. Сознательно подогреваемая эйфория подняла популярность Горбачева на Западе до небес. Все считали немножко своим «Горби», отца гласности и демократизации в СССР. В Манхэттене, на Пятой авеню или на Бродвее, витрины книжных магазинов были забиты тысячами книг с его портретами. Прежнее увлечение Хрущевым казалось ничтожным в сравнении с культом Горбачева. Однако на родине популярность Горби, напротив, стремительно уменьшалась. За рубежом она была неотделима от продолжения «западнической» линии советской внешней политики, поскольку Горбачев и его единомышленники единодушно считали, что «евразийский» путь неприемлем, между прочим, из-за обострившегося в 60-е годы советско-китайского конфликта и афганской авантюры 1979 г. Таким образом, советское руководство попыталось модернизировать унаследованную от сталинских и хрущевских десятилетий традицию «погони за Западом», а Горбачев передал это стремление и Ельцину. Как можно

догнать Запад?⁶ Так ставил вопрос уже Сталин, если отв-лечься в данном случае от уходящих в XIX век корней этой проблематики.

Горбачев не имел ясного представления о двух моментах: он не понял, что «догнать» Запад невозможно уже потому, что после ослабления (а позже и распада) СССР Россия оказалась в еще более неблагоприятном положении в рамках мировой системы, чем раньше. Советское руководство не учло одного важного факта: в 80-е годы в странах центра окончательно завершился важный цикл развития, в рамках которого в течение десятилетий было возможным существование кейнсианских «государств всеобщего благоденствия». Расширение пропасти между Востоком и Западом советское руководство объясняло снижением конкурентоспособности своей «мировой системы», однако оно, очевидно, недостаточно ясно понимало, что эпоха ориентированного на экспорт развития экономики, сменившая с конца 70-х годов эпоху протекционизма, предвещала и конец традиционной системы национальных хозяйств. С другой стороны, оно не уяснило себе, что «модернизация» и социализм являются двумя диаметрально противоположными путями развития, поскольку в теоретической плоскости модернизация по существу отражала систему ценностей капитализма в странах центра. Естественным следствием «догоняющей» индустриализации и «догоняющего» развития в целом было то, что любая экономическая реформа в главных чертах базировалась (и гротескным образом по сей день базируется) на стремлении ликвидировать технико-технологическое отставание СССР от Запада, ведь «отсталость» всегда определялась как нечто ослабляющее оборонный потенциал страны. Уже Андропов использовал эту аргументацию при провоз-

⁶ Об этой проблематике см.: Hofbauer H - Komlosy A Tőkefelhalmozás és a gazdasági fejlődés dilemmái Kelet-Európában - Rendszerváltás és társadalomkritika. Tanulmányok a kelet-európai átalakulás történetéből. Szerk.: Krausz T Bp., 1998, p. 87-113.

глашении новой линии реформ, которая должна была стать альтернативой изоляционистской экономической политике.

Парадоксальным образом именно перестройка, открыв в конечном счете дорогу *распаду и разложению*, поставила под вопрос саму возможность «модернизации». Ельцинизм *in statu nascendi* снова поднял «догоняющее» развитие на уровень легитимирующей режим идеологии (в эпоху Брежнева эту функцию выполнял лозунг «развитого социализма»). Во времена Горбачева правящая элита еще могла убаюкивать себя тем, что если даже государственный социализм уже и не способен финансировать прежнюю систему социального обеспечения и великодержавные внешнеполитические устремления, то это станет возможным благодаря внедрению в мировую экономическую систему с помощью Запада. В октябре 1993 г. Борис Ельцин, раньше, чем большинство его советников, понял, что эта идея является просто миражом... Ельцинизм означал рождение *новой изоляции*, контуры которой хорошо заметны в *селективном появлении западных (мультинациональных) капиталов*. По существу в России появились лишь спекулятивные финансовые капиталы, кредитные капиталы, а также произошло приобретение рынков в сфере торговли. В сфере производства «мульти» настаивают на осуществлении полного политического и экономического контроля, что может «сойти» в маленькой стране, а в (экс-)супердержаве осуществимо лишь в условиях или в результате тотального разложения.

Весной 1995 г., в десятую годовщину перестройки, Абалкин, сыгравший роль отца экономической реформы, считал, что распоряжение экономической продукцией России, прежде всего добычей сырья, отчасти в счет уплаты долгов перейдет или уже перешло в руки представителей зарубежного капитала. Геополитическое значение этого явления Абалкин назвал колоссальным. За десять лет до этого горбачевское «новое мышление», как и все прежние советские реформаторские замыслы, исходило из того, что СССР как великая держава должна выдержать конкуренцию с такими сопер-

никами, которые в совокупности располагали несравненно более мощным экономическим и военным потенциалом. США во все времена были экономически более развитой страной, чем СССР, не говоря уже о России.

Как уже давно было описано на периферии теоретической литературы, «неолиберальная модернизация» СССР есть подчинение постсоветского региона интересам развитого центра. Яснее всего это подчеркивается Бжежинским и в изданиях Heritage Foundation, которые отражают убеждения и стратегию влиятельных американских политических кругов. «Целью» является раздробление самой России, поскольку «имперское бытие России» рассматривается как препятствие, принципиально не допускающее демократического развития. Следовательно, согласно такому представлению, децентрализация тоже не означает решения проблемы, потому что «добровольный союз государств» также «будет функционировать как империя».⁷ Здесь идет речь не просто о проявлении идеологии американской мировой гегемонии, но и о неприкрытом провозглашении стремления к восстановлению изоляции России, пусть даже это будет изоляция нового типа. Ельцинизм создал для этого стремления соответствующие внутренние рамки.

Формально федеративная структура советского государства завуалировала тот факт, что суверенитет союзных республик принял фиктивный характер. В России Ельцина фиктивным стало единство.⁸ Правда, новую федерацию объединяет власть президента, располагающего практически дик-

⁷ Это историко-философское обоснование современной русофобии подробно рассмотрено нами в качестве одной из форм цивилизационного расизма в статье: *Az orosz sajtószertűség ideológiájáról – Replika*, 1995. december, p. 165-177.

⁸ Возникновение ельцинизма как политической формы переплелось с падением советской государственности, а крах советского режима неотделим от разложения государственности. Кровавая чеченская война Ельцина не только не воспрепятствовала дальнейшему распаду государственности, но по существу ускорила его. Кто имеет право основать государство? В споре Розы Люксембург с Лениным, похоже, подтверждается точка зрения первой...

таторскими полномочиями, а также президентская система, однако в действительности особые интересы суверенных регионов, местных правящих элит и традиция регионализма подвели под федерацию шаткий фундамент.⁹ В годы ельцинщины в целях защиты республиканско-региональных структур внутри Российской Федерации этническая принадлежность была провозглашена самостоятельной ценностью, «истинным» представителем которой, естественно, стала местная политическая элита. Центральная исполнительная власть федерации, в свою очередь, ссылаясь на националистическую защиту «русских интересов». Еще 12 июня 1990 г. в Декларации о суверенитете Российской Федерации говорилось о приоритете местных республиканских законов в противовес федеративным. Российская «декларация независимости» уже была документом «демонтажа» СССР, внушавшим убеждение, что распад на национальные государства может облегчить внедрение в систему мировой экономики. На самом деле произошло обратное: в то время как в развитых странах представители *капитала* трудились и по сей день трудятся над углублением интеграции, в бывшем советском экономическом регионе они же стимулируют процесс дезинтеграции. При этом они, конечно, в значительной степени опираются на «русскую специфику». Сегодня уже лучше видно, что предпосылкой настоящего, не базирующегося на изоляции внедрения в систему мировой экономики должно было (должно) стать именно наличие внутреннего «общего рынка», который обладает достаточной силой для того, чтобы Россия смогла занять «достойное» ее место на верхних этажах иерархического здания мировой капиталистической системы. Однако такая цель возникала только в мечтах осуществившей смену режима политической элиты, которая, конечно, предпочла собственные актуальные поли-

⁹ Горбачев экспериментировал над возвращением власти «парламенту народных депутатов», не найдя, однако, для этого экономической и социальной базы. В результате центр государства превратился в игрушку республиканских элит.

тические и экономические интересы экономическим и политическим интересам страны.

Совокупность факторов, углубляющих разложение, и финансовый крах августа 1998 г. лишь укрепили те устремления, которые отразились в концепции Збигнева Бжежинского. Этот русофобствующий идеолог американской правящей элиты размышляет уже, собственно говоря, не о конце истории, а о конце России. В своем интервью радио «Свободная Европа» от 15 сентября сего года Big Zbig описал раздел России следующим образом: «Шансы России на будущее развитие улучшились бы, если бы Россия как федерация состояла из трех основных частей: Европейской России, Центральной России и Дальневосточной России. При такой конфедеративной организации отдельные регионы могли бы гораздо лучше развивать региональные торговые связи с окружающими торговыми зонами, нежели при существующей ныне системе». За новыми иллюзорными мечтами в действительности скрываются едва замаскированные, но вполне прозаичные соображения и великодержавные интересы: речь идет о намерении разделить Россию на немецкую, американскую и японскую зоны влияния или опеки.¹⁰

«Лекарство», предложенное для ликвидации кризиса протекционизма и, вообще, государственного социализма, то есть ориентированная на экспорт «интеграция» в рамках мирового рынка, оказалась предпосылкой полного разложения, которое и была доведена Ельциным до крайних пределов. В соответствии с этим ельцинизм, согласно взятой на себя функции, осуществил радикальную девальвацию

¹⁰ Ср. Capitalism hits a brick wall in Russia - Socialist Action. Oct - nov 1998 Volume II Issue 9, p. 3-4 Конечно, не нужно забывать о том, что в процессе территориального и экономического передела мира Россия представляет собой гораздо более крупный «кусочек», чем Балканы, она не может быть разделена традиционным способом как, например, Югославия, где великие державы воспользовались этническо-территориальным конфликтом и в роли миротворцев создали для себя сеть военно-политических баз

стоимости российской (и восточноевропейской) рабочей силы, увеличил отток прибылей и неравноправность обмена, а также породил такую ситуацию, при которой накопление труда происходит в России, а капитала – на Западе (формально используя некоторые институты буржуазной демократии). Другая важнейшая функция ельцинизма заключалась в том, чтобы примирить трудящихся и безработных с этим беспрецедентным историческим опустошением. Пассивную опору ельцинизма составляли миллионы людей, оказавшиеся дезориентированными после падения государственного социализма и поверившие в новое «спасение», в совокупное развитие общества, персонифицировав по «русской традиции» свои мечты в Ельцине, новом «отце-благодетеле».

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ЕЛЬЦИНИЗМУ?

На этот вопрос нужно найти ответ, если мы хотим вовремя получить представление о сути послеельцинского периода. В историко-политическом смысле перестройка¹¹ охватывает исторический отрезок времени с 1985 по 1991 г., то есть – формально – период, начавшийся с прихода Горбачева к власти и длившейся до его падения и краха СССР. В ходе подготовки к XXVII съезду партии, 26 октября 1985 г. был опубликован проект новой редакции программы партии, в котором вместо гротескной доктрины «развитого социализма» провозглашался переход к политике «гласности» и «перестройки». В теоретической плоскости перспектива, как и в программе Хрущева 1961 года, была определена с помощью понятия

¹¹ Из специальной литературы, посвященной историческому формированию перестройки см.: Reform in Modern Russian History. Progress or Cycle. Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press. Ed. Theodor Taranovski, 1995; Owen Th. C. Russian Corporate Capitalism from Peter the Great to Perestroika. New York, Oxford, Oxford Univ. Press, 1995; Hough J. Russia and the West. Gorbachev and the Politics of Reform. Second ed. Simon and Schuster Inc., N. Y., London, Sydney etc., 1990 и т. д.

«самоуправленческий социализм», которое трансформировалось в практическую программу в известной книге Аганбегяна, почти одновременно опубликованной и на английском языке.¹² Таково должно было быть истинное, первоначальное содержание реформы, одинаково противостоявшей как консервации государственного социализма, так и реставрации капитализма. Таким образом, настоящая *альтернатива, то есть первоначальная программа смены режима*, была сформулирована в теоретической и политической дилемме: *самоуправленческий социализм (производственное самоуправление) или/и рыночная экономика?*¹³ Когда провалилась оказавшаяся в международной изоляции первоначальная программа перестройки, уступившая свое место другой, «рыночной» программе, истекла кровью и сама перестройка, подготовив почву для ельцинизма.

В «героический период» перестройки (1985-1988) в наиболее оптимистически настроенных кругах западных социалистов сложилось мнение, что началось превращение «государственного социализма» в определенную форму самоуправления демократического социализма. И действительно, были факты, указывавшие в этом направлении, однако динамика общего развития привела в движение как раз противоположные силы. Аналитики-«оптимисты» либо с некоторой наивностью отворачивались от действительности,¹⁴ либо не предвидели, что через короткое время в СССР станет господствующей еще более азартная политическая

¹² Aganbegian A. G. The Challenge Economics of Perestroika. London-Sidney-Hutchinson, 1988. Будучи одним из главных советников Горбачева по экономическим вопросам, Аганбегян создал целую теорию перестройки. О важности его книги свидетельствует и то, что в 1988 г. предисловие к ней написал сам Алек Ноув, быть может, наиболее известный теоретик «рыночного социализма».

¹³ Всем еще памятно, что первая конкретная программа введения рыночной экономики была изложена в т. н. плане Шаталина (август 1990 г.), предусматривавшем насаждение *рыночной экономики* в СССР в течение 500 дней, то есть за менее половины того времени, которое было отведено Сталиным для коллективизации в СССР.

практика, руководимая стремлением догнать Запад и диаметрально противоположная антибюрократической, самоуправленческой реформе социализма. Правда, сама концепция самоуправления, как возможная альтернатива, ранее уже появилась (и) вне СССР.

Известно, что в Венгрии, где как раз в результате разгрома возникших в 1956 г. рабочих советов были очень слабы реальные корни самоуправления, зато была сильна теоретическая традиция, обосновывающая самоуправление. Существовали философски и экономически относительно хорошо разработанные теории.¹⁵ После 1985 г. в результате тотальной победы нелиберальной линии и провала югославского и польского эксперимента теория самоуправления и ее политическое представительство оказались «невыгодными», к этому времени правящая элита уже увидела новые возможности для выживания. Большинство из тех, кто в 1968 г. был «учеником» Дердя Лукача, в отличие от своего учителя, обратились к либеральному экономизму, ссылаясь, между прочим, на необходимость приспособления к мировым процессам. В 1989-90 гг. рабочие советы в Восточно-Центральной Европе, попав в неблагоприятные международные условия, оказались легкой добычей в политической игре либеральных и националистических элит.¹⁶ Несколько позже

¹⁴ Такой, по крайней мере с ретроспективной точки зрения, наивной работой была книга: Tariq Ali. *The Revolution from above. Where is the Soviet Union going?* Hutchinson, London-Sydney-Auckland. Johannesburg, 1988. Т. Али, наряду с Кагарлицким, посвятил свою книгу Борису Ельцину как обновителю социализма.

¹⁵ См. об этом издание Объединения левой альтернативы: *Önkormányzás vagy az éliték uralma*. Budapest, 1995.

¹⁶ Об этом см.: Krausz T. *Aufstieg und Niedergang der Selbstverwaltung in Osteuropa. Zu Geschichte und Gegenwart einer politischen und Gesellschaftlichen Perspektive. – Rückkehr nach Europa? Die Geistig-politische Dimension des ostmitteleuropäische Unbruchprozesses seit 1989. Beiträge der Tagung am 8/9. November 1996 in Potsdam. Branderburgische Landeszentrale für politische Bildung, 1997, p. 88-104.*

аналогичное явление наблюдалось и в СССР: большая часть бывших «самоуправленцев» перешла в лагерь сторонников Ельцина.

Значительные, прежде всего высшие слои общества, несомненно, не были заинтересованы в успехе самоуправленческих экспериментов, они поддерживали расширение рыночной экономики посредством одновременной дискредитации самоуправления: на примере сданных в аренду мелких торговых единиц уже тогда было заметно, что товары – поначалу по тройной цене – переходят из государственной сферы в арендный, «капиталистический» сектор. С 1988 г. началось ослабление центрального управления с помощью рыночных механизмов. Главной категорией этого процесса стал *хозрасчет*, на который ссылались (конечно, в разном смысле) как «рыночники», так и «самоуправленцы». Будучи ключевым понятием концепции «рыночного социализма», хозрасчет содержал в себе идею замены директив центрального планирования политикой местного ценообразования и стимулирования. Тогда же возникла и проблема плюрализма собственности, «смешанной экономики», уже опробованной в эпоху НЭПа. Однако теперь международная обстановка была радикально иной, нежели в конце 20-х годов: международная изоляция способствовала успеху сталинского поворота, а победе ельцинизма содействовало укрепление международных связей, международная открытость.

Производственный менеджмент, располагающий значительным влиянием в обществе, был вынужден вести «войну на два фронта»: он одинаково противостоял как бюрократам центрального и местного управления, так и советам, организациям трудящихся (советам предприятий, профсоюзам и т. д.). Этот социальный слой вступил в союз с трудящимися против государственной централизации, но выступил против устремлений трудящихся, опираясь на рыночные механизмы и пользуясь поддержкой государственной власти. При таком своеобразном функционировании смешанной экономики Горбачев в 1988 г. еще не знал, какому из конкурирующих

секторов он окажет свою поддержку. Позже, на рубеже 1988-1989 гг., Горбачев постепенно начал переходить от абстрактной концепции обобществления государственной собственности к предложенной Мировым банком и Международным валютным фондом и уже многократно опробованной в других странах концепции приватизации, которую сначала называли «социалистическим разгосударствлением», а потом просто «разгосударствлением» или более прозаично – «демократической реформой собственности».¹⁷

Интеллектуальный перелом был в значительной степени инспирирован опубликованной в декабре 1990 г. в Америке «неофициальной», «ни к чему не обязывающей» работой, которая была создана по инициативе участников хьюстонской встречи в верхах в июле 1990 г. на основании предложения «семерки». В соответствии с этим представители Международного валютного фонда, Мирового банка и Европейского банка реконструкции и развития, а также советники президента ЕБРР подготовили пространный документ, который по стечению обстоятельств оказался практической программой смены режима в СССР,¹⁸ став, таким образом, интеллектуальным воплощением широкого политического компромисса, редкого консенсуса. Международное сообщество и советское руководство нашли *modus vivendi*, хотя слово *капитализм* еще никем не было написано. Эта «стыдливость» была характерна для всей Восточной Европы, ведь в предшествовавшие десятилетия политической элите было «поручено» не внедрение

¹⁷ На практике реформа собственности 1989-1990 гг., которая основывалась на двух постановлениях, принятых 7 апреля 1989 г., была равнозначна применению арендной системы, в рамках которой государственные предприятия, государственное имущество отдавались в аренду частным лицам (пока еще не в качестве наследственной частной собственности!). Позже, уже при Ельцине, т. н. шоковая терапия оказалась манной небесной для директоров, которые были наиболее последовательными сторонниками дерегуляции и получили от нее наибольшую выгоду.

¹⁸ См.: The Economy of the USSR: a study undertaken in response to a request by Houston Summit: summary and recommendations. IMF, World Bank etc. Washington, 1990

капитализма. Пришлось прибегнуть к своеобразной идеологической конспирации, которая оказалась эффективной манипуляцией.¹⁹ Тем не менее, в подготовленном документе не было следов того, что его составители приняли во внимание известные особенности советского развития. Важнейшей задачей было ускорение распада любой ценой: лес рубят – щепки летят.

Ныне уже фактически неоспоримо, что крах СССР и государственного социализма был глубоко связан с тем, что члены политической элиты решили в интересах сохранения своих позиций и личного материального комфорта, в интересах стабилизации своего контроля над государственной собственностью уничтожить все ограничения влияния мировой экономики на страну. Концепция «внешнего заговора» как причины смены режима абсурдна уже потому, что, как свидетельствует упомянутый выше документ, еще в 1990 г. определяющие круги советской политической элиты, по указанным выше причинам, вступили в открытый «союз» с меж-

¹⁹ По всей видимости, правы оказались два американских автора, писавших о том, что создания капитализма желали не массы, а правящие элиты, руководящие группы «политического класса». См.: Kotz D. – Weir F. *Miért omlott össze a Szovjetunió? – Eshmélet*, № 38 (1998). p. 52-77. В интересах дезинформации даже в проектах приватизации пытались создать такое впечатление, будто бы приватизация является обобществлением, созданием народной собственности. Характерно, что на съезде 20-21 октября 1990 г., на котором была основана *Демократическая Россия*, известная в то время антикоммунистическая организация, дело приватизации было связано с проблематикой социальной защиты трудящихся, как будто эти два вопроса могут быть совмещены. Приоритет коллективных форм собственности при широком сохранении государственной собственности подчеркивался и в постановлении ЦК и ЦКК КПСС от 25 апреля 1991 г., где говорилось о «широком участии производственных коллективов и профсоюзов». Другое дело, что обмануть трудящихся оказалось необычайно легко, что указывает на уровень самосознания советского рабочего класса, являвшийся типичным продуктом старого режима. Ельцинской школой обмана была чубайсовская ваучерная приватизация, тождественная лишению общества собственности под лозунгом распределения народных акций. О злоупотреблениях в ходе приватизации в то время см.: *The privatization Scandals in Russia – Socialist Economic Bulletin*, 1997, december.

дународными политическими и финансовыми центрами.²⁰ Уже летом 1990 г. влиятельные американские политики и бизнесмены открыто говорили о том, что СССР в одиночку не сможет выбраться из беды, и необходимо непосредственное вмешательство. С этой точки зрения особенно поучительна переписка между Джорджем Соросом и Борисом Ельциным. В письме Сороса, написанном перед совещанием «семерки», содержится два важных утверждения. «Мир, – писал Сорос, – заинтересован в предотвращении хаоса. *В противовес привычным нормам поведения сейчас необходимо широкое вмешательство во внутренние дела СССР...* Это вмешательство может быть эффективным и одновременно приемлемым лишь в том случае, если оно будет направлено на *создание такой валютной системы*, которая сделала бы возможным превращение СССР в федерацию самостоятельных республик... *Советское руководство сознает, что такую валютную систему невозможно создать без помощи извне. Необходимы не только кредиты, но и кредитоспособность, которую принесла бы с собой поддержка Запада. Если представители «семерки» выразят готовность создать такую валютную систему, которая воскресила бы СССР, то их предложение будет встречено с воодушевлением...* (Курсив мой – Т. К.). Поддержка должна оказываться конкретным программам и

²⁰ См.: The Economy of the USSR. . Даже сбор материалов не смог бы начаться без поддержки советских органов, что указывает на действительное положение вещей. В документе (обобщившем лишь «главные выводы» исследования) с особой признательностью упоминается о «широкой и предупредительной поддержке» центральных и республиканских учреждений. Выносятся поименная благодарность главным «спонсорам», в том числе Министерству иностранных дел и Государственному комитету по внешней торговле Совета Министров, организовавшим большинство дискуссий, Государственному банку, Государственному комитету по образованию, Государственному плановому комитету, Министерству финансов, Министерству внешней торговли, Государственному комитету по реформам и многим другим руководящим органам. Упоминается в документе и о множестве совместных совещаний, проходивших в Москве, Брюсселе, Париже и Вашингтоне.

новым людям. Путь, который должен вывести всю страну из кризиса, проходит через Россию.»²¹

В противоположность Соросу авторы заказанного «семеркой» документа подошли к вопросу не со стороны финансовой системы, а наметили в качестве политической и идеологической основы демонтаж самой плановой экономики.²² Во имя приватизации и дерегуляции они пространно критиковали порожденную или зародившуюся в СССР (и других восточноевропейских странах) *практику перехода собственности к трудящимся, а также любые формы коллективной собственности, то есть самоуправленческую альтернативу*, которая тогда уже доживала свои последние часы. *Последние препятствия* на пути осуществления идей документа Валютного фонда были разрушены *18-м брюмера Бориса Ельцина*, то есть событиями 4 октября 1993 г.²³

Попытка путча в августе 1991 г. означало падение не только перестройки, но и всей системы государственного социализма, а ельцинский путч в октябре 1993 г. обеспечил победу российской рыночной экономики. Первый, «опереточный путч» был экспериментом политической элиты, не желавшей отказываться от старого режима, второй уже был финансируван международным капиталом²⁴, всеобщие интересы которого были защищены «десоветизированными» русскими солдатами и офицерами.

Альтернатива ельцинской экономической политике, оста-

²¹ См.: Soros Gy. A lehetetlen megkísértése. A kelet-európai forradalmak és a Soros alapítvány. Budapest, 1991, p. 117-120.

²² В стилистическом смысле, с некоторым преувеличением, произошла замена слова перестройка выражениями рыночное хозяйство, «поощрение частной собственности», «либерализация цен», «дерегуляция», «ориентация на экспорт».

²³ В качестве достоверного материала предлагаю вниманию читателя одно из первых описаний событий: Век XX и мир. 93 Октябрь. М., 1993. А также: Бузгалин А. - Колганов А. Кровавый октябрь в Москве. Хроника, свидетельства, анализ событий 21 сентября - 4 октября. М., 1994.

²⁴ См. об этом статью Мозеса: Borisz Jelcin brumaire tizennyolcadika. - Eszmélet, (1996. tavasz), № 29. p 165-182

вавшаяся, однако, в рамках режима, была сформулирована с опозданием и не опиралась на сколько-нибудь ощутимую социальную базу. Один из идеологов быстрой капитализации, Г. Явлинский первым среди представителей правящей элиты нажал кнопку аварийного звонка. Складывающийся, по его выражению, «*мафиозный капитализм*» заставил его призадуматься о возможностях «хорошего капитализма» и выработать собственную утопию (на основе схемы рыночной экономики, разработанной венгром Яношем Корнаи). Во имя «настоящего либерализма» он хотел бы на месте номенклатурной буржуазии видеть «настоящих» собственников, которые приватизируют не для самого себя, а покупают на рынке акции (он явно имел в виду отечественные «инвестиционные учреждения» и иностранные капиталы, банки, а кто же еще мог располагать капиталом?). По мнению Явлинского, собственность должна быть передана «в надежные руки». В этом смысле Явлинский является рупором международного капитала, он пытается восстановить ответственность менеджера перед «настоящим» владельцем. Неясно лишь одно: почему новые собственники должны были уступить свое место «настоящим, располагающим значительными капиталами» собственникам, ведь тем самым режим ликвидировал бы свою собственную социальную базу. Между тем директора приобрели большинство акций совместно с руководителями территориально-региональных (государственных) органов, таким образом, эти денационализированные предприятия оказались ни государственными, ни частными фирмами – все произошло в соответствии с «российской спецификой». (На мой взгляд, прикрываемый государством «мафиозный» или «грабительский» /Дж. Сорос/ капитализм является нормальной формой капитализма в России). Следовательно, «хороший капитализм» Явлинского провалился за отсутствием объективных предпосылок. Он сам писал, что не было (и до сих пор нет!) такой рыночной структуры, которая обеспечивала бы преемственность деловой жизни, вместо этого сложилась система, похожая на

своеобразную азартную игру: она «играется» лишь один раз – из-за отсутствия современной рыночной инфраструктуры, бесконтрольно присваиваются громадные прибыли, которые не связаны с реальным функционированием предприятий и их настоящей полезностью.²⁵ Черный рынок все еще не уничтожен, нормальная форма функционирования капитала – бегство от уплаты налогов, «отмывание» денег посредством разнообразной техники, бесконечное многообразие и повсеместность приватизационных злоупотреблений и т. д. Сущностным признаком режима является отсутствие четких границ между легальностью и преступностью. О глубоких исторических традициях, на которые опирается это явление, написано много работ, в них указывается ряд непосредственных родственных черт между русским капитализмом эпохи рубежа и его современной формой.

Явлинский и те «эксперты», которые до сих пор предлагают в виде альтернативного решения продать российскую промышленность мультинациональным кампаниям, забывают об одном: по своеобразным государственно-политическим и культурно-экономическим причинам социальная база ельцинизма и укоренение капитализма во всероссийских масштабах не могут быть обеспечены посредством иностранного мультинационального капитала. Приватизация прибыльных предприятий в значительной степени составляла экономический источник нового потенциального отечественного класса собственников. Не только партии, но и класс капиталистов был создан сверху, поэтому он и надеется на дальнейшую поддержку сверху. Осуществление этой поддержки также было одной из главных исторических функций и задач ельцинизма.

²⁵ Ср.: Явлинский Г. Уроки экономической реформы. М., 1993. с 10-18. 58-62 и далее.

СОЦИАЛЬНЫЙ ФУНДАМЕНТ ЕЛЬЦИНЩИНЫ

Активный, реальный и относительно стабильный социальный базис ельцинщины был (и отчасти остается) широким, но крайне гетерогенным по своему составу. Важнейшие группы советской военно-милицейской и экономической элиты быстро и удивительно безболезненно перешли на службу новому режиму.²⁶ Однако социальной опорой режима является не только тот тонкий слой элиты, который по сей день обладает международной поддержкой. Настоящий фундамент ельцинщины образуют значительные группы второго эшелона старой номенклатуры (типа Бурбулиса, Филатова, Полторанина), бывшие комсомольские карьеристы-аппаратчики, обладающие безграничными политическими амбициями; технократы, менеджеры-бюрократы и «иже с ними», получившие собственность в ходе приватизации; группы финансистов, «банкократии», располагающие сомнительными источниками доходов; явные нувориши-мафиози, которые покупают свое социальное окружение в периферийных слоях общества; лица, удаленные из военных и правоохранительных органов, которые превращаются в охранников и телохранителей; массы готовых на все людей; «мелкие торговцы и предприниматели», живущие на границе легального существования; интеллигенты, журналисты «мелкого пошиба», опасаящиеся утратить свой социальный статус. Другими словами, российская *люмпен-буржуазия* с ее

²⁶ Это явление можно показать на примерах Никиты Михалкова (см. о нем статью Л. Булавки в журнале *Eszmélet*. 1998, № 35) или бывшего советского академика Арбатова. В последние часы перестройки, говоря об аспектах будущего развития, этот эксперт по Америке в газете *Financial Times* (2 мая 1990 г.), назвал «боязнь рынка» суеверным предрассудком, укорив тем самым некоторых отечественных и зарубежных специалистов. В 1995 г. Арбатов, видимо, уже забыв это свое выступление, пережил новое «прозрение» и «большое разочарование», как это произошло и с Абалкиным (это поведение может быть замечен у многих из тех, кто со временем потерял защищавшуюся властью близость к верхам). Ср.: Krausz T. A peresztrojka történelmi szerepe. – *Rendszerváltás és társadalomkritika...*, p. 152.

сложной иерархией составляет тот социальный фундамент, который является опорой режима, который всегда может прийти в движение и предоставить соответствующие людские ресурсы какому-нибудь диктатору типа Лебеда.²⁷

Десятки миллионов людей, выброшенных из привычного образа жизни, еще не сориентировались в новой иерархии социальной структуры, складывающейся в ходе перестройки. Культуральная антропология и социальная психология накопили обширные материалы о негативных последствиях вестернизации, проникновения западной потребительской «массовой культуры», моделей образа жизни, рекламы и т. д.²⁸ «Аккультурационный стресс» последнего десятилетия не изобиловал позитивными следствиями. На указанные выше социальные группы одновременно воздействуют разные виды социальной депривации и физиологических болезней, причем практически без всякой надежды на выздоровление. Этот пассивный «фундамент» уменьшается и в физическом смысле. С 1991 года в результате экономического и социального краха около двух миллионов человек умерло до истечения ожидаемого срока жизни.²⁹ С этим фактом связано неожиданное и резкое понижение средней продолжительности жизни. Даже у населения Азии, Африки и Латинской Америки в 90-е годы средняя продолжительность жизни повысилась, хотя и в незначительной степени. В России в 1994 г. средняя продолжительность жизни составила 64 года, здесь же наблюдается и самый высокий в мире разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин. В 1995 г. он равнялся 14 годам. В сравнении с показателями 1987 г. средняя продолжительность жизни мужчин к 1994 г. пони-

²⁷ Один из исследователей социальной базы режима – Борис Кагарлицкий: *Restoration in Russia: Why Capitalism Failed*. М., 1994. На русском языке – в рукописи.

²⁸ Ср.: Гурвич И. Н. Стресс социальных изменений. – Петербургская социология, 1997, № 1, с. 19-26.

²⁹ Kotz D. *Capitalist Collapse. How Russia Can Recover*. – *Dollars and Sense* 1998 Nov.-Dec., p. 10.

зилась на 7,4 года (с 65 до 57,6), а у женщин – на 3,4 года (с 74,6 до 71,2).³⁰ О масштабах опустошения может дать представление и не менее неожиданное и резкое повышение количества самоубийств, которое было непосредственно связано с 1993 годом. В период перестройки число самоубийств сократилось, однако в 90-е годы превысило даже пик 1984 года, как и во всех остальных странах бывшего «социалистического лагеря». ³¹ Многое уже сказано и написано о распространении российской преступности, но надо отметить, что в ельцинский период (1991–1998) произошел такой взрыв насильственных преступлений, который практически не имеет прецедента не только в российской, но, вероятно, и во всемирной истории XX века. Между 1987 и 1996 гг. число убийств (включая покушения) в России утроилось.³² Страх снова стал органической частью городского и сельского быта (хотя природа этого социально-психологического явления сегодня иная по сравнению с 30-ми годами).

Дезориентированный и дезинтегрированный «людской материал» является идеальным с точки зрения поддержания и сохранения режима. Опустошение, как в культурном, так и в

³⁰ Баранов А. В., Стромилова И. А. Предварительные замечания к социологическому анализу падения продолжительности жизни в 1990-е годы в России. – Петербургская социология, 1997, № 1, сс. 28, 35-36. Авторы статьи пишут: «Нынешнее состояние здоровья населения и общества исключает скорое возвращение хотя бы к показателям конца 80-х годов. С первых лет СССР ориентиром развития было „догнать и перегнать США“. Сегодня и на обозримое будущее это абсолютно нереально. Россия может практически ставить задачу догнать и впредь не отставать в динамике от развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки по ... средней продолжительности жизни, особенно мужчин».

³¹ Анализ статистических данных см. в статье: Гишинский Я., Румянцева Г. Основные тенденции самоубийств в России: социологический анализ. – Там же, с. 60-77.

³² В 1987 г. в России было убито 9199 человек, то есть на 100000 чел. приходилось 6,3 убитых. в 1995 г. было убито 31703 человека, то есть на 100000 чел. приходилось 21,4 убийства. Ср.: Гишинский Я. Homo homini lupus est? – Насилие в современном мире. Межд-я конф. 27-29 июня 1997 г. СПб., 1997, с. 14.

биологическом отношении, приняло такие огромные масштабы, какие возможны практически только в военных условиях. Этот «людовой материал» находится в состоянии политической апатии, он беззащитен перед лицом практически любой опасности, чувствует себя лишним (да и является таковым с точки зрения представителей капитала), борется не за лучшее общество, а просто за сохранение, продолжение своего существования. Таким образом, режим Ельцина не встречается с непреодолимыми препятствиями при выполнении одной из своих важнейших функций – функции сдерживания недовольства населения в годы беспрецедентного опустошения.

Следовательно, на деле ельцинизм оказался не просто орудием разрушения прежней, устаревшей системы государственного социализма. На называемой «восточным блоком» полупериферии мировой системы режим Ельцина уничтожает и накопленные ценности традиционной гуманистической культуры, ростки социалистического, коллективистского мышления, причем делает это во имя агрессивного и античеловечного индивидуализма, в то время как «слабым звеном», «больным человеком» мировой капиталистической системы в конце XX века, как и в его начале, снова будет «не поддающаяся интеграции» Россия. Говоря о политической дефиниции ельцинского режима, можно вслед за Александром Зиновьевым назвать его «колониальной демократией».

ВМЕСТО ДЕМОКРАТИИ – ПРЕЗИДЕНТСКАЯ СИСТЕМА

Президентская система – характернейший продукт перестройки и едва ли не важнейшая политическая черта, основополагающая структура ельцинизма. Она должна занять место «партии-государства», которое ранее принадлежало КПСС, – организации, стоявшей в определенном юридичес-

ком смысле выше закона.³³ Выяснение причины этой «надзаконности» немаловажно с точки зрения отношения между перестройкой и ельцинской системой. В ленинистской идеологии октябрьской революции 1917 г. партии первоначально отводилась важная роль исключительно в деле «захвата власти пролетариатом». Не существовало никаких документов, в которых советская власть интерпретировалась бы как власть партии. Все политические шаги, делавшиеся в этом направлении, оправдывались военной или политической необходимостью, однако в большевистской теории *социализма* партия как таковая не фигурировала, поскольку, согласно ленинской концепции, при социализме непосредственная демократия, как по месту жительства, так и на производстве, в профсоюзах опирается на органы рабочих представителей. Именно поэтому даже в легитимационной идеологии сталинского режима партия появляется в качестве общественной организации, которая формально не отличается, например, от общества филателистов. Одна зовет в свои ряды «наиболее сознательных и преданных делу социализма членов общества», а другое – лиц, увлекающихся собиранием марок. Ни одна из этих организаций не обладает при этом какими-либо исключительными политическими полномочиями. К этой традиции вернулась (по крайней мере формально) та «линия» перестройки, представители которой выступали за непосредственную демократию и самоуправление, и которой Горбачев оправдывал созыв парламента народных депутатов. Таким образом, на первом съезде народных депутатов 30 мая 1989 г. заседал парламент, опираясь на который Горбачев попытался ограничить власть партии и сменить функцию генерального секретаря на позицию президента государства.

Ельцин, следовательно, получил президентскую власть в России по старым правилам игры, поэтому с декабря 1991 г., а позже – с октября 1993 г. он боролся с тяжелым легитима-

³³ Об этом см. гипотезу Ю. Пивоварова и А. Фурсова: КПСС: состоялся ли суд истории? – Социум, окт. 1992, № 12, с. 155-165.

ционным дефицитом. С одной стороны, ликвидация союза, осуществленная им совместно с президентами Украины и Белоруссии, была неконституционным актом, ведь в марте 1991 г. союз был легитимирован редким в истории СССР демократическим референдумом. С другой стороны, кровавый политический поворот, совершенный в октябре 1993 г., уже не вписывался даже в правила поведения при буржуазной демократии (независимо от того, что все западные лидеры приветствовали путч, ведь в свое время они приветствовали, а также поддерживали и победу греческой фашистской хунты, и запятнавшего себя массовыми убийствами режима Пиночета).

Ельцин занял позицию Горбачева в национально-республиканских рамках, что послужило моделью для «бунта» местных республиканских элит и руководящих групп. Федеральная власть превратилась в объект обыкновенных торговых операций, купли-продажи.³⁴ Сила президентской системы по сей день состоит в том, что общество находится в состоянии социальной, культурной и психологической дезинтеграции, новый правящий класс слишком слаб, а возвышающийся над грызущимися друг с другом группами и учреждениями президент играет роль справедливого судьи, объединяя в своем лице важнейшие элементы исполнительной и законодательной власти.

В специальной литературе, посвященной «российскому президентализму», обычно оправдывается власть Ельцина, однако при этом вынужденно (цинично или наивно?) признается, что, к сожалению, ситуация складывается не в соответствии с американскими представлениями о демократии, больше того, во многом как раз вразрез с этими представлениями, и все же: «В выводящей из хаоса президентской системе американцы, французы, а теперь и русские нашли

³⁴ Ср.: Миронов В. А. Российское государственное строительство в пост-союзный период (1991-1994 гг.). – Кентавр (Историко-политический журнал), 1994. № 3. с. 3-4.

нечто ценное».³⁵ При таком подходе, с помощью подобного метода, когда «секрет» происходящего, особенно в России, пытаются обнаружить в институтах, институциональной системе, невозможно понять причины возвышения и падения ельцинизма, суть проблемы утопает в юридическом и политологическом формализме. Российская президентская система не должна смешиваться ни с американской, ни с французской, поскольку она, несмотря на все «институциональное тождество или сходство», имеет совершенно другую социальную базу, историческую функцию, «психологию». Ведь в России никогда не существовало и до сих пор не существует многопартийной политической системы в западноевропейском или американском смысле этого понятия. Ни после 1905 г., ни в 1917, ни в 1989-91, ни в 1993 гг. в России даже в искаженных формах не сложилась власть партий, осуществляемая в парламентских рамках. Парламент здесь либо принял советскую форму, либо стал функцией «партии-государства», либо, как во времена ельцинщины, установилась элитарная авторитарная система с бюрократическим оттенком, опирающаяся на созданные сверху партии. Эти формы власти принципиально отличаются от западноевропейской или американской буржуазной демократии, и главной причиной этого является отсутствие соответствующего исторического фундамента, так, например, в России до сих пор не сформировалась «демократическая буржуазия», которая обеспечивала

³⁵ Nichols Th. M. *Logik of Russian Presidentialism: Institutions and Democracy in Postcommunism*. The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. Univ. of Pittsburg, Number 1301, May, 1998, p. 42. Этот автор к тому же пожурил своих коллег, заявив, что «западным политологам тоже нужно было бы задуматься над тем, не следует ли и им сделать то же самое», то есть увидеть «ценное» в президентской системе. К счастью, м-р Никольс умалчивает о том, что «ценное» можно найти в российском президентизме. Разве только то, что в апологетической литературе оправдывается следующим образом: «Правда, в то время как президент теоретически может управлять без парламента, в повседневной деятельности, включая такие важные вопросы, как бюджет, земельная реформа или оборонные нужды, возникает необходимость в эффективной законодательной работе (legislation) Думы...». Там же, p. 29.

бы функционирование политической системы «западного типа».

Настоящий смысл президентской системы состоит именно в том, что она не допускает утверждения парламентаризма. Как бы ни старались депутаты, используя и накопившийся в обществе потенциал протеста, найти в Думе противовес власти президента, президент может не обращать внимания на эти старания. Лишь широкое движение сопротивления в обществе способно добиться перемен в структуре власти, что и произошло в форме движений протеста в октябре 1998 г. Этот «полупарламентаризм», не знающий настоящих партий, свидетельствует не о слабости российского общества, а о непригодности институциональной системы, служащей интересам политической элиты и господствующих экономических группировок. В ходе избирательной кампании, предшествовавшей президентским выборам 1996 г., совершенно четко выяснилось, как представители режима могут держать эту кампанию под контролем, не давая оппозиции никаких реальных возможностей.³⁶

Естественно, российская президентская власть – это особый авторитарный режим, и Ельцин стоит ближе к Пиночету, чем к Рэйгану или Тэчер. В то же время речь идет о новом историческом явлении, поскольку оно представляет собой такую своеобразную смесь определенных элементов буржуазной демократии, политической диктатуры и самодержавия, которая позже сама станет источником аналогий для настоящего и будущего развития стран, осуществивших смену режима. В этом состоит историческая оригинальность ельцинщины как президентской системы.

Со времени выборов, а особенно после августовского финансового краха 1998 г. социальный базис режима еще больше сузился, что укрепило позиции его противников.

³⁶ Беспрецедентно, что на втором этапе президентских выборов, проведенных по ограниченным правилам буржуазной демократии, кандидат от коммунистов даже практически без антикампании получил более 40% голосов. Это хорошо отражает сложившуюся в России ситуацию.

Однако в центре оппозиции ныне стоит уже не националист Жириновский, который, несмотря на характерную для него крайнюю демагогию, на самом деле до конца поддерживал Ельцина. Вместо этого наблюдается определенная поляризация: с одной стороны, генерал Лебедь с обещанной им диктатурой, а с другой – сложившийся коммунистическо-националистский союз, который после всероссийской массовой демонстрации 7 октября 1998 г. по праву рассчитывает на сдвиг влево. Даже самые упрямые ельцинисты теперь уже поняли, что режим Ельцина доживает последние часы. Однако альтернатива выглядит отнюдь не так, как ее описывают новоиспеченные теоретики «демократии». В поверхностных идеологических брошюрах будущее представляется как альтернатива *авторитаризма и демократии*, причем ельцинизм, в понятиях Карла Поппера, изображается как «слабая демократия». ³⁷ Это – интеллектуальный импорт со «свободного рынка», не имеющий ничего общего со специфичностью положения в России. Несмотря на то, что авторы указанной в примечании книги с одобрением вспоминают процессы демократизации 80-х гг., им не приходит в голову, что демократия подобного типа связана с экономическим и политическим участием масс, с органами прямой демократии, в то время как «демократизация», опирающаяся на возможности Думы, имеет чисто политическую природу и служит свободному самоопределению различных группировок элиты (не говоря уж об указанном выше качестве ельцинского режима). Дума – орган не общества, а элиты, институт, обеспечивающий ее господство. Идеологией для этого служит идея «открытого общества» Карла Поппера. «Заблудшие овцы», вернувшиеся к возникшей в период второй мировой войны идеологии «открытого общества», со старательностью неофитов копируют своего учителя и в том отношении, что

³⁷ Этот вопрос обсуждается в книге А. А. Галкина и Ю. Красина, для которой характерна почти невероятная теоретическая эклектичность: Галкин А. А., Красин Ю. Авторитаризм или демократия: варианты развития. М., 1998, особенно с. 94-98.

неожиданно оказались неспособными отличить фашизм от коммунизма. В России (и во всей Восточной Европе) эта утопия служит теоретическим оправданием пустившей недавно первые ростки «свободной рыночной экономики», то есть ельцинизма и подобных ему режимов.³⁸

«РУССКИЙ КОММУНИЗМ» КАК АЛЬТЕРНАТИВА?

Не прояснив конкретных перспектив на будущее, Горбачев поставил марксизм, в качестве трансформировавшейся в марксизм-ленинизм легитимационной идеологии, непосредственно на службу современности, «модерну»; социализм стал воплощением «модерна», «входом в мировую цивилизацию». Затем почти незаметно социализм превратился в прошлое, а «современная западная цивилизация» – в будущее, которое позже было сформулировано на языке нового режима бывшими дежурными идеологами Горбачева.³⁹ Однако реальность смены режима в России постепенно удалялась от этого представления о будущем, и западническое мышление отступило туда, откуда оно пришло, – в мечтания узкого круга интеллигенции, в книги и журналы. Конфликт ельцинизма с «национальными особенностями» бросался в глаза с самого начала его существования, уже с момента своего рождения режим Ельцина не принимал во внимание этих особенностей, хотя субъективно делал все возможное для того, чтобы казаться «русским». К большому удовольствию священников

³⁸ О возникновении и исторической функции теории «открытого общества» см.: Бокарев Ю. «Открытое общество» и его друзья. – Россия XXI, 1995, № 9-10, с. 100-127 (продолжение в следующем номере).

³⁹ Типичным образом, одним из главных либеральных идеологов в наши дни является именно одна из духовных предводительниц перестройки, Заславская, которая еще и в 1996-1997 г отождествляла будущее России с «либеральной демократией». Вооружившись очень старой и устарелой теорией «тоталитаризма», она видит суть проблемы лишь в том, что реформы хороши, только их плохо осуществляют. Ср.: Куда идет Россия? Международный симпозиум М, 1997, с. 168-176.

Борис Николаевич, если позволяло здоровье, стоял под свечами во время главных церковных праздников или на захоронении останков царской семьи. Однако даже вестернизация средств массовой информации не смогла заставить миллионы людей, прежде всего пожилых, примириться со сложившимся капитализмом. С этим неразрывно связан тот факт, что «коммунизм», парадоксальным образом в антикоммунистической оболочке, очень быстро получил в России новую легитимацию, конечно, не в средствах массовой информации, а в сознании масс.⁴⁰ Несмотря на региональные особенности, выживание традиционных форм сознания хорошо заметно в любом регионе России, и ни одна партия не может добиться политического влияния без учета этого факта. И Лебедь, и Жириновский так же сознательно опираются на эти эмоции, как и на региональную специфику.

Таким образом, ясно, что сегодня отнюдь не просто ответить на вопрос, кто же такие нынешние коммунисты в России, и чего они хотят? На территории бывшего СССР насчитывается больше коммунистических партий, чем во всей Западной Европе. Можно выделить четыре основных типа коммунистических организаций (не забывая при этом о различных внутренних течениях, которые чаще всего отличаются друг от друга только по своему психологическому облику). 1. Группа как правило пожилых, обладающих сильной ностальгией по прошлому людей, ставящих своей целью реставрацию – в исправленном виде – государственного социализма и видящих выход из положения в воссоздании Коммунистической Партии Советского Союза. 2. «Группы», намеревающиеся вновь построить «Аврору» (как, например, РКРП). Они

⁴⁰ Многие из тех, кто в общем отвергает социализм, испытывают ностальгию по такой системе, которая больше всего напоминает брежневское «Государство всеобщего благоденствия». В парадоксальной формулировке это означает «коммунизм без коммунистов». (Это явление, между прочим, отчетливо наблюдается и в Венгрии, где люди хотят «кадаризма без коммунистов», причем подобные социальные устремления, конечно, могут служить основой и для политики крайних правых сил.)

замышляют свержение капиталистической системы традиционным «русским путем», независимо от того, существуют ли для этого предпосылки или нет. 3. Стоящие на позициях неокommунизма или неомарксизма организации, которые, отвергая любую попытку реставрации государственного социализма, сознательно готовятся к приходу XXI века и рисуют перспективу создания в будущем неиерархического общества, социальной самоорганизации. Их важнейшим теоретическим изданием является качественный московский журнал «Альтернативы». Организационная сила этого «самоуправленческого» направления невелика, что отражает актуальное состояние движения новых левых. 4. Наконец, наиболее влиятельной и по-настоящему организованной партией является руководимая Зюгановым *Коммунистическая партия Российской Федерации* (КПРФ), легальная оппозиция режиму. Партия Зюганова – единственная (причем не только на левом крыле) массовая партия, которая насчитывает 500-600 тыс. членов. Как и все посткоммунистические партии в восточноевропейском регионе, она представляет собой типичную не идеологическую, а собирательную партию, конгломерат различных течений. Остальные три упомянутых выше коммунистических направления сложились на почве ярко выраженной антикапиталистической теории, однако подобная альтернатива ныне (пока?) не стоит на повестке дня российской политики.⁴¹

Несмотря на свои глубокие исторические корни, современный «коммунизм», как политическое мышление и организация, может считаться новым явлением, специфическим продуктом русской национальной традиции, советского прошлого и ельцинщины. «Коммунизм», политический центр российского левого движения, даже при всей его многоо-

⁴¹ Этим обстоятельством объясняется то, что в данном случае я уделяю внимание только коммунистической партии Зюганова, точнее – ее перспективам. Прекрасная информация о возникновении, характере и программах коммунистических партий содержится в книге: Хомлимская М. Р. Коммунисты России: Факты, идеи, тенденции. М., 1998

бразности и множестве различных направлений, представляет собой приспособление к условиям ельцинизма. Это явление может быть коротко охарактеризовано с помощью следующих понятий: склонность к *этатизму* и *популизму*, объединение традиционных ценностей *национализма, церкви и государства с Марксом и Лениным*, с наследием *государственного социализма, с массовой демократией, соборностью, державностью* и т. д. Этот мутный духовный коктейль можно обнаружить и в идеологическом арсенале генерального секретаря партии, Зюганова,⁴² а кроме этого он приготовлен к употреблению и в историзированной идеологической форме в одной из новейших работ об истории октябрьской революции.⁴³

Однако на уровне политической стратегии действия прагматичного руководства партии не ограничиваются никакой связной теорией. Идеологически оно пытается сплотить «народ», «нацию», обходя в партийной программе вопрос о выборе между капитализмом и социализмом. Эта «теоретическая слабость» всего лишь маскирует признание приватизации и примирение с частной собственностью. Опираясь на эту конценцию, партийное руководство стремится создать политический блок, называемый национально-патриоти-

⁴² Свои политические и теоретические послышки Геннадий Зюганов изложил уже в конце 1993 г. в работе, носящей личный характер: Зюганов Г. Драма власти. Страницы политической автобиографии. М., 1993.

⁴³ Ее автор – известный историк-медиевист, И. Я. Фроянов, подготовивший свою работу об истории революции к 80-й годовщине Октября Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого. СПб., 1997. Этот партийный идеолог смешивает антикапиталистическое наследие революции и историю семи десятилетий советской эпохи. При ссылках на Маркса и Ленина он всегда вплетает мотив искажения развития страны в результате деятельности внутренних изменников, представлявших интересы внешнего врага. Как будто русский капитализм являлся лишь импортом (уж не еврейским ли?). В период революции в роли таких чуждых деятелей выступают главным образом Парvus и Троцкий. Отсюда остается только один шаг до объяснения краха социализма в СССР не внутренними причинами, а в первую очередь подрывной работой внешних врагов.

ческим и объединяющий коммунистов и антикоммунистов. Эта попытка сплочения «коммунизма» и национализма структурно похожа на то, как в Восточно-Центральной Европе, например, в Венгрии, социалисты образовали и образуют коалицию, блок с либералами. Разница в практике блокообразования указывает на различия в историческом развитии. В этом проявляется менее интегративный характер российского капитализма, гораздо большая ограниченность возможностей вестернизации в России.

Большей частью именно этими предпосылками объясняется то, что Зюганов, в противовес стремлению «догнать Запад», исходит из «своеобразия России» и приходит к путаной идее «евразийства».⁴⁴ Не имея ясной стратегии, он тоже не выходит за рамки логики «погони за Западом». Формально отвергая альтернативу либералов-западников, основывающуюся на выборе между *модернизацией* и *антимодернизацией*, Зюганов на деле формулирует в качестве своей важнейшей идеологической цели ту же альтернативу (хотя и несколько иначе): «Мы просто обязаны – это есть наш долг перед народом – вырвать страну из рук конструкторов глобальной политической диктатуры и вернуть ее на *путь исторически преемственного, гармоничного развития*»,⁴⁵ что по существу означает своего рода комбинацию социал-демократического государства всеобщего благоденствия с российской традицией. Принятие «ограниченной частной собственности», то есть национального капитала, с одной стороны, и критика мультинационального капитала, с другой, означает противоречие, в котором отражается гетерогенность социального базиса партии и ее союзников, а также эклектичность ее идеологии.

Генеральный штаб коммунистической партии уделяет пристальное внимание тому, чтобы его проекты на будущее

⁴⁴ Ср. его рассуждения на эту тему в кн.: Зюганов Г. Драма власти, с. 173-179.

⁴⁵ Там же, с. 185.

не раскололи своеобразного партийного базиса: среди членов партии, наряду с представителями старой номенклатуры, преданными советской власти пожилыми экс-аппаратчиками и военными, можно найти рабочих, трудящихся, живущих на заработную плату, и безработных. В то же время КПРФ, как и посткоммунистические партии других стран Восточной Европы, включает в себя определенные круги класса новых собственников, «предпринимателей», а также профсоюзных руководителей, мелких собственников и т. д. Этот собирательный характер партии выражается в ее туманной программе, в неопределенных, неоднозначных планах и формулировках, касающихся перспектив на будущее. Однако молодежь, новые поколения не чувствуют влечения ни к каким платформам, в том числе и к представляющейся анахронизмом коммунистической партии. На деле «коммунистические» видения будущего кажутся скорее воскрешением прошлого, хотя в исторических и теоретических работах, наряду с концепцией «государственного социализма», иногда появляется и «самоуправленческая традиция». Однако, например, упомянутый выше историк выводит эту последнюю традицию не из мирового развития в целом, а лишь из специфики российской истории: тем самым в противовес русскому капитализму он гальванизирует труп *русского социализма*. С «русификацией» социализма связано и романтическое восхваление народных традиций православной церкви, а также романтическая критика капитализма.

На основании заявлений органов и руководителей КПРФ вырисовывается своего рода концепция *национального капитализма* (с провозглашением определенного государственного ограничения частной собственности). Легче легитимировать в глазах общества капитализм, более или менее «регулируемый» государством, чем нынешнюю, характерную для ельцинщины практику превращения государственной собственности в наследственную частную собственность под лозунгом дерегуляции.

Подведем итоги. Согласно историческому опыту развития

российского «полупериферийного, олигархического, криминализованного капитализма»,⁴⁶ в России не могла возникнуть сильная социал-демократия, поскольку она является типичным явлением стран центра. Роль социал-демократии может сыграть зюгановская коммунистическая партия. (Все альтернативные коммунистические партии, как в интеллектуальном, так и в политическом смысле, представляют различные антикапиталистические стратегии, подчеркивая, что Зюганов предлагает комбинацию национализма и социал-демократии в рамках сотрудничества с профсоюзным руководством). За отсутствием революционной ситуации, «социал-демократическая функция» в России состоит в сохранении опосредованной государством бюрократической коллективной интеграции, или ее остатков; в обеспечении под знаком защиты национальных интересов государственного единства и независимости России, а также видимости ее статуса великой державы; в сохранении минимальной правовой и социальной безопасности трудящихся. Если лозунги ельцинизма можно обобщить следующим образом: многопартийная система, рыночная экономика, нация, то лозунги блока русского «коммунизма» и лагеря националистов на самом деле таковы: государственное единство и державность, рыночная экономика под контролем государства (см. выше), «национальная собственность» и протекционизм, борьба за обеспечение прожиточного минимума для нуждающихся под знаком «справедливости и солидарности».

Только этот отчасти «сталинистский» по своим корням русский «коммунизм», поддерживаемый старыми-новыми профсоюзами, способен выполнить ту политическую функцию, которую, например, в Польше и Венгрии выполняют «посткоммунистические» «социалисты-социал-демократы»: именно они могут наиболее эффективно стабилизировать

⁴⁶ Эти постоянные эпитеты российского капитализма уже распространились и в иностранной литературе. См.: Clarke R. Why Russia Needs Another Revolution? – Links (Sydney) 1998 Febr., № 9, p. 67-85.

капитализм в своих странах, поскольку располагают самыми глубокими корнями в политически весомых слоях трудящихся. Таким образом, в России эта роль ожидает зюгановскую коммунистическую партию. Конечно, политическая разница очевидна. В результате различного исторического развития в России «посткоммунистическая» коммунистическая партия марширует не под флагом социал-демократии и заключает союз не с совершенно маргинализованными либералами, а, как было указано выше, разворачивает знамя патриотизма, под сенью которого к ней присоединяются слои новых собственников, националистически настроенные группы национальной буржуазии, видящие в мультинациональных фирмах непримиримых конкурентов.

Крах финансовой системы в августе 1998 г. показал, что перемены неизбежны. После провала правительства Кириенко, ясно показавшего, что российская банковая система функционирует на манер преступной организации, не отступающей ни перед растратой накопленных населением средств, ни перед отказом от погашения задолжности по иностранным кредитам, быстро пошатнулась и международная поддержка режима. Ельцинизм, ранее благославлявшийся международными финансовыми организациями, теперь навлек на себя их проклятия. Многомиллионная демонстрация 7 октября показала, что уход Ельцина – простая формальность, с которой, однако, не следует спешить, потому что складывающиеся как на правом, так и на левом фланге политические блоки еще находятся в состоянии подготовки к овладению властью. Альтернативы, которые встали перед президентом уже в ходе октябрьских демонстраций, явно свидетельствовали о том, что режим Ельцина не может быть консолидирован.

Как и Горбачев после опереточного путча в августе 1991 г., Ельцин оказался в вакуумном пространстве. Первой возможностью был роспуск Думы и проведение новых выборов, однако президент не мог пойти по этому пути, поскольку все прогнозы показывали, что в результате выборов возникнет

еще более радикальная Дума, которая, в случае сильного ограничения власти президента, немедленно положит конец его режиму. Во-вторых, следуя примеру октября 1993 г., Ельцин мог бы осуществить новый военный путч для введения чрезвычайного положения, однако любая военная диктатура нуждается в поддержке офицерства. Офицеры российской армии в нынешнем состоянии непригодны для использования их против населения, в чем проявляется угрожающее сужение социального базиса режима. Третья возможность, которую и выбрал Ельцин, состояла в применении политики уступок, продлившей личную власть тяжело больного президента, но на деле означавшей победу Думы, одержанную при значительной поддержке народа. С этой точки зрения будущее может принести увеличение роли Думы, вследствие чего перед различными группировками политической элиты откроются более широкие возможности для осуществления определенного контроля над президентской властью. Такой ход событий кажется благоприятным и с точки зрения различных общественных организаций, ведь в близком будущем через посредство Думы может усилиться влияние оппозиционных голосов, противостоящих режиму, а средства массовой информации перестанут быть средством единственной политической силы.

Усиление Думы под знаком сплочения коммунистов и националистов выдвинет на передний план задачу предотвращения дальнейшего распада России, противодействия местным и региональным политическим группировкам. Наиболее значительные группы российских левых, включая и самого Зюганова, рассматривают дело прекращения распада России в качестве особого «проекта». Это означает, что «восстановление» России включает в себя и объединение определенных частей бывшего СССР (как об этом однозначно говорится в одном из постановлений Думы). Разочарование в Западе увеличит значение Китая в российском дипломатическом мышлении, что делает вероятным обращение в постельцинскую эпоху к плану восстановления России в

качестве «евразийской» державы. Это не утопия, поскольку экономические и политические процессы интеграции и дезинтеграции действуют совместно. Однако остаётся большим вопросом: возможно ли вообще какое-либо возрождение, новое сплочение, реконструкция России на основе капитализма и рыночной экономики? Автор данной работы с большим скептицизмом относится к положительному ответу на этот вопрос.

Серия RUSZISZTIKAI KÖNYVEK

Евреи в России

Тамаш Краус: Советский Термидор
(на русском языке)

1917

(Материалы международной конференции)

Русская литература между Востоком и Западом
(на русском языке)

Будет выпущен в ближайшее время:

Место России в Европе
(на русском и английском языках)

Серии или отдельные книги могут быть заказаны
организациями и частными лицами по адресу:

Magyar Ruszisztikai Intézet
1364 Budapest, Pf. 107

